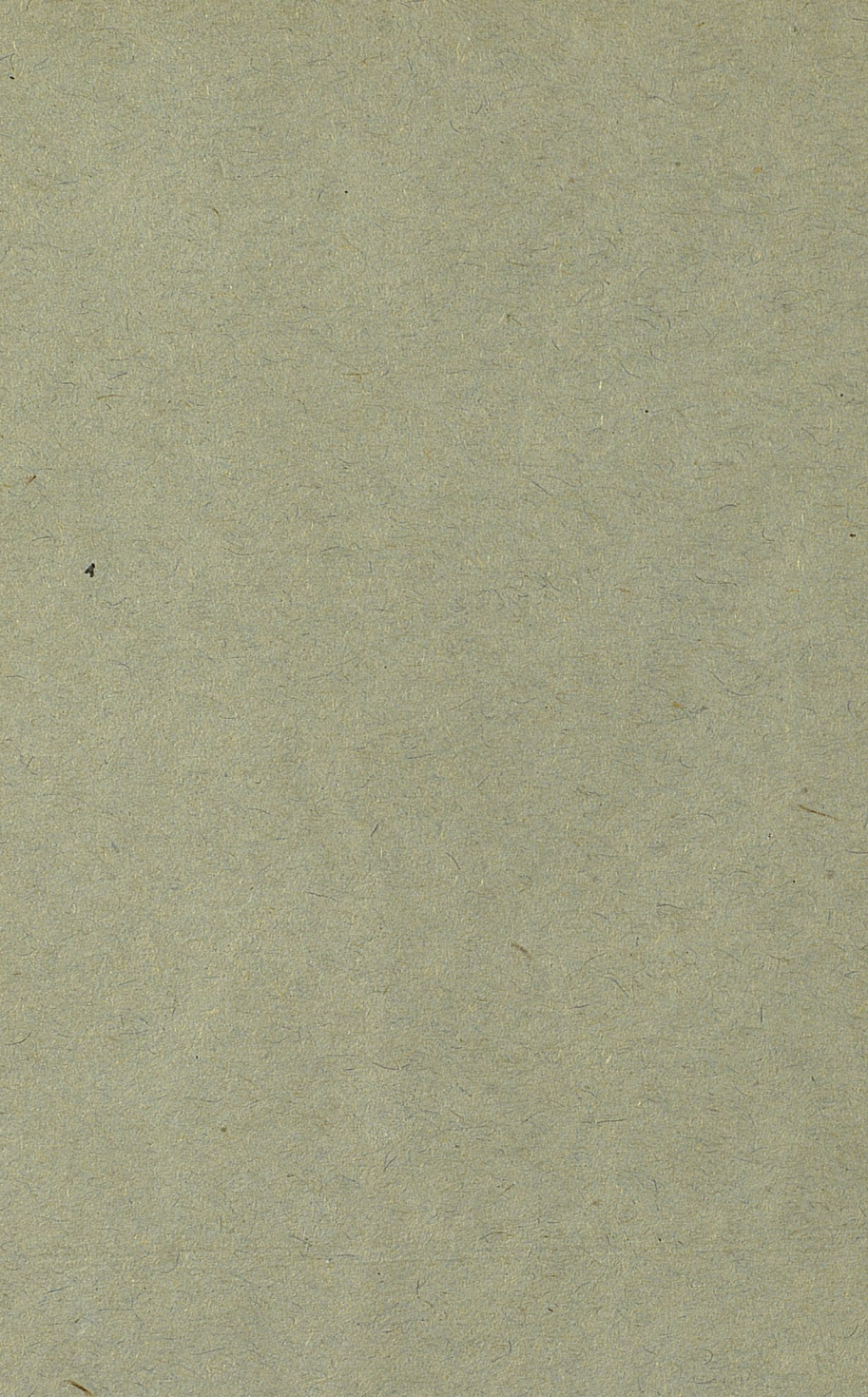

КРИТИЧ. РАЗБОРЪ
РОМАНА
ТУРГЕНЕВА "КОВЬ"

0 30
—
153

КРИТИЧЕСКІЕ РАЗБОРЫ

РОМАНА И. С. ТУРГЕНЕВА

„НОВЬ“.

Отдѣльный оттискъ изъ третьяго выпуска
„Собранія критическихъ матеріаловъ для изу-
ченія произведеній И. С. Тургенева“.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

1908.

СПИСОКЪ КНИГЪ, СОСТАВЛЕННЫХЪ И ИЗДАНЫХЪ

В. А. Зелинскимъ.

I. Пособія по изученію русскаго языка:

1. **Справочникъ по русскому правописанію**, съ приложеніемъ орфографическаго словаря и полнаго списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква **Ѣ**. Составленъ по „Руководству“ Академіи Наукъ. Выпускъ I. Изд. 9-е. Ц. 50 к.

2. **Справочникъ по русскому правописанію**. Выпускъ II. Указатель (систематическій и алфавитный) при разстановкѣ знаковъ препинанія. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

3. **Справочникъ по русскому правописанію**. Выпускъ III. Корнесловъ русскаго языка. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

4. **Справочникъ по русскому правописанію**. Выпускъ IV. Правописаніе, этимологическое происхожденіе и объясненіе иностранныхъ словъ, наиболѣе употребляющихся въ русскомъ литературномъ языкѣ. Ц. 50 к.

5. **Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій по русскому языку**. Приспособленъ къ элементарной грамматикѣ К. Говорова. Изд. 5-е. Ц. 25 к.

6. **Вступительный курсъ зрительнаго диктанта**. Книга для элементарныхъ орфографическихъ упражненій (печатается).

7. **Зрительный диктантъ**. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система практическаго самоизученія русскаго правописанія по методу списыванія и разрѣшенія орфографическихъ задачъ. Часть первая. Изд. 15-е. Ц. 50 к.

8. **Зрительный диктантъ**. Часть вторая. Знаки препинанія. Изданіе 8-е. Ц. 40 к.

9. **Справочный словарь буквы Ѣ**. Полный списокъ коренныхъ и производныхъ словъ, пишущихся черезъ **Ѣ**. Изд. 4-е. Ц. 25 к.

10. **Таблицы для письменнаго грамматическаго разбора** № 1. Части рѣчи. № 2. Составъ словъ. № 3. Имя существительное. № 4. Глаголь. (Печатаются новымъ изданіемъ).

КРИТИЧЕСКІЕ РАЗБОРЫ

РОМАНА И. С. ТУРГЕНЕВА

„НОВЬ“

БИБЛИОТЕКА И.

Отдѣльный оттискъ изъ третьяго выпуска
„Собранія критическихъ матеріаловъ для изу-
ченія произведеній И. С. Тургенева“.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

сп. 32-2486

МОСКВА

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

1908

О Г Л А В Л Е Н І Е.

„Н О В Ъ“.

Критическія статьи:

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Изъ „Вѣстника Европы“ за 1877 г.	1	К. Григорьева. Изъ „Дѣла“ за 1884 г.	67
В. Чуйко. Изъ „Пчелы“ за 1877 г.	9	В. Буренина.	68
В. Г. Авсѣенка. Изъ „Русскаго Вѣстника“ за 1877 г.	24	Говорухи-Отрока (Ю. Николаева).	72
П. Н. Ткачова (П. Никитина). Изъ „Дѣла“ за 1877 г.	41	И. Иванова.	78
Н. К. Михайловскаго. Изъ „Отеч. Записокъ“ 1877 г.	48	Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.	93
В. Г. Авсѣенка.	53	К. Чернышева.	95
		К. Головина.	104

Критическіе отзывы о дѣйствующихъ лицахъ „Нови“ — каждомъ въ отдѣльности.

Неждановъ.

Выдержки изъ критическихъ статей:	
П. Ткачова (П. Никитина).	109
В. Авсѣенка.	112
О. Миллера.	114
В. Буренина.	115
Н. Михайловскаго.	116
А. Незеленова.	118
И. Иванова.	119
Д. Овсянико-Куликовскаго.	131
К. Чернышева.	132

Соломинъ.

Выдержки изъ критическихъ статей.	
В. Авсѣенка.	139
В. Буренина.	142
Н. Михайловскаго.	146
Говорухи-Отрока (Ю. Николаева).	147
К. Чернышева.	150
Д. Овсянико-Куликовскаго.	155
И. Иванова.	157

Марианна.

Стр.

Выдержки изъ критическихъ статей и этюдовъ:	
В. Буренина.....	164
Н. Михайловскаго.....	—
О. Миллера.....	165
Говорухи-Отрока (Ю Николаева).....	166
К. Чернышева.....	168

Сипягинъ.

Выдержки изъ критическихъ статей и этюдовъ:

П. Ткачова (П. Никитина).	168
В. Буренина.....	169
А. Незеленова	171
В. Авсѣенка	172

Калломѣйцевъ.

Выдержки изъ критическихъ статей и этюдовъ:

В. Буренина.....	173
П. Ткачова (П. Никитина)	174
А. Незеленова	175

Маркеловъ.

Выдержки изъ критическихъ статей и этюдовъ:

Н. Михайловскаго.....	178
В. Авсѣенка.....	179

Стр.

В. Буренина.....	180
Говорухи-Отрока (Ю. Николаева).....	181
Д. Овсяннико-Куликовскаго.	—

Паклинъ.

Отзвыы:

В. Буренина.....	182
Д. Овсяннико-Куликовскаго.	183

Сипягина.

Отзвыы П. Ткачова (П. Никитина).....	183

Голушкинъ.

Отзвывъ А. Незеленова...	184

Машурина и Остродумовъ.

Характеристики:

В. Буренина.....	186
Говорухи-Отрока (Ю. Николаева).....	—
Д. Овсяннико-Куликовскаго.	187

Өомушка и Фимушка.

Отзвывъ В. Авсѣенка.....	188

„НОВЬ“.

*) У насъ былъ обычай—при началѣ каждаго новаго года дѣлать, въ доступной намъ формѣ, оцѣнку общаго положенія дѣль и подводить какъ-бы балансъ истекавшему году. Нынѣшній разъ это сдѣлали не мы: въ первыхъ двухъ книгахъ журнала печатался новый романъ И. С. Тургенева. Что общаго, спросятъ насъ—можетъ имѣть романъ съ подобнымъ образомъ внутренней политики за какой бы то ни было годъ? Но, во-первыхъ, не надобно забывать того, что у насъ литературныя условія чрезвычайно своеобразны, и только у насъ отъ беллетриста даже требуютъ, чтобы онъ былъ непременно органомъ и выразителемъ общественныхъ стремленій, въ одинаковой степени съ публицистомъ,—даже въ большей степени, такъ какъ кисть художника имѣетъ для себя болѣе ширины и простора, чѣмъ перо чисто-публицистическаго писателя. Въ силу именно этого обстоятельства, и независимо даже отъ высокой степени своего художественнаго таланта, г. Тургеневъ былъ издавна наиболѣе вліятельнымъ изъ нашихъ беллетристовъ. Въ немъ видѣли, по преимуществу, «руководителя» общества. Онъ, конечно, не могъ быть руководителемъ безспорнымъ. Многіе отвергали его отношеніе къ нѣкоторымъ явленіямъ нашей жизни. Но достаточно вспомнить, что споры по поводу «Отцовъ и Дѣтей» послужили въ свое время поводомъ къ новой группировкѣ литературныхъ партій, что въ этихъ спорахъ сказалось съ

*) „Вѣстникъ Европы“ 1877 г. № 3. „Внутреннее Обзорѣніе“. „Новый романъ И. С. Тургенева, какъ страница изъ исторіи нашего вѣка“. Зелинскій. Критика о Тургеневѣ.

особой ясностью различіе исходныхъ точекъ нашихъ талантливейшихъ публицистовъ—и мы убѣдимся, что какъ бы ярки ни были доводы противниковъ, приглашавшихъ общество не слѣдовать за приписанными г. Тургеневу воззрѣніями, никто, однако, не отрицалъ въ немъ ни права ни призванія быть именно руководителемъ общества. Всѣ возраженія сводились только къ тому, что «руководитель» въ данномъ случаѣ ошибся. Но самая энергія, цѣлая буря этихъ возраженій доказывала, что призванія его въ смыслѣ «руководительства» не отрицали сами наиболѣе горячіе его противники.

«Новь» явилась опять съ характеромъ діагнозы современныхъ общественныхъ симптомовъ, и нельзя не сознаться, что никогда еще г. Тургеневъ не писалъ произведенія, въ которомъ идеи автора выступили бы столь ясно, вполне сознательно, осмысленно сначала и до конца. Здѣсь уже нѣтъ ни малѣйшаго повода къ недоразумѣніямъ, какъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» и «Дымѣ». Прочтя «Новь», вы совершенно опредѣленно видите, на какіе симптомы хотѣлъ указать писатель и какое онъ придаетъ имъ значеніе. Въ этой опредѣлительности, если можно такъ выразиться, высказанности почти до конца—характерное отличіе нынѣшняго произведенія г. Тургенева отъ всѣхъ предшествующихъ—и въ его пользу.

Но все-таки это—романъ, а не статья, діагноза, а не полное терапевтическое указаніе. Художникъ ясно созналъ и высказалъ симптомы, онъ даже подалъ совѣтъ, какъ уменьшить ихъ острый характеръ, но главная его заслуга все-таки только въ самой діагнозѣ, которою, какъ всякимъ рациональнымъ наблюденіемъ надъ признаками болѣзни, доказывается, что признаки эти не представляютъ чего то самопроизвольнаго. Художникъ не былъ обязанъ и даже не могъ ни объяснить, отъ чего они зависятъ, ни предвидѣть возможности такихъ новыхъ явленій, которыя могли бы сперва сгладить, а потомъ и совсѣмъ устранить эти признаки. Единственная задача беллетриста—наблюденіе, художественное воспроизведеніе наблюдаемыхъ признаковъ въ ихъ взаимной связи и указаніемъ ихъ смысла.

Если онъ пошелъ далѣе и показалъ, какимъ образомъ они могли бы видоизмѣняться къ общей выгодѣ, то и при этомъ все-таки долженъ былъ оставаться исключительно въ избранной рамкѣ наблюдаемыхъ явленій, какъ они существуютъ въ данный моментъ. Если бы онъ вдавался въ разсужденіе о томъ, что самая эта рамка, при другихъ обстоятельствахъ, могла бы измѣниться, то онъ вышелъ бы изъ области романа въ сферу чистой публицистики.

Такъ называемая «исторія» на Казанской площади подоспѣла какъ-бы нарочно, чтобы показать всю справедливость увѣщаній почетнаго автора о нелѣпости фантастическихъ попытокъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей увлечь за собой народъ для достиженія цѣлей, которыя не только преступны, но совершенно непонятны народу. Эта «исторія», послѣдовавшая приговоръ надъ участниками въ государственномъ преступленіи, разговоры въ обществѣ по этому поводу и вообще настроеніе нашей молодежи—вотъ предметы, которые неотступно становятся передъ нашими глазами, и положительно лишаютъ насъ внутренней возможности говорить о другихъ текущихъ явленіяхъ русской жизни, не упомянувъ о «Нови».

Въ «Нови» мы видимъ извѣстное стремленіе молодежи «въ народъ». Но такое стремленіе въ неизвѣстную и неразгаданную даль мы видимъ не въ одной «Нови» и не въ одной сферѣ, охваченной этимъ произведеніемъ. Развѣ въ нашей литературѣ, именно въ прошломъ же году, не была выставлена на первомъ планѣ тема объ «отсутствіи идеаловъ», о томительной тоскѣ и исканіи новыхъ путей, и развѣ писатели, которые говорили объ этомъ,—люди весьма солидные и не имѣющіе ничего общаго съ нелѣпыми революціонными попытками—не приглашали насъ «въ деревню», т. е. въ сущности туда же—«въ народъ». Это не все. Развѣ въ самомъ «движеніи въ пользу славянъ» и даже въ порывахъ къ войнѣ у насъ не сказывалось для того же самаго стремленія погрузиться во что то новое, во имя общественной идеи, наконецъ, просто уйти куда то въ неизвѣстное и неразгаданное,—только бы уйти.

Все это въ сущности проявленія одного и того же чувства, выражающагося въ какихъ то номадныхъ стремленіяхъ мысли, которыя, правда, далеко расходятся въ стороны, но расходятся—какъ радіусы расходятся изъ одной точки отправленія, изъ центра. А центромъ служить общее всѣмъ современное чувство. Назвать это чувство съ точностью мы не можемъ, хотя можемъ приискать для него очень много названій: неопредѣленность, отсутствіе положительныхъ идеаловъ, слабое біеніе пульса общественной жизни и т. д.—все это названія, употреблявшіяся въ тѣхъ же статьяхъ, на которыя мы сослались выше.

Намъ самимъ, въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣнній, пришлось коснуться этого предмета, т. е. «отсутствія идеаловъ», и мы должны были отнестись совершенно отрицательно къ исканію ихъ въ «деревнѣ». Затѣмъ, крайности и увлеченія, вызванныя «славянскимъ движеніемъ» (которое само по себѣ было вполнѣ естественно), подали намъ поводъ и наложили на насъ обязанность отнестись съ полнымъ недоувѣріемъ и къ этой мечтѣ объ «обновленіи» русскаго общества этимъ движеніемъ и жаждою внѣшнихъ успѣховъ. Наконецъ, предъ нами представляется еще одинъ радіусъ, исходящій изъ того же центра: хожденіе («въ народъ») или казанская «исторія», или мотивъ, наблюдаемый въ «Нови»,—назовите это какъ хотите.

Въ томъ обзорѣнній, о которомъ упомянуто выше, мы разсматривали, какимъ образомъ произошло нынѣшнее нравственное настроеніе общества, полнѣйшая разобщенность его членовъ, умственный разбродъ и уныніе. Мы должны были признать, что этотъ психологическій фактъ истекъ изъ сознанія обществомъ своего безсилія для осуществленія прежнихъ его идеаловъ. Изъ сознанія собственнаго безсилія—въ одной части общества, болѣе хладнокровной и способной успокаивать себя аппеляціею чисто-литературнаго свойства, возникло какъ бы самоотреченіе въ настоящемъ и стремленіе передать свое дѣло въ руки массы, которая безсильной быть не можетъ, и подчиниться тѣмъ идеаламъ, которые эта масса, «деревня», подскажетъ; или же—возложить роль обновителя на нѣкоего *deus ex machina*,

который и представлялся инымъ въ славянскомъ движеніи и въ связанной съ нимъ войнѣ. Другая же, болѣе подвижная и вмѣстѣ легкомысленная часть общества разумѣла аппеляцію къ массѣ не въ пассивномъ, но въ активномъ смыслѣ. Вотъ гдѣ различіе девизовъ: «въ деревню», «въ Сербію», «въ народъ».

Но стремленіе какъ въ той, такъ и въ другой формѣ, въ смыслѣ ли платоническаго воздыханія то по деревнѣ, то по соплеменникамъ, или въ смыслѣ преступнаго хожденія «въ народъ», повторяемъ, вытекло прямо и непосредственно изъ того положенія, что современное общество само безсильно для осуществленія своихъ прежнихъ общекультурныхъ, обще-европейскихъ идеаловъ. Отъ этого самыя эти идеалы подверглись охлажденію, даже сомнѣнію— что проявилось въ томъ значительномъ повышеніи въ курсѣ понятій славянофильства, которое нынѣ стало замѣтно не только въ нѣкоторыхъ органахъ печати, но— скажемъ прямо— въ средѣ представителей науки, и притомъ не въ Москвѣ.

Между тѣмъ, именно это-то самое положеніе, изъ котораго такъ естественно истекли всѣ указанныя послѣдствія, положеніе о полномъ безсиліи современнаго общества и объ окончательной будто бы безысходности настоящаго историческаго момента, мы, съ своей стороны, никакъ не можемъ принять безусловно. Допустимъ, что мы теперь стоимъ; но стоимъ мы не болѣе времени, чѣмъ сколько мы шли впередъ. На основаніи нѣсколькихъ лѣтъ невозможно произносить окончательныхъ приговоровъ, а у насъ такой окончательный приговоръ надъ самими собою произносятся очень часто, и только этимъ можно объяснить то указанное центробѣжное стремленіе, въ какой бы формѣ оно ни выражалось: въ активной и преступной, или въ легальной и пассивной. Мы не можемъ не согласиться, что у общества нѣтъ практическихъ силъ въ данную минуту; но мы вѣримъ, мы убѣждены, что у русскаго общества, какъ мы его теперь знаемъ, есть способности для плодотворной дѣятельности; есть и достаточно знанія и много охоты, хотя не примѣняющейя и даже не выступившей наружу. Вотъ

почему, по нашему глубокому убѣжденію, оно не должно думать о томъ, чтобы переродиться въ нѣчто другое, непохожее на то, чѣмъ создала его исторія; не должно отрекаться отъ себя и считать себя годнымъ къ упраздненію въ пользу невѣдомыхъ грядущихъ людей, съ неповѣданными доселѣ лозунгами,—даже если бы подобныя мечты о перерожденіи и самоупраздненіи наличнаго ума цѣлаго народа и не были неосуществимы сами по себѣ.

Не можемъ допустить приговора объ окончательной безысходности также и по нашему пониманію той среды, которая имѣетъ практическую силу въ своемъ распоряженіи. Историческія условія всей русской жизни были таковы, что у насъ не можетъ быть такой партіи, которая окончательно взяла бы верхъ. Коль скоро само правительство устранило возрѣнія прежней эпохи о возможности и даже необходимости окончательнаго застоя—а рядъ реформъ доказалъ неопровержимо, что оно отъ застоя, какъ принципа, отреклось—временный застой можетъ быть только отсрочкой, по мысли самого правительства. Никогда не было ни одного прямого или косвеннаго правительственнаго заявленія, которое давало бы право полагать, что оно само считаетъ рядъ реформъ окончательно завершеннымъ. Никогда не было заявленія хотя бы одного изъ правительственныхъ органовъ, въ которомъ общія начала всего культурнаго міра хотя бы косвенно порицались и мысли о нихъ объявлялись бы «вольнодумствомъ», между тѣмъ какъ лѣтъ 25 тому назадъ подобныя заявленія были не рѣдкостью, и во всѣхъ заявленіяхъ по ихъ сущности безусловно проводился взглядъ, что Россіи ничего болѣе не нужно, что благоустройство ея ближе къ истинному идеалу, чѣмъ какія-либо «сумасбродныя мечтанія», т. е. мысли о великихъ реформахъ.

Если мы всмотримся въ вещи, какъ онѣ есть въ дѣйствительности, а не будемъ увлекаться временнымъ чувствомъ унынія, то найдемъ, что основное положеніе о безысходности настоящаго момента не имѣетъ прочнаго основанія, и, стало быть, тѣ стремленія, которыя изъ него истекаютъ и которыя мы назвали «центробѣжными», не

могутъ быть основаны на полномъ убѣжденіи, хотя и внушаются наличнымъ чувствомъ.

Но, съ другой стороны, мы должны признать также, что обществу вредно долго оставаться подъ вліяніемъ чувства унынія и разочарованія, хотя бы только въ самомъ себѣ. Какъ бы ничтожны и безвредны ни были упомянутыя стремленія въ настоящее время, невозможно поручиться за отдаленное время, если бы то же чувство могло поддерживаться и питаться долгое время. Какъ бы бдительны и энергичны ни были мѣры, принимаемыя противъ отдѣльныхъ симптомовъ, какъ бы силенъ ни былъ протестъ самого общественнаго организма противъ наиболѣе острыхъ изъ этихъ симптомовъ, все таки надо сознаться себѣ, что поверхностное лѣченье, направленное противъ отдѣльныхъ симптомовъ, не обѣщаетъ вѣрнаго успѣха. Вредно было бы закрывать глаза передъ логическими послѣдствіями тѣхъ или другихъ фактовъ. Болѣзнь состоитъ не въ тѣхъ или другихъ симптомахъ; симптомы только свидѣтельствуютъ объ аномальности въ организмѣ, но сами могутъ видоизмѣняться; вѣдь, кромѣ приведенныхъ признаковъ, у насъ еще не мало и иныхъ, совсѣмъ иного рода, но которые также свидѣтельствуютъ о нездоровомъ расположеніи общественнаго организма.

Мы вѣримъ, что изъ всего этого есть исходъ; исходъ вполне возможный, правильный, естественный, указывается рядомъ преобразованій, которыхъ всѣ мы были свидѣтелями. Съ расширеніемъ круга практической дѣятельности, передъ обществомъ явилось бы прямое дѣло, и нездоровыя мечтанія и уныніе уступили бы мѣсто полнымъ жизненной силы здоровымъ направленіямъ. Исчезло бы сознаніе, безсиліе и прискиваніе какихъ-то новыхъ идеаловъ, когда всѣ умственные потребности привлекались бы самой практической жизнью и всѣ поглощались бы ею. Самый тотъ туманный и мечтательный позывъ къ какой то аппеляціи къ «деревнѣ» потерялъ бы смыслъ, и о немъ тотчасъ же забыли бы, какъ молодой человекъ, ставъ дѣятелемъ, забываетъ свои ребяческія мечты о необычайныхъ богатырскихъ подвигахъ и обращеніи къ силѣ волшебной,

за неимѣніемъ силы реальной. Всѣ указанные выше признаки легальной апатіи и активной преступности безслѣдно исчезли бы отъ правды, внесенной въ жизнь, какъ снѣгъ таетъ отъ весенняго солнца.

Обращаясь теперь спеціально къ «Нови», повторимъ, что романъ, конечно, имѣетъ дѣло только съ существующими, доступными для художественнаго наблюденія признаками, не вдаваясь ни въ то, какимъ образомъ они произошли, ни въ то, какимъ образомъ они могутъ быть устранены. Г. Тургеневъ показалъ намъ вѣрно явленіе существующее, показалъ намъ, какъ оно отражается въ нынѣшнихъ представителяхъ, легкомысленныхъ и не увѣренныхъ въ себѣ, и какъ то же самое можетъ отразиться вполслѣдствіи въ представителяхъ, менѣе легкомысленныхъ и вѣрнѣе знающихъ свои силы. Этимъ онъ и долженъ былъ удовольствоваться, художникъ какъ бы хотѣлъ сказать намъ:—Вотъ вамъ моя діагноза, а затѣмъ—дѣлайте, что хотите! Въ томъ, какъ діагноза поставлена въ «Нови»—огромная заслуга автора. Только тѣмъ же самымъ фактомъ обуявшаго насъ разброда между легальною апатіею и активной преступностью можно было объяснить себѣ недостаточную чувствительность самой нашей критики къ громадной общественной заслугѣ новаго произведенія; ея одной, въ прежнее болѣе здоровое время, было бы достаточно, чтобы оно произвело поразительное впечатлѣніе, совершенно даже независимо отъ художественныхъ красотъ, указать на которыя предоставляемъ литературному критику. Для насъ, въ этомъ отдѣлѣ журнала, романъ г. Тургенева интересенъ прежде всего, какъ любопытнѣйшая страница современной исторіи, весьма поучительная для желающихъ учиться, весьма искренняя для тѣхъ, кто дорожить правдой и любить слушать ее.

Изъ „Вѣстника Европы“ за 1877 г.

* *
* *

*) Помимо всѣхъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, переживаемыхъ нами въ настоящее время, нельзя не замѣтить, что начало нынѣшняго года ознаменовано крупнымъ, во всякомъ случаѣ, событіемъ въ русской текущей литературѣ. Я говорю о новомъ романѣ И. С. Тургенева. Для современнаго критика такое событіе, помимо общаго значенія, имѣетъ еще и другой интересъ: среди заурядныхъ произведеній современной литературы особенно отрадно остановиться на произведеніи высокаго таланта, болѣе тридцати лѣтъ стоящаго во главѣ русскаго умственнаго движенія и олицетворяющаго собою до сихъ поръ лучшія стремленія русскаго общества. Обязанность современнаго критика, по истинѣ, чрезвычайно печальна: ему то и дѣло приходится отмѣчать или совершенно неудачныя произведенія, или же произведенія, если и талантливые, то во всякомъ случаѣ не отвѣчающія требованіямъ данной минуты. Наша беллетристика растрачивается на мелочи и подробность; съ одной стороны, слишкомъ большія заботы, относительно такъ называемаго психологическаго анализа, сводятъ даже и талантливаго романиста на кропотливаго искателя такихъ деталей умственнаго и душевнаго механизма, которыя имѣютъ весьма ничтожное значеніе въ общей психической жизни, а съ чисто научной точки зрѣнія являются или простыми парадоксами, или же, въ крайнемъ случаѣ, при удачной наблюдательности, составляютъ простое сообщеніе мелкаго факта, ни въ какомъ случаѣ не могущаго значительно вліять на развитіе характера, въ томъ или другомъ отношеніи, и не играющаго никакой роли въ общей экономіи психической жизни. Съ другой стороны, вторая школа нашихъ беллетристовъ, оставляя въ сторонѣ психическій анализъ, занимается фабрикаціей болѣе или менѣе удачныхъ манекеновъ, чрезвычайно удобныхъ для выраженія личныхъ мнѣній автора, который заботится не о воспро-

*) В. Чуйко. „Пчела“ 1877 г., №№ 3, 4 и 5. Статья подъ заглавіемъ: „И. С. Тургеневъ: *Новъ, романъ (Вѣстникъ Европы)*, январь, первая часть“.

изведеніи жизни, а о развитіи тезиса, лично ему особенно интереснаго. Въ первомъ случаѣ, наши беллетристы—не болѣе какъ послѣдователи искусства для искусства, расходящагося все болѣе и болѣе съ требованіями жизни, витающаго въ какомъ-то мірѣ призраковъ, не имѣющемъ ничего общаго съ повседневной, жизненной драмой. Во второмъ, они берутъ на себя роль проповѣдниковъ, казнятъ и милуютъ, совершенно забывая, что искусство — не кафедра проповѣди, не трибуна оратора, и что точка зрѣнія нравственности (общественной или частной) во всякомъ случаѣ можетъ играть только второстепенную роль въ искусствѣ. Конечно, существуютъ почтенныя исключенія, доказывающія, что современная беллетристика не представляетъ собой того упадка, о которомъ намъ то и дѣло твердятъ пессимисты «Русскаго Вѣстника», превращающіе критику въ нѣчто вродѣ кордегардіи и полицейскаго участка. Но тѣмъ не менѣе, эти исключенія только подтверждаютъ то, что мы сказали объ общемъ состояніи нашей беллетристики.

И. С. Тургеневъ принадлежитъ къ совершенно другому типу художниковъ. Частная психологія личности его настолько интересуется, насколько она является необходимымъ подспорьемъ наблюденія надъ живыми людьми и на сколько она необходима для опредѣленія характера или типа. Свои мнѣнія, міросозерцаніе, теоріи, предположенія и желанія И. С. Тургеневъ выдвигаетъ на первый планъ настолько, насколько это нужно для опредѣленія типа всего произведенія. Но такъ называемая тенденціозность, *une thèse*, какъ говорятъ французы, въ произведеніяхъ И. С. Тургенева играетъ значительную роль, хотя И. С.—въ полномъ значеніи слова—истинный художникъ, который держитъ знамя искусства высоко, оберегая его роль отъ грязи и внѣшнихъ наростовъ. И эта тенденціозность совершенно понятна: художникъ имѣетъ дѣло не съ фикціями собственнаго воображенія, а съ жизнью и съ живыми людьми, онъ самъ живой человѣкъ, сложившійся извѣстнымъ порядкомъ, подъ извѣстными вліяніями, въ извѣстной средѣ; онъ не только художникъ, но и членъ даннаго общества, радующійся его радостямъ, страдающій его страданіями. Вотъ почему въ

общественное дѣло онъ вноситъ извѣстную долю своего участія, онъ имѣетъ свой голосъ въ этомъ дѣлѣ, голосъ, можетъ быть, болѣе нужный, вѣскій, чѣмъ голосъ всякаго другого. Но эта индивидуальная, личная сторона не должна заслонять собою другой, общей стороны, составляющей настоящей, дѣйствительный объектъ творческой дѣятельности, которая заключается въ объективной воспримчивости жизни, въ полномъ воспроизведеніи дѣйствительности не въ деталяхъ, а въ общей сложности явленій. И. С. Тургеневъ является именно такимъ тенденціознымъ писателемъ: для искусства онъ не отказывается ни отъ своихъ мнѣній ни отъ своего міросозерцанія, но уваженіе къ жизни и къ дѣйствительности у него такъ велико, что намѣренно онъ никогда не исказитъ ихъ, даже для самыхъ важныхъ интересовъ собственной мысли. Отсюда — другое послѣдствіе его художественной школы: романъ И. С. — есть романъ философскій, если слѣдовать терминологіи западно-европейскихъ литературъ.

Философскій романъ — есть воспроизведеніе типа, сосредоточивающаго въ себѣ если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большинство стремленій данной эпохи и даннаго народа. Изъ этого опредѣленія ясно, что философскій романъ не принадлежитъ къ реалистической школѣ современной беллетристики; и дѣйствительно, такого рода типъ не есть что-либо конкретно существующее, не есть живой организмъ, который намъ легко изучить непосредственнымъ наблюденіемъ, простымъ анализомъ. Это — извѣстный выводъ синтетическаго характера, выводъ, основанный на тщательномъ изученіи дѣйствительности, но ужъ выходящій за ея предѣлы, — формула, какъ сказалъ бы математикъ, или ракурсъ, какъ сказалъ бы художникъ, — чрезвычайно облегчающій пониманіе этой дѣйствительности. Представляя собой полное объясненіе дѣйствительности, подъ угломъ личныхъ особенностей автора, — такой романъ является, по истинѣ, философскимъ романомъ, потому что здѣсь личное наблюденіе, личная мысль, детали уходятъ на второй планъ. Поэтому и И. С. Тургеневъ, всецѣло принадлежа къ натуральной школѣ, нисколько не реалистъ, въ родѣ Зола, Гонку-

ровъ, или Гончарова. Но въ то же время, онъ и не ученый, выводящій изъ наблюдений за фактами абстрактныя, сухія положенія. Своими изслѣдованіями надъ жизнію онъ приходитъ не къ безстрастной формулѣ, годной для объясненія всѣхъ частныхъ случаевъ, а къ живому, художественному обобщенію, которое выражается создаваемымъ имъ типомъ. Другими словами, какъ и всѣ великіе художники, И. С. Тургеневъ не только описываетъ, не только воспроизводитъ жизнь, но также и мыслить; изъ-за подробностей онъ замѣчаетъ законы, управляющіе ими; въ его типахъ и характерахъ—все строго дѣйствительно и индивидуально, но въ то же время всѣ подробности и индивидуальныя особенности направлены въ одну точку, образуютъ одно органическое цѣлое, являющееся уже выводомъ, обобщеніемъ. Отсюда то сильное впечатлѣніе, которое производятъ характеры Тургенева на читателя; мы не только понимаемъ ихъ, но и чувствуемъ, потому что они гораздо выразительнѣе, чѣмъ живыя лица;—то, что природа разсѣяла въ массѣ подробностей,—то искусство соединяетъ въ одинъ фокусъ. Но ему, какъ и всякому истинному художнику, недостаточно констатировать жизнь, онъ хочетъ ее понимать; изъ массы частныхъ фактовъ, которые для насъ, по большей части, не связаны никакой причинностью, художникъ опредѣляетъ законы, управляющіе ими. Въ томъ или другомъ характерѣ, типѣ, онъ видитъ не одну простую случайность, а роковое, неизбѣжное слѣдствіе цѣлаго ряда причинъ, которыя его подготовили, направили, воспитали, опредѣлили и сдѣлали его тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Въ массѣ характеровъ и типовъ данной эпохи и даннаго народа, онъ видитъ причины ихъ образованія и тѣсную связь; усиленіемъ творческой дѣятельности онъ ищетъ тѣхъ общественныхъ, политическихъ, экономическихъ и культурныхъ условій, которыя ихъ создали, выдвинули на первый планъ, и въ которыхъ каждый изъ насъ видитъ частичку самого себя, своихъ стремлений, порывовъ и идеаловъ. Художникъ, такимъ образомъ, оставаясь художникомъ, даетъ намъ полную исторію общества въ выводахъ и живыхъ образахъ.

Почти всѣ значительныя произведенія И. С. Тургенева имѣютъ этотъ характеръ обобщенія. «Записки Охотника», «Рудинъ», «Дворянское Гнѣздо», «Отцы и Дѣти», «Дымъ», — гнѣсно связаны съ исторіей нашего общества, составляютъ, такъ сказать, вѣха, опредѣляющіе путь, по которому слѣдовало наше умственное и гражданское развитіе. Каждое изъ этихъ произведеній опредѣляетъ извѣстный моментъ русской общественной жизни; Тургеневъ, какъ выразился «Курьеръ» въ своей «Histoire de la littérature contemporaine en Russie», — après avoir dit son mot sur la question du serfage, s'attacha à décrire la situation morale de ses contemporains». Въ этой задачѣ опредѣленія нравственнаго состоянія своихъ современниковъ заключается истинная заслуга Тургенева, оказанная имъ русской литературѣ и русскому обществу.

Но съ первыхъ же его произведеній, мы заключаемъ уже нѣкоторыя особенности его таланта. Еще Кантъ утверждалъ, что наши идеи образуются частью вліяніемъ внѣшняго міра, частью — принадлежатъ нашему внутреннему я, что предметъ, поражая нашъ умъ, — находитъ тамъ уже готовую форму, которая въ извѣстной степени измѣняетъ воспринятый образъ, и что такимъ образомъ, наша истина не есть еще объективная истина. Въ психологіи это ученіе не болѣе какъ гипотеза, но въ критикѣ оно является неизмѣннымъ правиломъ. *La plus jolie femme du monde ne peut donner que ce qu' elle a,* — говоритъ французская пословица. То же самое можно сказать о всякомъ писателѣ и художникѣ. Личная структура ума писателя не только опредѣляетъ его отношенія къ предмету его творчества, но также и измѣняетъ его въ извѣстномъ направленіи. Въ этомъ заключается особенность каждаго ума и своеобразность каждаго таланта. Одинъ видитъ въ обществѣ и въ людяхъ одни только карикатурныя или безобразныя стороны (Щедринъ, на прим.), другой — героическіе элементы жизни (Гюго), третій — страсти (Шекспиръ), и т. д. Всякій приходитъ къ одному неизбѣжному выводу, который является окончательнымъ сводомъ всей его умственной дѣятельности. Такъ же, какъ и всякій великій художникъ, И. С.

Тургеневъ имѣетъ свой выводъ, уже лично ему принадлежащій, субъективный. Этотъ выводъ—есть типъ *лишняго человѣка*, созданный имъ въ русской литературѣ и повторяющійся во всѣхъ его произведеніяхъ. Рудинъ—это прототипъ этихъ лишнихъ людей. Чрезвычайно умный, образованный, большой энтузіастъ,—онъ, казалось, былъ полонъ огня, смѣлости, жизни, но въ сущности онъ—холодный эгоистъ любующійся своимъ собственнымъ краснорѣчіемъ. «Jam sir Oracle and when I ope my lips, let no dog bark», какъ говоритъ Шекспиръ въ «Венеціанскомъ Купцѣ». Рудинъ былъ наивно убѣжденъ въ томъ, что говорить, но далѣе этого онъ не шелъ; испробовавъ всего, побывавъ вездѣ, оставивъ послѣ себя несчастіе и драму, не достигнувъ никакого практическаго дѣла, онъ умираетъ на парижской баррикадѣ... Но былъ ли онъ вполнѣ *лишнимъ* человѣкомъ? Не совсѣмъ; не будучи въ состояніи приложить свои теоріи къ жизни, онъ могъ имѣть вліяніе, и вліяніе самое благотворное на другихъ. Въ то время русское общество было только еще наканунѣ дѣла, и Рудины, во всякомъ случаѣ, играли роль фермента, бродячаго начала.

Лаврецкій («Дворянское Гнѣздо») есть другой типъ лишняго человѣка; его усилія бесплодны только вслѣдствіе роковыхъ условій жизни; онъ принужденъ бороться не противъ своего собственнаго безсилія, но противъ положенія и идей, которыхъ не можетъ сломать никакая энергія и воля, и онъ падаетъ побѣжденный, не сдѣлавъ ничего ни лично для себя ни для народа, который онъ такъ любилъ. Всѣ другіе типы и характеры романовъ Тургенева представляютъ собой только измѣненіе и варианты этой концепціи лишняго человѣка. Инсаровъ—лишний, во всякомъ случаѣ, человѣкъ, который въ концѣ своего поприща принужденъ сознаться, что вся его жизнь, вся энергія ушли на дѣло, котораго выполнить онъ не былъ въ состояніи. Литвиновъ («Дымъ») приходитъ къ разочарованію и довольству личной жизнью. Вездѣ мы встрѣчаемъ одну и ту же ноту, звучащую во всемъ, что написалъ И. С. Тургеневъ,—ноту бесплодной и бесполезной борьбы противъ

общества. Всѣ его герои — «печальный продуктъ печальнаго положенія». Таковъ художественный выводъ И. С. Тургенева, выводъ, который вполне объясняется его извѣстной статьей «Гамлетъ» и «Донъ-Кихотъ». Полоній — былъ дѣятельный старикъ и человѣкъ практическій, полный здраваго смысла, хотя ограниченный. Для Полонія, — что такое Гамлетъ? Для него — Гамлетъ скорѣе ребенокъ, чѣмъ сумасшедшій; онъ на него не смотритъ серьезно, — и, по мнѣнію Тургенева, Полоній правъ. Гамлеты — бесполезны массамъ, они ничего не даютъ, не могутъ ихъ направлять, потому что сами не знаютъ куда итти. Къ тому же Гамлеты презираютъ толпу. Совершенно другое представляетъ собою Санхо. Онъ смѣется надъ Донъ-Кихотомъ, потому что знаетъ, что онъ сумасшедшій; но Санхо заботится о немъ, жертвуетъ собой для Донъ-Кихота. Какъ Тургеневъ объясняетъ эту разницу между Полоніемъ и Санхо? Толпа, говоритъ онъ, способна на энтузіазмъ безъ разчета, она всегда готова слѣдовать за тѣми, которые идутъ впередъ, безъ боязни, ищутъ выхода, падаютъ, поднимаются. Гамлеты не любятъ и не боятся ничего; они заботятся только о себѣ, они — изолированы и потому безсильны. Такой портретъ Гамлета — составляетъ осужденіе эпохи сороковыхъ годовъ. Тургеневъ, доказывая намъ превосходство чувства надъ разумомъ, точно говоритъ, что эпоха Рудиныхъ смѣняется эпохой людей пракческаго дѣла.

Вотъ тотъ субъективный уголъ зрѣнія, подъ которымъ Тургеневъ смотритъ на эпоху сороковыхъ годовъ, эпоху Рудиныхъ. Но переноситъ ли Тургеневъ этотъ уголъ зрѣнія и на наше время? Смотритъ ли онъ на это время также мрачно и безотраднo? Составляетъ ли этотъ выводъ только объективное сужденіе мыслителя, — или же является послѣдствіемъ особенностей его таланта и ума? Вся послѣдующая дѣятельность Тургенева доказываетъ намъ, что въ данномъ случаѣ онъ не мыслитель, а только художникъ, покоряющійся послѣдствіямъ своей художественной, до крайности впечатлительной природы. «Отцы и Дѣти» составляютъ переломъ и какъ бы пониженіе его таланта.

По его же собственному сознанию, онъ вступилъ въ новую эпоху, эпоху уже не *лишнихъ*, а практическихъ людей, а между тѣмъ, что представляетъ собою Базаровъ, этотъ типъ новаго человѣка, по концепціи Тургенева? Въ чемъ заключается его философское значеніе? Въ настоящее время мы такъ далеко стоимъ отъ той ожесточенной полемики, которая была вызвана «Отцами и Дѣтьми»,—что имѣется возможность совершенно объективно высказать наше окончательное мнѣніе. Нѣтъ, Базаровъ не новый человѣкъ, тотъ человѣкъ дѣла и энергіи, личныхъ усилій, который былъ намъ возвѣщенъ. Базаровъ все тотъ же лишній человѣкъ, сначала очарованный, а потомъ разочарованный, какъ Рудинъ, Лаврецкій и Литвиновъ; въ немъ, какъ и въ людяхъ сороковыхъ годовъ, мы видѣли ту же жажду дѣятельности, тѣ же упованія, тѣ же высокіе порывы, но, какъ и люди сороковыхъ годовъ, онъ не достигаетъ никакого дѣла, и падаетъ подъ ударами судьбы (нѣсколько случайными и мелодраматичными), высказывая тотъ же мрачный и безотрадный взглядъ на жизнь. Измѣнилась декорация, внѣшность,—но не измѣнился основной взглядъ автора на людей и жизнь. Эпоху шестидесятыхъ годовъ онъ продолжаетъ объяснять, какъ объяснялъ время сороковыхъ годовъ: тѣми же мотивами, тѣми же социальными элементами и, кромѣ внѣшняго различія, авторъ не сумѣлъ отыскать между этими двумя эпохами ни исторической преемственности ни рѣзкаго отличія по существу. И опять таки—тотъ же субъективный выводъ: разочарованіе, безвѣріе въ лучшую долю, какое-то шопенгауэровское примиреніе на краю могилы, въ объятіяхъ смерти.

Эти основныя положенія вполне опредѣляютъ Тургенева. При значительной наблюдательности, при огромномъ лирическомъ талантѣ, Тургеневъ собственно является пѣвцомъ природы, любви въ ея высшихъ и лучшихъ проявленіяхъ женщинъ. Это его настоящая область, скрашиваемая имъ нѣсколько туманной, но, во всякомъ случаѣ, обаятельной поэзіей. Но Тургеневъ ниже своего таланта въ распутываніи социальныхъ усложненій, благодаря органической наклонности ума къ окончательному примиренію «на лонѣ при-

роды»; въ этомъ заключается его философскій синтезъ, заставляющій его видѣть въ людяхъ не энергію, страсть, героизмъ, готовность жертвовать собою ради высшаго, идеальнаго стремленія,—а одни только благородные порывы существа, большого недостаткомъ воли и избыткомъ лимфатическаго безсилія. Сквозь эту призму, искажающую явленія своимъ рѣзкимъ преломленіемъ угла,—Тургеневъ смотритъ на людей и природу, на Россію, ея историческія задачи, на умственное движеніе русскаго общества, на его идеальныя стремленія и конечныя цѣли. Правъ ли И. С. Тургеневъ и правда ли, что анализъ русскаго общества приводитъ къ такому разочарованію, а русскій человѣкъ страдаетъ недостаткомъ воли?—Нѣтъ, И. С. не правъ,—не правъ потому, что, какъ только ему пришлось перейти за рубежъ сороковыхъ годовъ—этой эпохи лишнихъ людей, Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда, доморощенныхъ Фаустовъ и Литвиновыхъ, которые со всѣмъ своимъ европейскимъ образованіемъ и культурностью, способны произносить монологи на тему о томъ, что все дымъ,—и ихъ личныя стремленія и идеальныя стремленія общества,—какъ только, говорю, ему пришлось перейти за этотъ рубежъ и вступить въ область для него новую, незнакомую эпоху новыхъ формацій, вызванныхъ новыми общественными усложненіями,—онъ не отыскалъ въ этой другой эпохѣ, ему чуждой, ни другихъ элементовъ ни другихъ задачъ. Онъ перенесъ на нее свое міросозерцаніе разочарованія, повторяя вмѣстѣ съ Дантомъ:

...Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria...

Собственно эта общая и нѣсколько бѣглая характеристика И. С. Тургенева исчерпываетъ, по моему мнѣнію, всю задачу критика по отношенію къ писателю, который стоитъ во главѣ нашей беллетристики. Его новый романъ можетъ только подтвердить то, что уже было высказано мною о прежнихъ произведеніяхъ И. С. Тургенева.

«Новь», — какъ и «Отцы и Дѣти», — характеристика новыхъ для г. Тургенева временъ, тѣхъ временъ, въ которыхъ лично онъ уже не участвуетъ, а остается простымъ и во возможности безпристрастнымъ зрителемъ. Такое положеніе простаго наблюдателя, казалось бы, болѣе благоприятно, потому что наблюдателю гораздо легче уловить такія черты и особенности, которыя обыкновенно ускользаютъ отъ вниманія участниковъ; онъ можетъ не только видѣть эти черты и особенности, но совершенно хладнокровно обсудить ихъ значеніе и приурочить ихъ къ тому или другому общему явленію, найти ихъ причинную связь. Но въ искусствѣ какъ разъ бываетъ наоборотъ; художникъ, сердце котораго не бьется пульсомъ массы, художникъ, смотрящій равнодушно и безучастно «съ своего прекраснаго далека» на горячую борьбу жизни, по выраженію Диккенса — увидитъ только рядъ картинъ, болѣе или менѣе блестящихъ, болѣе или менѣе печальныхъ, — но почти никогда не угадаетъ дѣйствительнаго значенія борьбы и конечныхъ цѣлей ея. Искусство — не философія, а сама жизнь, со всѣми ея радостями и печалами, порывами, упадкомъ энергіи, надеждами. Вотъ почему художникъ обязанъ, подъ угрозой пониженія таланта, быть въ то же время и гражданиномъ, какъ всѣ мы, смертные, — волноваться, страдать и любить, — любить то дѣло, въ которомъ мы невольные участники, страдать за раненыхъ и выбывшихъ изъ строя, ждаты и надѣяться побѣды. Олимпійское спокойствіе и равнодушное *à parte*, — сошло даромъ одному только Гёте; но даже и Шекспиръ, — этотъ великанъ среди великановъ, — жилъ среди людей, которыхъ изображалъ, и раздѣлялъ всѣ ихъ стремленія, недостатки и качества.

Это *à parte*, съ котораго г. Тургеневъ смотритъ на русскую жизнь, — оказало ему плохую услугу; оно не научило его ничему, а возвѣщенная имъ «Новь», — все та же старая земля, съ нѣкоторой примѣсью чернозема, если хотите, — которую онъ *поднималъ* уже не разъ въ качествѣ хозяина-агронома. «Поднимать слѣдуетъ новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающимъ плугомъ», — говоритъ И. С. въ эпиграфѣи къ своему новому

роману. Посмотримъ же, такъ ли онъ поднимаетъ новъ и слѣдуетъ ли онъ своему правилу.

Дѣло происходитъ въ 1868 г., сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ деревнѣ. Мы на первыхъ же строкахъ встрѣчаемся съ этой «Новью». Во-первыхъ, Машурина, — молодая женщина, сдавшая экзаменъ на повивальную бабушку. Года полтора назадъ, она, бросивъ свою семью, прибыла въ Петербургъ съ шестью цѣлковыми въ карманѣ; поступила въ родовспомогательное заведеніе и безустаннымъ трудомъ добилась желаннаго аттестата. Остроумовъ, — молодой человекъ, занимающійся пропагандой. Паклинъ, — нѣчто въ родѣ Шубина въ «Наканунѣ», и какъ Шубинъ — остроумный шутникъ и любитель женщинъ. — Паклинъ знался со множествомъ студентовъ, которымъ онъ нравился своею цинической бойкостью; лишь изрѣдка ему доставалось отъ нихъ. Разъ онъ какъ-то опоздалъ на «политическую» сходку... Войдя, онъ тотчасъ началъ торопливо извиняться... — «Трусовать былъ Паклинъ бѣдный», — запѣлъ кто-то въ углу, — и всѣ расхохотались. Паклинъ, наконецъ, засмѣялся самъ, хоть и скребло у него на сердцѣ. «Правду сказалъ, мошенникъ!» — подумалъ онъ про себя. Затѣмъ мы видимъ Нежданова, — какъ надо полагать — настоящаго героя романа, вокругъ котораго сосредоточивается вся драма. Слѣдуетъ ли говорить, что Неждановъ — копія съ прежнихъ героевъ г. Тургенева, — Литвинова, напр., или Базарова, — только болѣе изящнаго и красиваго Базарова? Какъ Базаровъ ѣздилъ на лѣто къ своимъ роднымъ и встрѣтился съ Одинцовой, такъ Неждановъ ѣдетъ «на кондицію» въ качествѣ учителя въ деревню къ Сипягину, — важному сановнику, и встрѣчаетъ тамъ его жену, М-ше Сипягинъ, — которая въ значительной степени напоминаетъ Одинцову, и съ нимъ кокетничаетъ. Валентина Михайловна была проникнута той особенной граціей, свойственной «милымъ» существамъ; — въ этой граціи нѣтъ ни поэзіи ни истинной чувствительности, но есть мягкость, есть симпатія, есть даже нѣжность. Только перечить этимъ прелестнымъ эгоистамъ не слѣдуетъ: онѣ властолюбивы — и не выносятъ чужой самостоятельности. Женщины, подобныя Сипягиной,

возбуждаютъ и волнуютъ людей неопытныхъ и страстныхъ; сами онѣ любятъ правильность и тишину жизни. Добро-дѣтель имѣ легко дается—онѣ невозмутимы; но постоянное желаніе повелѣвать, привлекать и нравиться—прида-етъ имѣ очарованіе и блескъ; воля у нихъ крѣпкая,—и самое ихъ обаяніе частью зависитъ отъ этой крѣпкой воли. Трудно устоять человѣку, когда по такому ясному, нетро-нутому существу забѣгаютъ огоньки какъ бы невольной тайной нѣги; онѣ такъ и ждетъ, что вотъ-вотъ наступитъ часъ —и ледъ растаетъ; но свѣтлый ледъ только играетъ лучами,—и не растаятъ, не помутится ему никогда! Си-пягинъ,—по выраженію Шекспира,—не человѣкъ, а се-наторъ*); сановникъ важный и либераль. Типъ

You are a senator...

этотъ,—надобно отдать И. С. Тургеневу справедливость,— великолѣпно схваченъ, и составляетъ единственный вполнѣ законченный типъ новаго романа. Калломѣйцевъ—другой типъ,— гораздо слабѣе, если можно такъ выразиться, вульгарнѣе. Служилъ онѣ въ министерствѣ двора, имѣлъ званіе камеръ-юнкера; *patriotisme* помѣшалъ ему пойти по дипломатической части, куда, казалось, все его призы-вало: и воспитаніе, и привычка къ свѣту, и успѣхи у женщинъ, и самая наружность... *mais quitter la Russie?.. jamais!* Онѣ былъ... *un peu trop feudal dans ses opinions*, — врагъ нигилистовъ и прогресса, какъ и другъ его, нѣкто Ladislas,—романистъ большого свѣта. Калломѣйцевъ гово-рить: «романъ Ладисласа я прочту непременно. Il y aura le petit mot pour rire... и направление! направление! Ни-гилисты будутъ посрамлены,—въ этомъ мнѣ порукой образъ мыслей Ладисласа—*qui est très correct!*... Этотъ Калломѣй-цевъ вступаетъ въ споръ съ Неждановымъ.

«По немногу расходившись и придя въ азартъ, Калло-мѣйцевъ отъ заграничныхъ якобинцевъ обратился къ домо-рощеннымъ нигилистамъ и социалистамъ,—и разразился цѣ-

*) Thou arta villain...

лой филиппикой... онъ изъявилъ желаніе раздробить, превратить въ прахъ всѣхъ тѣхъ, которые сопротивляются— чему бы и кому бы то ни было! Онъ именно такъ выразился. — Пора, пора! твердилъ онъ, занося себѣ ложку въ ротъ; — пора! пора! — повторялъ онъ, подставляя рюмку слугѣ, разливавшему хересъ. Съ благоговѣніемъ упомянулъ онъ о великихъ московскихъ публицистахъ—и Ladislav, notre bon et cher Ladislav не сходилъ у него съ языка. — И при этомъ онъ то и дѣло устремлялъ взоръ на Нежданова, словно тыкалъ имъ. — «Вотъ, молъ, тебѣ! Получай загвоздку! Это я на твой счетъ! А вотъ еще!» — Тотъ не вытерпѣлъ, наконецъ—и началъ раздражаться—немного, правда, трепетнымъ (конечно, не отъ робости) и хриповатымъ голосомъ началъ защищать надежды, принципы, идеалы молодежи. Калломѣйцевъ запицалъ—негодованіе въ немъ всегда выражалось фальцетомъ, —и сталъ грубить... Но вдругъ услышавъ въ двадцатый разъ прознесенное имя Ladislav' a—Неждановъ вспыхнулъ весь и, ударивъ ладонью по столу, воскликнулъ: — Вотъ наши авторитеты! Какъ будто мы не знаемъ, что такое этотъ Ladislav! Онъ прирожденный клеветъ и больше ничего! — А...а...а... во... вонъ ку...да! — простоналъ Калломѣйцевъ, задыхаясь отъ бѣшенства. — Вы вотъ какъ позволяете себѣ отзываться о человѣкѣ, котораго уважаютъ такія особы, какъ графъ Блазенкампфъ и князь Коврижкинъ!.. Неждановъ пожалъ плечами. — Хороши рекомендаціи! Князь Коврижкинъ — этотъ лакей — энтузіастъ!... — Ladislav — мой другъ! — закричалъ Калломейцевъ, — онъ мой товарищъ — и я... — Тѣмъ хуже для васъ, — перебилъ Неждановъ; значитъ, вы раздѣляете его образъ мыслей, и мои слова относятся также къ вамъ. Калломѣйцевъ помертвѣлъ отъ злости. — Ка-къ! Что? Какъ вы смѣете? На...добно васъ сейчасъ... — Что вамъ угодно сдѣлать со мною *сейчасъ*, — вторично съ иронической вѣжливостью перебилъ его Неждановъ... Но тутъ вступился Сипягинъ; возвысивъ голосъ и принявъ осанку, въ которой неизвѣстно, что преобладало: важность ли государственнаго человѣка или же достоинство хозяина дома, — онъ съ спокойной твердостью объявилъ, что не желаетъ слышать болѣе

у себя за столомъ подобныя неумѣренныя выраженія, что онъ поставилъ себѣ правиломъ (онъ поправился: священнымъ правиломъ) уважать всякаго рода убѣжденія, но только съ тѣмъ— чтобы они удерживались въ извѣстныхъ границахъ благопристойности и благоприличія; что если онъ, съ одной стороны, не можетъ не осудить въ г. Неждановѣ нѣкоторую невоздержанность языка, извиняемую, впрочемъ, молодостью его лѣтъ, то, съ другой стороны, не можетъ также одобрить въ г. Калломѣйцевѣ ожесточеніе его нападокъ на людей противнаго лагеря— ожесточеніе, объясняемое, впрочемъ, его рвеніемъ къ общему благу.

У Сипягина живетъ воспитанница Марьянна, въ которую влюбляется Неждановъ; онъ повѣряетъ ей свои тайны, свою агитацію по общему дѣлу, и находитъ въ ней сочувствіе, и какъ всегда бываетъ у г. Тургенева,—женщина представляетъ собой элементъ энергіи, готовность жертвовать собою, въ то время, какъ мужчина расплывается въ нерѣшительности, сомнѣніяхъ, колебаніяхъ,—общее явленіе у всѣхъ *мѣткихъ* людей. Марьянна—въ другой обстановкѣ, съ другими задачами— все та же Ирина (въ «Дымѣ»),— по крайней мѣрѣ, основныя условія характера тѣ же, или же Наташа въ «Рудинѣ», или Лиза въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ». Въ Марьяннѣ нѣтъ ни одной новой черты; тотъ же психическій строй, та же душевная тревожность, та же женская внезапность впечатлѣній. Сцены Марьянны съ Неждановымъ—необыкновенно хороши. Неждановъ знакомится такъ же съ Маркеловымъ,—товарищемъ по «общему дѣлу», и у него встрѣчаетъ старыхъ знакомыхъ—Остродумова, Машурину. Они ѣдутъ въ городъ къ Соломину, завѣдывающему фабрикой,—который вѣрилъ въ близость революціи въ Россіи. «Онъ хорошо зналъ петербургскихъ революціонеровъ— и до извѣстной степени сочувствовалъ имъ—ибо самъ былъ изъ народа; но онъ понималъ невольное отсутствіе этого самаго народа, безъ котораго «ничего не подѣлаешь». «Котораго долго готовить надо—да и не такъ и не тому, какъ *ты*». Личность Соломина въ первой части еще не выяснена, а между тѣмъ, по плану романа, она должна сосредоточить на себѣ главный интересъ. Затѣмъ слѣдуютъ ввод-

ныя лица, эпизодическія: купецъ Галушкинъ, богачъ, самодуръ, сходящійся съ революціонерами изъ за популярности, — фигура, очевидно, не списанная съ натуры, не имѣющая ни одной живой черты, непріятно поражающая своей фальшью, и, наконецъ, знаменитый эпизодъ Омушки и Тимушки, безъ всякаго отношенія къ содержанію романа, ненужный, въ высшей степени дѣланый. Этотъ эпизодъ одинъ изъ самыхъ неудачныхъ, совершенно неудачныхъ мѣстъ въ романѣ, и онъ лучше всего доказываетъ, что силы г. Тургенева, какъ художника, значительно падаютъ. Въ прежнихъ его романахъ не было этихъ вводныхъ, ненужныхъ, карикатурныхъ эпизодовъ, къ которымъ прибѣгаютъ только заурядные художники, съ цѣлью разнообразить впечатлѣніе и остановить вниманіе читателя. Въ романѣ замѣчаются и другія странныя особенности: романъ написанъ не такъ изящно, какъ прежнія произведенія: мѣстами сухо, не образно, даже небрежно; небрежность эта достигаетъ до того, что въ двухъ мѣстахъ И. С. Тургеневъ употребляетъ нецензурныя выраженія (первая буква съ точками), безъ всякой надобности. Вся «Новь», выступающая въ романѣ, — очевидно не была наблюдаема, или кругъ наблюденій былъ до крайности суженъ: до такой степени фигуры этихъ молодыхъ людей блѣдны, не типичны, фальшивы — не только въ концепціи, но и въ выполненіи; языкъ, которымъ они говорятъ, не ихъ языкъ; обстановка, въ которой они живутъ — не ихъ обстановка; характеры непоняты, искажены. Въ романѣ выдвигаются на первый планъ представители «старой» Россіи, — удачно схваченные, очевидно изученные, и затѣмъ фигуры женщинъ, — Сипягина до извѣстной степени, и въ особенности Марьянна. Недуренъ также Неждановъ, не какъ представитель молодого поколѣнія семидесятыхъ годовъ, — а какъ рудинскій типъ въ новой обстановкѣ и при другихъ общественныхъ условіяхъ. Но и въ этомъ романѣ, начиная отъ общаго плана, кончая подробностями, типами, — все напоминаетъ намъ прежняго Тургенева, и не только напоминаетъ, — неизбѣжно вызываетъ желаніе провести параллель. Новаго типа нѣтъ ни одного; — всѣ они и ярче и

лучше уже были изучены И. С. Тургеневымъ раньше, — но только въ «Нови» все это, какъ будто бы покрыто нѣкоторой «дымкой», все это—старые знакомые, старые звуки, старые пейзажи, —но только блѣдные, мало выразительные, и потому ничего не говорящіе; и надъ всѣмъ этимъ царить вѣчный мотивъ, —мотивъ лишняго человѣка, олицетворяемаго теперь Тургеневымъ и въ Соломинѣ, и въ Неждановѣ, и во всѣхъ тѣхъ молодыхъ людяхъ, которые ихъ окружаютъ... Но окончательнаго сужденія, конечно, теперь произнести нельзя; надо подождать окончанія романа; тогда, можетъ быть, выяснятся особенности «Нови»; тогда можно будетъ подробнѣе коснуться вопроса о томъ, какъ смотреть И. С. на современную злобу дня и какъ онъ изъ своего прекраснаго далека понимаетъ наше время.

В. Чуйко.

* * *

*) Нашу публику часто упрекаютъ въ непостоянствѣ симпатій, въ способности мгновенно разочаровываться въ своихъ вчерашнихъ кумирахъ, въ неблагодарности къ людямъ, достойнымъ продолжительной признательности. Это, конечно, справедливо, но такъ какъ вообще нѣтъ правила безъ исключенія, то и тутъ мы можемъ указать на замѣчательное явленіе, стоящее въ разрѣзѣ съ недолговѣчностью нашихъ литературныхъ и общественныхъ симпатій. Рѣдкое и лестное исключеніе это выпало на долю г. Тургенева. Несмотря на то, что онъ уже не обнаруживаетъ никакого вліянія и около пятнадцати лѣтъ уже его произведенія не волнуютъ общественнаго мнѣнія и не руководятъ имъ, русская публика сохранила вѣру въ него, и забывая всѣ свои послѣднія разочарованія, съ нетерпѣніемъ ждетъ отъ него новыхъ произведеній. Правда, это нетерпѣніе захватываетъ уже не столь обширный кругъ, какъ во дни оны, и мелкіе рассказы г. Тургенева проходятъ незамѣченными;

*) Статья А. (В. Г. Авсеенко). „Русскій Вѣстникъ“ 1877 г., № 2.

но когда въ прошломъ году распространился слухъ, что авторъ «Дворянскаго Гнѣзда» написалъ большой романъ изъ современной жизни, да еще подъ такимъ многообъщающимъ заглавіемъ: «Новь» — ожиданія были возбуждены въ значительной степени, и когда этотъ романъ наконецъ появился, многія тысячи русскихъ людей бросились жадно читать его.

Мы не раздѣляли этихъ ожиданій, такъ какъ смыслъ литературной дѣятельности г. Тургенева представлялся намъ до того яснымъ, до того доказаннымъ, что всякое сомнѣніе на этотъ счетъ было бы большою непослѣдовательностью. Г. Тургеневъ покинулъ Россію въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ ту знаменательную эпоху, когда, съ одной стороны, кончалось крѣпостное право, а съ другой, всплывала наружу вся наша умственная и общественная нечистота, разрѣшившаяся Петербургскими пожарами и польскимъ возстаніемъ. Движеніе это завершило собою періодъ, истолкователемъ котораго въ нашей литературѣ былъ г. Тургеневъ. Покидая Россію въ эту знаменательную эпоху, онъ оставлялъ за собою послѣднее слово: пресловутые «нигилисты» романа «Отцы и Дѣти» были героями дня и выразителями общественнаго настроенія. Но тутъ случилось нѣчто весьма прискорбное: уѣзжая подъ впечатлѣніями начала шестидесятыхъ годовъ, г. Тургеневъ остался рабомъ ихъ. Весь смыслъ русской жизни заключился для него въ движеніи, первые признаки котораго онъ такъ талантливо опредѣлилъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ». Дальнѣйшія событія какъ будто проходили мимо его разумѣнія. Грянулъ 1863 годъ, отрезвившій лучшую часть русскаго общества, проросла новая жизнь въ земствѣ, въ новомъ судѣ, въ новыхъ экономическихъ условіяхъ и явленіяхъ, народилось новое поколѣніе, для котораго вчерашнія «дѣти» сдѣлались «отцами», а г. Тургеневъ продолжалъ все сидѣть на нигилистахъ въ какомъ-то недоумѣвающимъ ожиданіи: что же, молъ, наконецъ изъ нихъ будетъ и когда будетъ? Изъ бурнаго потока, готовившагося затопить Русь, нигилизмъ давно уже превратился въ мутный ручей, пробирающійся гдѣ-то въ сторонѣ отъ главнаго теченія

жизни; а г. Тургеневу очевидно до сихъ поръ онъ представляется большимъ русломъ, центромъ, въ который замкнулась русская жизнь и отъ котораго зависитъ ея дальнѣйшее направленіе.

Ровно десять лѣтъ назадъ, въ 1867 года, г. Тургеневъ привезъ изъ-за границы романъ «Дымъ». Это опять былъ романъ о нигилизмѣ; только здѣсь нигилизмъ являлся не устремленнымъ бодро впередъ, какъ въ лицѣ Базарова, а примолкшимъ, приниженнымъ, получившимъ щелчокъ со стороны. Но всего любопытнѣе было то, что г. Тургеневъ, занятый нигилизмомъ, оказался уже неспособнымъ замѣчать и наблюдать другія органическія явленія русской жизни. Не видя въ этой жизни торжества нигилизма, онъ пришелъ къ заключенію, что, стало быть, нигилизмъ былъ дымъ, и что вся русская жизнь есть дымъ, и ничего въ ней, кромѣ дыма, не можетъ быть. Припомнимъ эти размышленія Литвинова, возвращавшагося въ Россію: «Дымъ, дымъ, повторилъ онъ нѣсколько разъ; и все вдругъ показалось ему дымомъ, все, собственная жизнь, русская жизнь—все людское, особенно все русское. Все дымъ и паръ, думалъ онъ; все какъ будто безпрестанно мѣняется, всюду новые образы, явленія бѣгутъ за явленіями, а въ сущности все то же да то же; все торопится, спѣшитъ куда-то, и все исчезаетъ безслѣдно, ничего не достигая; другой вѣтеръ подуль, и бросилось все въ противоположную сторону, и тамъ опять та же безустанная, тревожная и—ненужная игра». Замѣтимъ, что эти строки печатались въ то время, когда русское общество, отрешенное событіями 1863 года, переживало трудный процессъ органическихъ реформъ.

Теперь, по прошествіи десяти лѣтъ, г. Тургеневъ выступаетъ съ новымъ романомъ. И что же? Это опять романъ о нигилизмѣ. Ни современнѣе ни важнѣе нигилизма г. Тургеневъ, очевидно, ничего не знаетъ въ русской жизни. И опять, замѣчая что до торжества нигилизма все еще очень далеко, авторъ говоритъ почти то же, что говорилъ въ «Дымѣ». Тамъ былъ дымъ, здѣсь *сонъ*. Этимъ

словомъ озаглавлено стихотвореніе, которымъ раздражается герой романа.

Нѣтъ, никогда еще такимъ ужаснымъ сномъ
 Мои любезныя соотчичи не спали!
 Все спитъ кругомъ: вездѣ, въ деревняхъ, въ городахъ,
 Въ телѣгахъ, на саняхъ, днемъ, ночью, сидя, стоя...
 Купецъ, чиновникъ спитъ; спитъ сторожъ на часахъ,
 Подъ снѣжнымъ холодомъ—и на припекѣ зноя!
 И подсудимый спитъ и дрыхнетъ судія;
 Мертво спятъ мужики; жнутъ, пашутъ—спятъ; молотятъ —
 Спятъ тоже; спитъ отецъ, спитъ мать, спитъ вся семья...
 Всѣ спятъ! спитъ тотъ, кто бьетъ, и тотъ, кого колотятъ!
 Одинъ кабакъ не спитъ и не смыкаетъ глазъ,
 И штофъ съ очищенной всей пятерней сжимая,
 Лбомъ въ полюсь упершись и пятками въ Кавказъ,
 Спитъ непробуднымъ сномъ отчизна, Русь святая!

И опять приходится отмѣтить: все это говорится послѣ двадцатилѣтія органическихъ реформъ, почти въ ту самую минуту, когда Восточный вопросъ глубоко волнуетъ Россію, когда во всѣхъ слояхъ русскаго народа обнаруживается небывалая чуткость къ явленіямъ политическимъ и общественнымъ, когда по деревнямъ мужики собираются, чтобы съ лихорадочнымъ возбужденіемъ послушать грамотѣя, заручившагося газетнымъ листкомъ. И прибавимъ еще: судьбѣ угодно было ядовито подшутить надъ маститымъ романистомъ, подготовивъ къ выходу его новаго романа безобразную исторію «казанскихъ декабристовъ». Такимъ образомъ, лягушка, хвалившаяся раздуться съ вола, давно уже лопнула, а г. Тургеневъ изъ своего прекраснаго далека все еще ждетъ, когда она сдѣлается воломъ и запряжется въ тотъ «глубоко забирающій плугъ», которымъ, по словамъ эпитафиа, должна быть поднята дѣвственная русская новь.

Мы сказали, что литературная дѣятельность г. Тургенева представляется намъ настолько законченною и договорившеюся до своего послѣдняго слова, что мы не могли относиться къ его новому роману съ ожиданіями въ томъ смыслѣ, какъ привыкли цѣнить его прежнія произведенія.

Отъ писателя, застывшаго на томъ моментѣ нашего общественнаго развитія, въ которомъ мы находились пятнадцать лѣтъ назадъ, нельзя ждать плодотворной мысли, живого чувства современности, поэтическаго прорицанія. Но, признаемся, была другая сторона въ творествѣ г. Тургенева, относительно которой вопросъ еще казался для насъ спорнымъ. Независимо отъ значенія писателя, по высотѣ своихъ идеаловъ долгое время стоявшаго впереди литературнаго движенія, мы цѣнили въ г. Тургеневѣ первокласснаго художника. Мы помнили, что не далѣе какъ въ «Дымѣ», произведеніи столь слабымъ по идеѣ и нравственному смыслу, еще обнаруживался художественный талантъ автора. Мы надѣялись, что въ новомъ романѣ, независимо отъ его общественной задачи, г. Тургеневъ дастъ намъ великолѣпный драматическій узелъ, мастерски нарисованные типы и, какъ всегда, замѣчательную героиню. Увы! въ этомъ отношеніи намъ пришлось испытать горестное разочарованіе. Въ «Нови» мы не нашли почти никакого романа, нашли только блѣдную тѣнь прежнихъ творческихъ приемовъ автора, блѣдныя копіи со старыхъ, заѣзженныхъ типовъ, а вмѣсто героини, какое то тусклое пятно, очевидно не прояснившееся для самого автора.

Дѣйствіе романа отнесено къ 1868 году. Въ квартирѣ студента Нежданова сходятся нѣсколько лицъ, связанныхъ между собою принадлежностью къ тайному революціонному обществу: Пимень Остродумовъ, угрюмый и совершенно безцвѣтный агентъ подпольной агитаціи; дѣвица Машуринна, некрасивая, но цѣломудренная акушерка; маленькій кривоногий Паклинь, личность до крайности жалкая, играющая нѣчто въ родѣ шута въ этомъ страшно меланхолическомъ обществѣ; наконецъ, самъ Неждановъ, котораго Паклинь называетъ російскимъ Гамлетомъ, и который, какъ только входитъ въ комнату, такъ прямо объявляетъ, что «нельзя носу на улицу высунуть въ этомъ гадкомъ городѣ, въ Петербургѣ, чтобы не наткнуться на какую-нибудь пошлость, глупость, на безобразную несправедливость, на чепуху. Жить здѣсь больше невозможно». Когда Паклинь

допрашиваетъ его, почему именно жить въ Петербургѣ невозможно, Неждановъ отвѣчаетъ «внезапно зазвенѣвшимъ голосомъ»: полъ-Россіи съ голода помираетъ, «Московскія Вѣдомости» торжествуютъ, классицизмъ хотятъ ввести, студенческія кассы запрещаются, вездѣ шпіонство, притѣсненія, доносы, ложь и фальшь—шагу намъ ступить некуда»... Остродумовъ объявляетъ, что получилъ письмо изъ Москвы отъ таинственнаго Василія Николаевича, революціоннаго воротилы, предписывающее ему и Машуриной ѣхать куда-то въ провинцію для пропаганды; Неждановъ и Паклинъ предлагаютъ достать на эту поѣздку деньги. Потолковавъ, революціонеры собирались уже разойтись, «какъ вдругъ, безъ всякаго предварительнаго шума и стука, въ передней раздался удивительно пріятный, мужественный и сочный баритонъ, отъ самаго звука котораго вѣяло чѣмъ-то необыкновенно благороднымъ, благовоспитаннымъ и даже благоуханнымъ». Баритонъ принадлежалъ камергеру Сипягину. Оказывается, что еще за три дня передъ тѣмъ Сипягинъ встрѣтился и разговорился съ Неждановымъ во время спектакля въ Александринскомъ театрѣ. Случилось это такимъ образомъ: Неждановъ зашелъ въ кассу купить билетъ, но въ ту минуту, какъ онъ подходилъ къ окошечку, какой-то офицеръ протянулъ изъ-за его плеча трехрублевую бумажку, со словами: «Имъ (т. е. Нежданову), вѣроятно, придется получать сдачу, а мнѣ не надо; такъ вы дайте мнѣ, пожалуйста, поскорѣй билетъ во второмъ ряду... мнѣ къ спѣху!»—Извините, г. офицеръ—промолвилъ рѣзкимъ голосомъ Неждановъ,—я самъ желаю взять билетъ во второмъ ряду, и тутъ бросилъ въ окошко трехрублевую бумажку, весь свой наличный капиталъ. Кассиръ выдалъ ему билетъ, и вечеромъ Неждановъ очутился въ аристократическомъ отдѣленіи Александринскаго театра».

Во время спектакля Нежданову пришлось сидѣть между усѣянными звѣздами генераломъ и тайнымъ совѣтникомъ Сипягинымъ. «Генералъ изрѣдка взглядывалъ на Нежданова, какъ на нѣчто неприличное, неожиданное и даже оскорбительное; Сипягинъ, напротивъ, бросалъ на него

хотя косвенные, но не враждебные взоры. Всѣ лица, окружавшія Нежданова, казались, во-первыхъ, болѣе особами, нежели лицами; во-вторыхъ, они всѣ очень хорошо знали другъ друга и мѣнялись короткими разговорами, словами или даже простыми восклицаніями и привѣтами». Неждановъ же чувствовалъ себя очень неловко и даже мало наслаждался комедіей Островскаго. Вдругъ, къ удивленію его, Сипягинъ въ антрактѣ «заговорилъ съ нимъ учтиво и мягко, съ какою-то заискивавшею снисходительностію». Неждановъ сначала оробѣлъ, но потомъ пустился высказывать мнѣніе о комедіи Островскаго безъ всякаго стѣсненія, и «подъ конецъ даже такъ громко и съ такимъ увлеченіемъ, что явно обезпокоивалъ сосѣда звѣздоносца». Въ слѣдующій антрактъ Сипягинъ снова заговорилъ съ нимъ уже не объ Островскомъ, «а вообще о разныхъ житейскихъ, научныхъ и даже политическихъ предметахъ». Неждановъ и тутъ не стѣснялся: «коли, молъ, любопытствуешь, такъ на же вотъ!» При разѣздѣ изъ театра, Сипягинъ столкнулся со своимъ хорошимъ пріятелемъ, флигель-адъютантомъ княземъ Г., и узналъ отъ него, что молодого человѣка звали Неждановымъ, и что онъ побочный сынъ его отца и получаетъ отъ нихъ пенсію. На другой день Сипягинъ прочелъ въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ», что студентъ Неждановъ ищетъ кондицій въ отъѣздъ — и отправился къ нему. Онъ предложилъ ему ѣхать съ нимъ на лѣто въ деревню, въ качествѣ учителя его сына, за сто рублей въ мѣсяць, къ великому недомѣнію Нежданова, который никакъ не могъ понять, откуда такая благодать. «Что это такое? зачѣмъ этотъ человѣкъ словно заискиваетъ во мнѣ?» думалъ онъ; однако приглашеніе принялъ и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ вмѣстѣ съ Сипягинымъ къ нему въ деревню.

Мы нарочно подробно передали содержаніе первыхъ главъ «Нови», потому что въ этихъ главахъ сразу выступаетъ замѣчательное и довольно неожиданное (по крайней мѣрѣ, въ такой степени) свойство автора, именно совершенное незнаніе того, о чемъ онъ такъ увѣренно и съ такими затѣйливыми подробностями рассказываетъ.

Пусть читатель подумаетъ, сколько удивительныхъ несообразностей вмѣстилось на этихъ страницахъ! Во-первыхъ, случай съ офицеромъ въ каскѣ никакъ не могъ произойти, потому что трехрублевыхъ кресель въ Александринскомъ театрѣ нѣтъ и никогда не было, не только во второмъ, но и въ первомъ ряду; во-вторыхъ, ни звѣздоносные генералы ни камергеры Александринскаго партера не посѣщаютъ, и тамъ вовсе нѣтъ аристократическаго отдѣленія; въ-третьихъ, если-бъ и случилось генералу сидѣть рядомъ съ Неждановымъ, то онъ никакъ не могъ бы взглядывать на него «какъ на нѣчто неприличное, неожиданное и даже оскорбительное», потому что въ переднихъ креслахъ Александринскаго театра преимущественно сидятъ купцы, приказчики, а нерѣдко и просто дворники. А потому, въ четвертыхъ, лица, окружавшія Нежданова, не могли казаться особами и быть всѣ знакомыми между собою, какъ это случается въ другихъ театрахъ. По той же причинѣ, въ пятыхъ, встрѣча Сипягина съ княземъ Г. весьма неправдоподобна, особенно имѣя въ виду, что давалась пьеса Островскаго. Въ шестыхъ, «Полицейскія Вѣдомости» давнымъ-давно перестали быть единственнымъ листкомъ объявленій, и Сипягину не было надобности читать ихъ, такъ какъ онъ могъ найти несравненно больше предложеній о «кондиціяхъ» въ любой политической газетѣ.

Все это, мы согласны, несообразности довольно мелкія; однако взятыя вмѣстѣ, онѣ сообщаютъ разсказу неправдоподобный колоритъ, дѣлаютъ его похожимъ на разсказ иностранца, который, вздумавъ писать повѣсть изъ петербургской жизни, отыскалъ въ справочномъ календарѣ Александринскій театръ, и дѣло въ шляпѣ.

Но читатель замѣтилъ, конечно, несообразность болѣе серьезную, заключающуюся въ самомъ сближеніи Сипягина съ Неждановымъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему Сипягину могло притти въ голову взять Нежданова къ своему сыну, да еще и притти съ этой цѣлью къ нему на квартиру? Разговориться съ нимъ въ театрѣ, ради любопытства: какъ, моль, студентъ объ этомъ разсуждаетъ — дѣло еще возможное; но приставить его къ сыну, послѣ того, какъ

онъ узналъ, что Неждановъ человекъ весьма краснаго образа мыслей, и притомъ безо всякой рекомендаціи—не черезчуръ ли легкомысленно? Правда, въ отвѣтъ на недоумѣніе самого Нежданова, — который навѣрное заподозрѣлъ во всемъ этомъ какую-то тайную цѣль, — Сипягинъ объясняетъ, что онъ совершенно раздѣляетъ его образъ мыслей, и что наружность его ему понравилась; но изъ дальнѣйшаго теченія романа оказывается, что либерализмъ Сипягина былъ самый умѣренный, а наружность Нежданова — довольно скверная. Между тѣмъ и тайной цѣли, которую могъ заподозрѣть Неждановъ, также не было, и неправдоподобность завязки остается не разъясненною и не закрашеною.

Возвратимся къ содержанію романа. Дѣйствіе переносится въ усадьбу Сипягиныхъ, въ большой каменный домъ съ колоннами и греческимъ фронтономъ, убранный внутри съ отпечаткомъ «новѣйшаго, деликатнаго вкуса». Хозяйка дома, Валентина Михайловна, «была высокаго роста женщина, лѣтъ тридцати, съ темнорусыми волосами, смуглымъ, но свѣжимъ, одноцвѣтнымъ лицомъ, напоминавшимъ обликъ Сикстинской Мадонны, съ удивительными, глубокими, бархатными глазами. Всякій, кто бы увидалъ, какъ она свободно и легко двигалась по гостиной, то наклоня къ цвѣтамъ свой тонкій, слегка перетянутый станъ и съ улыбкой нюхая ихъ, то переставляя какую-нибудь китайскую вазочку, то быстро поправляя передъ зеркаломъ свои лоснистые волосы и чуть-чуть прищуривая свои дивные глаза, всякій, говоримъ мы, навѣрное воскликнулъ бы, про себя или даже громко, что онъ не встрѣчалъ болѣе плѣнительнаго созданія!» Въ этой гостиной, до пріѣзда Нежданова, авторъ знакомитъ насъ съ двумя лицами. Во первыхъ, молодой человекъ, Калломѣйцевъ, петербургскій «гранжанръ» высшаго полета. Этою личностію авторъ занимается чрезвычайно много, онъ, можно сказать, пристаетъ съ ней къ читателю; она служитъ для него главнымъ вмѣстилищемъ авторскихъ антипатій, она олицетворяетъ собою ту старую Русь, которая никакъ не соглашается расчистить дорогу Неждановымъ, Машуринымъ и

прочимъ представителямъ новой Руси. Происходитъ Калломѣйцевъ отъ простыхъ огородниковъ: прадѣдъ его назывался, по мѣсту происхожденія, Коломенцовъ, но уже дѣдъ переименовалъ себя въ Каломейцева, отецъ писалъ Калломейцевъ, а нынѣшній представитель рода перемѣнилъ *e* на *н*, и уже не шутя считалъ себя аристократомъ. По правдѣ сказать, соль этихъ превращеній, и въ особенности соль буквы *н*, для насъ непонятна... У него были «консерваторскіе, патріотическіе и религіозные принципы», и въ Петербургѣ о немъ выражались, что онъ «un peu trop feodal dans ses opinions». Въ сущности, это повтореніе, въ значительно поблѣднѣвшемъ и притомъ штатскомъ видѣ, тѣхъ изящныхъ генераловъ, которые разсуждаютъ въ «Дымѣ» о семибоярщинѣ. Едва онъ входитъ въ гостиную, какъ уже заявляетъ, что для ихъ губерніи хорошо бы правителя съ желѣзною рукой, въ родѣ его пріятели, сербскаго князя Михаила Обреновича... и что земство возбуждаетъ лишнія мысли и несбыточныя надежды.

Затѣмъ, героиня романа, Маріанна Викентьевна Синецкая, племянница Сипягина и дочь генерала полу-польскаго происхожденія, сосланнаго въ Сибирь за громадную казенную кражу. «Въ сравненіи съ теткой, Маріанна могла казаться почти дурнушкой. Лицо она имѣла круглое, носъ орлиный, большой, сѣрые, и тоже большіе и очень свѣтлые глаза, тонкія брови, тонкія губы. Она стригла свои русые густые волосы и смотрѣла букой. Но отъ всего ея существа вѣяло чѣмъ-то сильнымъ и смѣлымъ, чѣмъ-то стремительнымъ и страстнымъ». «Сипягинъ пріютилъ Маріанну у себя въ домѣ. Но жить въ зависимости было ей тошно; она рвалась на волю всѣми силами неподатливой души, и между ея теткой и ею кипѣла постоянная, хотя скрытная борьба. Сипягина считала ее нигилисткой и безбожницей; съ своей стороны, Маріанна ненавидѣла въ Сипягиной свою невольную притѣснительницу. Дяди она чуждалась, какъ и всѣхъ другихъ людей. Она именно чуждалась ихъ, а не боялась; нравъ у нея былъ не робкій»).

Когда всѣ эти три лица, М-ме Сипягина, Маріанна и Зелинскій. Критика о Тургеневѣ.

Калломѣйцевъ сходятся въ гостиной, авторъ заставляетъ ихъ высказываться сообразно распредѣленнымъ между ними ролямъ: Сипягина язвительно замѣчаетъ про Маріанну, что она занимается естественными науками и женскимъ вопросомъ; Маріанна, догадавшись, что ее хотятъ смутить, отвѣчаетъ съ кротостью: «Да, тетушка; я читаю все, что объ этомъ написано; я стараюсь понять, въ чемъ состоитъ этотъ вопросъ». Калломѣйцевъ раздражается сверхъестественнымъ вздоромъ: «И я всѣмъ этимъ интересуюсь; только я запретилъ бы объ этомъ говорить!» восклицаетъ онъ. «Что-жь, по вашему, спрашиваетъ Сипягина, не комиссію ли назначить при министерствѣ для разрѣшенія этого вопроса?» «А хоть бы и комиссію!» восклицаетъ Калломѣйцевъ.

Читателю начинаетъ дѣлаться очень скучно... у него, какъ говорится, уши вянуть отъ этихъ плоскостей и отъ наивности авторскаго приема...

Пріѣзжаетъ Сипягинъ съ Неждановымъ, садятся обѣдать. За обѣдомъ Калломѣйцевъ приводитъ тостъ одного знакомаго барина: «Пью за единственные принципы, которые признаю, за кнутъ и за Редереръ!» Неждановъ и Маріанна за обѣдомъ переглянулись, и вдругъ почувствовали, что они однихъ убѣжденій и одного *пошиба*; а въ Калломѣйцевѣ Неждановъ тотчасъ призналъ врага. Послѣ обѣда, уходя изъ столовой, онъ столкнулся въ дверяхъ съ Маріанной, которая передъ тѣмъ только что выкурила пахитоску, и «снова заглянулъ ей въ глаза, снова убѣдился, что будетъ съ ней какъ товарищъ, хотя она не только не улыбнулась ему, но даже нахмурила брови».

Здѣсь мы позволимъ себѣ опять пріостановиться. Мы узнали, что Маріанна и М-ше Сипягина не любятъ другъ друга, и авторъ объясняетъ эти отношенія тѣмъ, что Сипягина притѣсняла племянницу. Антагонизму между ними авторъ вообще придаетъ большое значеніе, отводитъ ему очень много мѣста въ романѣ, при чемъ всѣ симпатіи его явно на сторонѣ Маріанны. Однако все это рѣшительно ничѣмъ не мотивировано, и представляетъ одну изъ тѣхъ несообразностей, которыми переполненъ романъ. «Маріанна,

говорить г. Тургеневъ, ненавидѣла въ Сипягиной свою невольную притѣснительницу». Въ чемъ же заключались притѣсненія? Изъ первой же сцены мы видимъ, что Маріанна стрижетъ волосы, занимается естественными науками, читаетъ все написанное о женскомъ вопросѣ, курить пахитосы; далѣе узнаемъ, что она свободно видится ночью съ Неждановымъ... Въ чемъ же заключаются стѣсненія, и какой еще свободы желалъ бы г. Тургеневъ своей героинѣ? Свободы убѣжденій? Но Маріанна высказываетъ ихъ безо всякаго запрета, и даже учитъ крестьянскихъ дѣтей въ школѣ, вѣроятно, также безъ слишкомъ бдительнаго надзора со стороны ненавистной тетушки... Любопытно, что самъ Неждановъ, послѣ цѣлой недѣли наблюдений въ Сипягинскомъ домѣ, пишетъ о Маріаннѣ своему пріятелю Силину: «Почему она несчастна — этого я до сихъ поръ еще не знаю... Хозяйка ее не любитъ... И она ей платитъ тѣмъ же... Но кто изъ нихъ правъ — неизвѣстно. Я полагаю, что скорѣй хозяйка не права... такъ какъ ужъ очень она вѣжлива съ нею; а у *той* даже брови нервически подергиваются, когда она говоритъ со своею патроншей». Не много.

Неждановъ продолжаетъ жить въ домѣ и кое-когда заниматься съ Колей. Сипягинъ какъ только привезъ его, такъ и пересталъ обращать на него вниманіе... Новое противорѣчіе: зачѣмъ же въ такомъ случаѣ было столько беспокоиться, чтобы достать именно Нежданова, и совсѣмъ не тѣмъ путемъ, какимъ обыкновенно пріискиваютъ учителей господа въ родѣ Сипягина?

Авторъ знакомитъ насъ съ новымъ лицомъ, братомъ Валентины Михайловны, Маркеловымъ. Оказывается, что онъ влюбленъ въ Маріанну, но Маріанна отвергла его любовь. За обѣдомъ Неждановъ все смотрѣлъ на него и дивился, какимъ образомъ онъ могъ быть братомъ Сипягиной? «Одно развѣ: у обоихъ кожа была смуглая; но у Валентины Михайловны матовый цвѣтъ лица, рукъ и плечъ составлялъ одну изъ ея прелестей... у ея брата онъ переходилъ въ ту черноту, которую вѣжливые люди величаютъ бронзой, но которая русскому глазу напоминаетъ—

голенище. Волосы Маркеловъ имѣлъ курчавые, носъ нѣсколько крючковатый, губы крупныя, впалыя щеки, втянутый животъ и жилистыя руки. Весь онъ былъ жилистый, сухой, и говорилъ мѣднымъ, рѣзкимъ, отрывистымъ голосомъ. Сонный взглядъ, угрюмый видъ — какъ есть желчевикъ!» И не мудрено, что Неждановъ удивляется, какимъ образомъ Маркеловъ могъ быть братомъ Сипягиной: противоположность между ними простирается гораздо далѣе наружности. Маркеловъ принадлежитъ къ тайному обществу и состоитъ подъ командой таинственнаго Василя Николаевича. Онъ уже давно ведетъ подпольное дѣло, только безъ значительнаго успѣха. «Народъ здѣсь довольно пустой, говоритъ онъ Нежданову, темный народъ. Поучать надо. Бѣдность большая, а растолковать некому, отчего эта самая бѣдность происходитъ». Чтобы потолковать хорошенько о «дѣлѣ», онъ везетъ Нежданова въ свою деревеньку, приносящую ему 700 р. дохода, гдѣ уже пріютились прибывшіе изъ Петербурга Остродумовъ и Машурина. По его словамъ, мѣшкать нечего, нарывъ уже созрѣлъ, остается прорѣзать его ланцетомъ. Между окрестными мужиками, фабричными, есть нѣсколько такихъ, что сію минуту пойдутъ на чтò угодно: Голоплецкій Еремѣй, Сипягинскій Кирило, и еще какой-то Менделей, по прозвищу Дутикъ; только на этого Дутика положиться было трудно: въ трезвомъ видѣ храбръ, а въ пьяномъ трусливъ; и почти всегда пьянъ бываетъ. Но самыя важныя свѣдѣнія долженъ доставить нѣкто Кисляковъ. «Я его, впрочемъ, мало знаю, говоритъ Маркеловъ, всего два раза съ нимъ видѣлся, но какія письма этотъ человѣкъ пишетъ, какія письма!! Я вамъ покажу... вы удивитесь! просто огонь! И какая дѣятельность! Разъ пять или шесть всю Россію вдоль и поперекъ проскакалъ... и съ каждой станціи письмо въ десять, двѣнадцать страницъ!!» Тѣмъ не менѣе, когда на другой день Маркеловъ пытается потолковать съ мужиками, оказывается, что они совсѣмъ сообразить ничего не могутъ. «Даже по-русски не понимаютъ. Слово: участокъ имъ хорошо извѣстно, а участіе... Чтò такое: участіе? Не понимаютъ!»

Проходитъ еще нѣсколько недѣль. Неждановъ получаетъ отъ Василя Николаевича приказаніе сблизиться съ Соломинымъ, управляющимъ на сосѣдней фабрикѣ, и купцомъ Голушкинымъ, изъ старообрядцевъ, проживающимъ въ губернскомъ городѣ. Прежде, однако, чѣмъ исполнить это предписаніе, Неждановъ устраиваетъ свиданіе съ Маріанной, и они внезапно открылись другъ другу и объяснились. «Неждановъ съ увлеченіемъ, съ жаромъ, съ неожиданнымъ для него самого краснорѣчіемъ, сообщилъ Маріаннѣ свои планы, намѣренія, причину, заставившую его принять предложеніе Сипягина, всѣ свои связи, знакомства, свое прошедшее, все что онъ скрывалъ, что никому не высказывалъ! Онъ упомянулъ о полученныхъ письмахъ, о Василии Николаевичѣ, обо всемъ; даже о Силинѣ! Онъ говорилъ торопливо, безъ запинки, безъ малѣйшаго колебанія, словно онъ упрекалъ себя въ томъ, что до сихъ поръ не посвятилъ Маріанны во всѣ свои тайны, словно извинялся передъ нею. Она его слушала внимательно, жадно; на первыхъ порахъ она изумилась... Но это чувство тотчасъ исчезло. Благодарность, гордость, преданность, рѣшимость,—вотъ чѣмъ переполнялась ея душа. Ея лицо, ея глаза сіяли; она положила другую свою руку на руку Нежданова, ея губы раскрылись восторженно»...

Не для поцѣлуя, конечно: новѣйшія героини, какъ ихъ понимаетъ г. Тургеневъ, никогда не цѣлуются, также какъ и герои.

«Значить, вы знаете: заговорила она, что я въ вашемъ распоряженіи, что я хочу быть тоже полезною вашему дѣлу, что я готова сдѣлать все, что будетъ нужно, пойти, куда прикажутъ, что я всегда, всею душой желала того же, что и вы»...

Въ эту патетическую минуту авторъ вспоминаетъ о Валентинѣ Михайловнѣ и заставляетъ ее подслушивать у дверей. Собственно для интриги романа это оказывается въ послѣдствіи совсѣмъ ненужнымъ, и вставлено только такъ, въ видѣ маленькой сплетни на ненавистную «барыню»: надо же, молъ, показать, что Маріанна честная-пречестная, а камергерша у дверей подслушиваетъ...

«Странно, замѣчаетъ Неждановъ, вѣдь, мы объяснились другъ другу въ любви, мы любимъ другъ друга, а ни слова объ этомъ между нами не было.

«Къ чему? шепнула Маріанна, и вдругъ бросилась къ нему на шею, притиснула свою голову къ его плечу... Но они даже не поцѣловались, это было бы пошло и почему-то жутко—такъ, по крайней мѣрѣ, чувствовали они оба—и тотчасъ же разошлись, крѣпко-крѣпко стиснувъ другъ другу руку».

Когда мы читали эту сцену, намъ пришла въ голову очень смѣлая мысль: не шутить ли г. Тургеневъ, пародируя беллетристовъ «Дѣла» и «Отечественныхъ Записокъ», у которыхъ подобныя сцены, съ подобными красками, мы сто разъ встрѣчали здѣсь? Вѣдь, не можетъ же быть, чтобы маститый романистъ нашъ серьезно подражалъ изображеніямъ «новой любви» у г. Михайлова, г-жи Смирновой и прочихъ живописцевъ «новыхъ людей»..? Но объ этомъ рѣчь впереди.

На другой день послѣ объясненія съ Маріанной Неждановъ ѣдетъ съ Маркеловымъ къ Соломину, управляющему купца Фалѣева. Вотъ какъ отзывается авторъ объ этой «будущей силѣ» Руси: «На первый взглядъ Соломинъ производилъ впечатлѣніе чухонца или скорѣе шведа. Онъ былъ высокаго роста, бѣлобрысъ, сухопаръ, плечистъ; лицо имѣлъ длинное, желтое, носъ короткій и широкій, глаза очень небольшіе, зеленоватые, взглядъ спокойный, губы крупныя и выдвинутыя впередъ; зубы бѣлые, тоже крупные и раздвоенный подбородокъ, чуть-чуть обросшій пухомъ. Одѣтъ онъ былъ ремесленникомъ кочегаромъ: на туловищѣ старый пиджакъ съ отвислыми карманами, на головѣ клеенчатый помятый картузь, на шеѣ шерстяной шарфъ, на ногахъ дегтярные сапоги. «Маркеловъ тотчасъ завелъ было съ нимъ разговоръ о «дѣлѣ», но Соломинъ объявилъ, что тутъ у него неудобно, и предложилъ ѣхать всѣмъ къ Маркелову. Однако и тамъ онъ не оказался разговорчивымъ. «Соломинъ не оправдалъ ожиданій Нежданова. Онъ говорилъ замѣчательно мало... такъ мало, что почти, можно сказать, постоянно молчалъ; но слушалъ

пристально, и если произносилъ какое-либо сужденіе или замѣчаніе, то оно было и дѣльно, и вѣско, и очень коротко. Оказалось, что Соломинъ не вѣрилъ въ близость революціи въ Россіи, но, не желая навязывать свое мнѣніе другимъ, не мѣшалъ имъ попытаться, и посматривалъ на нихъ не издали, а сбоку. Онъ хорошо зналъ петербургскихъ революціонеровъ и до нѣкоторой степени сочувствовалъ имъ, ибо самъ былъ изъ народа, безъ котораго «ничего ты не подѣлаешь», и котораго долго готовить надо, да и не такъ и не тому, какъ ты. Вотъ онъ и держался въ сторонѣ, не какъ хитрецъ и виляка, а какъ малый со смысломъ, который не хочетъ даромъ губить ни себя ни другихъ. А послушать... отчего не послушать, и даже поучиться, если такъ придется. Соломинъ былъ единственный сынъ дьячка; у него было пять сестеръ, всѣ замужемъ за попами и дьяконами; но онъ съ согласія отца, степеннаго и трезваго человѣка, бросилъ семинарію, сталъ заниматься математикой и особенно пристрастился къ механикѣ, попалъ на заводъ къ англичанину, который полюбилъ его какъ сына и далъ ему средства сѣздить въ Манчестеръ, гдѣ онъ пробылъ два года и выучился англійскому языку. На фабрику московскаго купца онъ попалъ недавно, и хотя съ подчиненныхъ взыскивалъ — потому что въ Англіи на эти порядки насмотрѣлся — но пользовался ихъ расположеніемъ: свой, дескать, человѣкъ!» По поводу высказанныхъ Маркеловымъ надеждъ на фабричныхъ, онъ отозвался, что «у насъ на Руси фабричные не то, что за границей—самый тихоня народъ», о мужикахъ же сказалъ, что «кулаковъ между ними уже теперь завелось довольно, и съ каждымъ годомъ больше будетъ, а кулаки только свою выгоду знаютъ; остальные — овцы, темнота». Бесѣда продолжалась до самаго утра. «Соломинъ слушалъ, слушалъ, вникалъ, покуривалъ — и не переставая улыбаться, не сказавъ ни одного остроумнаго слова, казалось, лучше всѣхъ понималъ, въ чемъ состояла собственно вся суть.

Мы добросовѣстно передали содержаніе около сотни страницъ «Нови», и... чувствуемъ, что это трудъ неблагодар-

ный. Читатели, не успѣвшіе еще ознакомиться непосредственно съ новымъ произведеніемъ г. Тургенева, вѣроятно не безъ удивленія уже спрашиваютъ себя: гдѣ же собственно романъ? Увы, да романа и нѣтъ, ни на первой, ни на второй, ни на третьей сотнѣ страницъ. Передъ читателемъ проходитъ вереница лицъ, большею частью не играющихъ ровно никакой роли, лицъ поголовно ничтожныхъ и, полагаемъ, антипатичныхъ для всякаго свѣжаго чувства. Но мы еще возвратимся къ тому, какія общественныя группы и какія типы видитъ г. Тургеневъ въ современной Россіи, и въ какой странной пустотѣ засталяетъ онъ дѣйствовать своихъ не менѣе странныхъ героевъ. Теперь же замѣтимъ только, что экспозиція дѣйствующихъ лицъ отличается въ его новомъ романѣ непомерно растянутостью и, что всего удивительнѣе въ такомъ опытномъ беллетристѣ, крайнею неискusstvenностью. Вся первая половина романа израсходована на экспозицію, при чемъ авторъ не далъ себѣ труда поставить выводимыя лица хоть въ какую-нибудь правдоподобную житейскую связь, хоть какое-нибудь драматическое соотношеніе. Онъ просто *возитъ* читателя вмѣстѣ съ Неждановымъ отъ одного лица къ другому: отъ Сипягиныхъ къ Маркелову, отъ Маркелова къ Соломину, отъ Соломина къ Голушкину, отъ Голушкина къ Омушкѣ и Фимушкѣ, и т. д. Правда, Чичиковъ знакомился подобнымъ образомъ съ помѣщиками, но... полагаемъ, нѣтъ надобности объяснять, почему въ этомъ случаѣ сравненіе не можетъ служить оправданіемъ.

Мы не будемъ утомлять вниманіе читателя такимъ же подробнымъ пересказомъ романа, въ какомъ изложили содержаніе первыхъ шестнадцати главъ, и поторопимся обозрѣть дальнѣйшій ходъ повѣствованія, останавливаясь только на болѣе выдающихся страницахъ. Авторъ вводитъ въ романъ еще нѣсколько новыхъ лицъ—купца Голушкина и «старосвѣтскихъ помѣщиковъ» Омушку и Фимушку. Голушкинъ—сынъ милліонера старообрядца, совратившійся въ «революцію» изъ-за непомѣрнаго честолюбія: «то, моль, Суворовъ или Потемкинъ, а то Капитонъ Голушкинъ!»

Что сказать объ этой, на видъ весьма рискованной, фигурѣ — мы право не знаемъ; можетъ быть, въ дѣйствительности нашимъ революціонерамъ и случалось завербовывать подобныя личности, а, можетъ быть, и нѣтъ; по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ политическихъ процессахъ онѣ не фигурировали, и по нашему личному впечатлѣнію — Голушкинъ, въ особенности какъ старообрядецъ, неправдоподобенъ.

В. Австенко.

* * *

*) Первая часть романа, судя по газетнымъ рецензіямъ и «уличнымъ» толкамъ, произвела, повидимому, впечатлѣніе не особенно лестное для автора. Литературные Калломѣйцевы «Голоса», до сихъ поръ подобострастно шаркивающіеся передъ «великимъ художникомъ», изображали на своемъ хамелеоновскомъ лицѣ гримасу пренебрежительнаго сожалѣнія. Вотъ оно что, воскликнули они; — это совсѣмъ даже недостойно Тургенева! Это — не болѣе, какъ «зады» передового когда-то учителя, повторяемые съ примѣсью какой-то старческой, порою нѣсколько утмляющей брюзгливости)... «Тургеневъ, такъ постоянно отличавшійся своею чуткостью въ распознаваніи злобы дня и нарождающихся измѣненій въ общественномъ температурѣ, не попалъ въ жилку на этотъ разъ». «Подпольные герои «Нови» не возбуждаютъ къ себѣ никакого художественнаго сочувствія, если исключить типъ купца нигилиста Голушкина... (браво! вотъ что, значить «рыбакъ рыбака видитъ издалека»). «Бѣсы» Достоевскаго и «Некуда» г. Лѣскова куда выше въ этомъ отношеніи «Нови». Но особенно вознегодовалъ «Голосъ» на Тургенева за его отношеніе къ Калломѣйцеву. «Это совсѣмъ

*) П. Никитинъ (П. Н. Ткачовъ). „Дѣло“ 1877 г., № 2. (Въ этой критикѣ, между прочимъ, упоминается, какъ отнеслись къ „Нови“, въ моментъ ея появленія, нѣкоторые болѣе или менѣе выдающіеся органы нашей печатной прессы).

даже не характеръ, даже не живой образъ, а весьма сомнительнаго свойства шаржъ, который странно встрѣтить на страницахъ серьезнаго произведенія» (а отчего же Голушкинъ, которымъ вы такъ восхищаетесь — не шаржъ, и отчего этотъ шаржъ вамъ нисколько не странно, а, напротивъ, очень даже пріятно «встрѣтить на страницахъ серьезнаго произведенія?» О, Калломъйцевы, Калломъйцевы, какъ вы всегда неловко сами себя выдаете!). Г. Тургеневъ, витійствуютъ дальше наши Калломъйцевы, «очевидно, за что-то злится на насъ, и эта злоба увлекаетъ его за предѣлы всякой художественной и даже общественной правды». «И съ чѣмъ это сообразно, чтобы Калломъйцевъ могъ быть употребленъ на ловленіе раскольниковъ архіереевъ за клобукъ, когда всѣмъ извѣстно, что преслѣдованіе раскольниковъ прекратилось съ началомъ нынѣшняго царствованія?» (!)

Сипягинымъ тоже остались недовольны и тоже нашли, что это совсѣмъ не «живое лицо», и что подобныхъ шаблонныхъ сановниковъ «способенъ всякій нарисовать, начиная съ Авсѣенко и кончая княземъ Мещерскимъ».

Однако князь Мещерскій тоже не одобрилъ Сипягина и тоже нашель, что Калломъйцевъ — шаржъ. Вообще, «новый романъ Тургенева, по мнѣнію его сіятельства, не удовлетворилъ ничьихъ ожиданій, изъ рукъ вонъ плохъ; даже удивительно, какъ это Тургеневъ, написавшій «Отцовъ и Дѣтей», могъ написать такую плохую вещь?» Впрочемъ, князь удивляется только для виду, въ сущности же онъ очень хорошо знаетъ, что иначе и быть не могло. Во-первыхъ, тему авторъ взялъ преглупую: «нигилисты»; но кто же теперь думаетъ о нигилистахъ (князь, очевидно, забываетъ то, о чемъ онъ самъ постоянно думаетъ)? «Они надобли всѣмъ и въ литературѣ и въ дѣйствительности». Во-вторыхъ, къ этой глупой темѣ авторъ отнесся самымъ глупѣйшимъ образомъ: на старости лѣтъ онъ вздумалъ кокетничать и расшаркиваться съ людьми, долженствующими возбуждать въ душѣ всякаго истиннаго «гражданина» лишь чувство негодованія и презрѣнія.

Въ такомъ же или почти въ такомъ же духѣ выска-

зались и прочіе органы Мещерско-Краевского толка. Тургеневъ, по ихъ отзывамъ, хотя и не щадитъ, но все-таки какъ будто симпатизируетъ новымъ и подрастающимъ представителямъ общества, и крайне пристрастно, съ со-всѣмъ «нехудожественнымъ озлобленіемъ» относится къ элементамъ старымъ и отживающимъ, къ такимъ, во всякомъ случаѣ, почтеннымъ господамъ, какъ Сипягины и Калломъйцевы.

Но органы съ отгѣнкомъ «свободомыслія» (хотя бы на нижнихъ своихъ столбцахъ), въ родѣ «Биржевыхъ Новостей», «Новаго Времени» и «Недѣли», «Новь» произвела нѣсколько иное, хотя и не менѣе смутное впечатлѣніе. Газета г. Полетики скромно заявила, что пока она еще ничего въ романѣ не понимаетъ и мнѣнія о немъ никакого не имѣетъ. «Сипягинъ стереотипенъ и баналенъ. Калломъйцевъ — шаржированъ, Неждановъ и Соломинъ — личности столь неопредѣленно обрисованныя, что о нихъ ничего положительнаго сказать нельзя. Голушкинъ же — это чистая карикатура, до крайности смахивающая не то на «Взбаламученное Море» Писемскаго, не то на «Некуда» Стебницкаго».

Напротивъ, «Новое Время» нашло, что «личности, выступающія въ романѣ, обрисованы мастерски немногими крупными штрихами и, несмотря на отсутствіе столь любимаго многими психологическаго анализа, выступаютъ живыми людьми; можно сочувствовать имъ; жалѣть ихъ, или ужъ отнестись къ нимъ иначе (какъ это тонко и политично выражено: истинные Талейраны!), но правда, живая правда, безъ всякихъ риторическихъ прикрасъ, охватываетъ васъ и увлекаетъ въ этотъ жизненный потокъ!»

Рецензентъ «Недѣли», тотъ самый рецензентъ, который сожалѣлъ, что въ нашей журналистикѣ не найдется, по всей вѣроятности, критика, способнаго оцѣнить новое произведеніе Тургенева по достоинству, — этотъ рецензентъ, какъ и слѣдовало ожидать, выражаетъ свое полное одобреніе и сочувствіе тургеневскому роману. «Честь и слава, восклицаетъ онъ, — свѣтлому таланту Тургенева, и дай Богъ добраго успѣха его новому роману, насквозь про-

никнутому теплой, отеческой любовью къ молодому поколѣнію!» Не видно, впрочемъ, на чемъ основываетъ авторъ свое заключеніе «о теплой, отеческой любви». Во всемъ романѣ онъ видитъ «единственно сколько-нибудь отрадный образъ—это образъ героини романа «Маріанны». Въ описаніи остальныхъ героевъ романа «Нови» онъ замѣчаетъ у автора «тѣ же приемы, съ которыми пріобыкли подходить къ изображенію ихъ всѣ изобразители «нигилистскъ», начиная съ Стебницкаго и кончая княземъ Мещерскимъ». «Второстепенныя личности романа, изъ новыхъ типовъ молодежи, очерчены пока внѣшнимъ образомъ». «Въ романѣ... все еще чего-то недостаетъ... не вытанцовывается... картина слишкомъ блѣдна». «Есть основаніе опасаться, что сторона наиболѣе жгучихъ вопросовъ и до конца останется у художника въ тѣни... потому что онъ незнакомъ и не можетъ быть близко знакомъ съ этою таинственною (?) стороною дѣла».

Вообще, по мнѣнію рецензента, новый романъ Тургенева долженъ будетъ произвести на «новъ» «впечатлѣніе тяжелое, грустное, томительное», что, однакожь, не помѣшаетъ ему (т. е. впечатлѣнію) быть «благотворнымъ, отвѣтственнымъ, но не убивающимъ ничего хорошаго».

Не желая уклоняться въ сторону, мы прежде всего отдѣлимъ вводныя, эпизодическія, аксессуарныя личности, фигурирующія въ романѣ, отъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, отъ его героевъ. Только послѣдніе для насъ и интересны, потому на нихъ то мы и сосредоточимъ все наше вниманіе. Къ числу аксессуаровъ мы относимъ, съ одной стороны, Остродумова, Машурину, Маркелова, Голушкина и «резонера» романа Паклина; съ другой—Калломѣйцева и супруговъ Сипягиныхъ. Аксессуары первой категоріи пришиты къ роману живыми нитками, и, судя по ихъ «художественной отдѣлкѣ», можно думать, что самъ авторъ не придавалъ имъ никакого значенія. Какъ бы ни смотрѣли на художественный талантъ Тургенева, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что среди нашихъ современныхъ беллетристовъ (за вычетомъ Писемскаго и Достоевскаго) это одинъ изъ самыхъ крупныхъ талантовъ.

Возможно ли допустить, чтобы «крупный художественный талантъ»), желая обрисовать выдающіеся типы извѣстной общественной среды, унизился бы до плагиата, и, вмѣсто того, чтобы самому изучать и наблюдать эту среду, обобщать единичныя явленія и претворять ихъ въ самобытные, живые, конкретные образы,—рѣшился бы воспользоваться чужимъ трудомъ, и притомъ трудомъ весьма сомнительнаго достоинства, рѣшился бы заимствовать готовые образы... и откуда же?—Изъ «Бѣсовъ» и «Взбаламученнаго Моря»! Нѣтъ, это рѣшительно невозможно. Совсѣмъ другое дѣло, если художникъ, нисколько не имѣя въ виду «обрисовать выдающіеся типы данной среды», захотѣлъ просто взять («нѣкоторыхъ») изъ этой среды, первыхъ попавшихся, съ невинною цѣлью, черезъ сопоставленіе ихъ съ главными героями романа, рельефнѣе, ярче отгѣнить характеръ послѣднихъ. Очень можетъ быть, что для лучшаго достиженія своей цѣли, въ интересахъ художника было выбрать даже изъ этихъ «первыхъ попавшихся» личности наиболѣе неуклюжія, нескладныя, даже неправдоподобныя... Никто не можетъ стѣснять его въ выборѣ тѣхъ средствъ, которыя онъ считаетъ наиболѣе удобными и цѣлесообразными для обрисовки характеровъ своихъ героевъ. Не спору, съ чисто-художественной точки зрѣнія противъ избраннаго имъ приема можно было бы сказать очень многое. Но я здѣсь не хочу заниматься художественною оцѣнкою «Нови»...

Уважаая свободу художника, мы не обвиняемъ его за его не совсѣмъ художественный приемъ, и, вполне признавая, что въ обрисовкѣ аксессуарныхъ личностей первой категоріи нѣтъ ни крупинки художественной правды, мы прибавляемъ, однакожь, что въ виду той спеціальной цѣли, съ которой онѣ введены въ романъ, автору и не для чего было гоняться за этою правдою. Напротивъ, она, чего добраго, только разстроила бы общій тонъ задуманнаго имъ произведенія.

Что касается аксессуаровъ второй категоріи, къ которымъ мы причисляемъ Калломѣйцева и супруговъ Сипягиныхъ (о Ѳомушкѣ съ Фимушкой не стоитъ и упоминать),

то замѣтимъ, прежде всего, что и эти аксессуары первой категоріи пришиты къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ романа крайне искусственнымъ и совершенно неправдоподобнымъ образомъ. Если для сближенія Нежданова, Соломина и Маріанны съ Остродумовымъ, Машуриной, Голушкинымъ и т. п. понадобился какой-то таинственный и ни для кого невидимый Василій Николаевичъ, то для сближенія Нежданова съ Сипягинымъ и Калломѣйцевымъ потребовался уже цѣлый рядъ самыхъ невѣроятныхъ событій. Потребовалось прежде всего, чтобы Неждановъ, желая взять билетъ въ партеръ Александринскаго театра, встрѣтился въ кассѣ съ какимъ-то офицеромъ, тоже имѣвшимъ намѣреніе взять билетъ, но только въ кресла; хотя офицеръ пришелъ позже Нежданова, но такъ какъ онъ куда то торопился, то и просилъ кассира выдать ему билетъ раньше, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что ему (т.-е. Нежданову), вѣроятно, придется получать сдачу, «а мнѣ не надо». Мотивированіе это показалось Нежданову до такой степени оскорбительнымъ, что онъ рѣшился не брать сдачи, а взять, вмѣсто того, также билетъ въ кресла, и, въ благородномъ (хотя и совершенно непонятномъ) негодованіи, «онъ бросилъ въ окошко трехъ-рублевую бумажку, весь свой наличный капиталъ». Посадивъ такимъ образомъ своего героя, противъ его воли, въ кресла Александринскаго театра, авторъ сажаетъ рядомъ съ нимъ нѣкоего важнаго сановника, тайнаго совѣтника Сипягина. Затѣмъ онъ заставляетъ важнаго сановника начать литературный разговоръ (объ Островскомъ) съ Неждановымъ, совершенно до тѣхъ поръ ему незнакомымъ и одѣтымъ настолько бѣдно и даже неприлично, что всѣ вообще особы сидѣвшія въ креслахъ (это въ Александринкѣ-то!) посматривали на него не особенно дружелюбно. Хотя въ разговорѣ съ сановникомъ Неждановъ заявилъ себя нигилистомъ и человекомъ «крайнихъ мнѣній», и хотя эти мнѣнія онъ «высказывалъ весьма громко, во всеуслышаніе, однако, авторъ заставляетъ Сипягина (такъ звали важнаго сановника) воспылать къ «неприличному студенту» большимъ сочувствіемъ. При выходѣ изъ театра Сипягина встрѣчаетъ нѣкій фли-

гель-адъютантъ и князь Г., который оказывается братомъ (конечно, побочнымъ) «неприличнаго студента». Онъ рассказываетъ объ этомъ «важному сановнику», сообщаетъ, что заинтересовавшаго его студента зовутъ Неждановымъ и что онъ, дѣйствительно, человѣкъ крайнихъ мнѣній. На другой день авторъ подсовываетъ Сипягину тотъ № «Полицейскихъ Вѣдомостей», въ которомъ напечатано въ отдѣлѣ объявленій, что «студентъ Неждановъ, живущій тамъ-то, ищетъ мѣсто учителя въ отъѣздѣ». Сипягинъ усматриваетъ въ этомъ удивительномъ совпадении обстоятельство «персть судьбы», ѣдетъ сейчасъ къ Нежданову и приглашаетъ его къ себѣ въ деревню учить его девятилѣтняго сына Колю. Неждановъ, конечно, соглашается, и аксессуаръ притянуть къ герою.

Рецензенты раньше насъ еще указали на крайнюю неправдоподобность всѣхъ этихъ «случайностей», которыя если и могутъ быть въ дѣйствительной жизни, какъ изъ ряду вонъ выходящія явленія, то художникъ, претендующій на воспроизведеніе реальной жизни, не въ правѣ пользоваться ими, какъ матеріаломъ для своихъ обобщеній. Одинъ изъ рецензентовъ заявилъ даже, что хотя «это все пустяки, но пустяки эти рушатъ за собою весь романъ, подобно тому, какъ стоитъ вынуть одну карту изъ карточного домика — и весь онъ, безъ удержу, развалится въ одно мгновеніе». «Въ самомъ дѣлѣ, подумайте только, философствуетъ тотъ же рецензентъ, — что Неждановъ не могъ попасть во 2-й рядъ кресель путемъ такого скандала, какимъ онъ попалъ, не могъ поэтому встрѣтиться и съ Сипягинымъ, самое присутствіе котораго въ Александринкѣ весьма подозрительно. Ну, затѣмъ и весь романъ долженъ оказаться не сбывшимся». Конечно, подобный выводъ можетъ притти въ голову лишь такому «заурядному читателю», заурядность котораго ниже средняго уровня. Обыкновенный же читатель, т.-е. читатель средней заурядности, даже и не отличающійся проникательностью газетнаго рецензента, уже и по первой части романа могъ сообразить, что Сипягины и ихъ пріятель Калломѣйцевъ не играютъ въ романѣ никакой существенной роли, что они привязаны къ нему бѣ-

лыми нитками, и что поэтому, если бы даже нитки и порвались, то романъ все-таки «не разрушился бы» и не оказался бы «не сбывшимся».

II. Никитинъ (II. Ткачевъ).

* *
* *

*) Романъ «Новъ» написанъ на тему революціоннаго «хожденія въ народъ». Намъ, въ Россіи живущимъ, трудно судить о степени вѣрности лицъ «Нови» и ихъ дѣлъ. Знаемъ мы эти дѣла только по слухамъ, да изъ нѣкоторыхъ политическихъ процессовъ. Но такъ какъ мы живемъ въ Россіи, то незнаніе наше все таки, по крайней мѣрѣ, не превышаетъ незнанія г. Тургенева, а потому кое-какія соображенія для оцѣнки «Нови» у насъ есть. У насъ есть, во-первыхъ, данныя для оцѣнки нѣкоторыхъ подробностей, частныхъ, не играющихъ существенной роли въ романѣ, но не безынтересныхъ. Напримѣръ, въ романѣ фигурируетъ нѣкая дѣвица Машурина, очень некрасивая, между прочимъ. Вотъ какъ говоритъ объ ней авторъ: «Года полтора тому назадъ, она бросила свою родную, дворянскую, небогатую семью въ южной Россіи, прибыла въ Петербургъ съ шестью цѣлковыми въ карманѣ; поступила въ родовспомогательное заведеніе и безустаннымъ трудомъ добилась желаннаго аттестата. Она была дѣвица... и очень цѣломудренная дѣвица. Дѣло не удивительное! скажетъ иной скептикъ, вспомнивъ то, что сказано объ ея наружности. Дѣло удивительное и рѣдкое! «позволимъ себѣ сказать мы». Этими словами г. Тургеневъ «позволилъ себѣ сказать» просто неправду, основываясь, конечно, на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ ему кѣмъ-нибудь изъ Россіи. За неимѣніемъ статистики цѣломудрія (вотъ бы хорошо завести, всякій бы зналъ, по крайней мѣрѣ!), нельзя этого доказать; но всѣ мы, живущіе въ Россіи, тѣмъ не менѣе, знаемъ, что Машурина съ этой стороны вовсе не составляетъ чего-нибудь «рѣдкаго и удивительнаго». Бываетъ это часто.

*) Н. Михайловскій. „Отечественныя Записки“ 1877 г., № 2. Статья подъ названіемъ: „Записки Профана“.

Такихъ мелочей, гдѣ мы, по необходимости ближе стоящіе къ дѣлу, можемъ съ удобствомъ провѣрить показанія г. Тургенева, можно найти не мало. Но Богъ съ ними, съ мелочами. Ошибка въ фальшь не ставится. Одно только можно сказать: какое намъ дѣло до цѣломудрія госпожи Машуриной, и какіе ужъ мы съ г. Тургеневымъ контролёры чужого цѣломудрія?

Ошибка въ фальшь не ставится. Но фальшь ужъ непремѣнно въ счетъ идетъ. А и для этого у насъ, русскихъ читателей, есть не то, что опредѣленные, объективныя данныя, хотя есть и они, а, такъ сказать, данныя субъективныя, внутри насъ лежащія.

Политическіе процессы слѣдуютъ одинъ за другимъ. Правительство естественно озабочивается пріисканіемъ мѣръ противъ этого рода преступленій. Интересуются ими газеты, интересуется общество. Всѣ хотятъ знать, въ чемъ же дѣло? Гдѣ причины этихъ революціонныхъ попытокъ? Почему онѣ направлены именно такъ, а не иначе? Всѣ стараются разрѣшить эти вопросы, кто—про себя, кто—публично. Вотъ, напр., г. Достоевскій, въ декабрьскомъ номерѣ своего «Дневника», объясняетъ дѣло утратою вѣры въ безсмертіе души. Другіе указываютъ, какъ на причину, на разложеніе семьи, утратившей возможность или желаніе направлять своихъ младшихъ членовъ къ строго-легальнымъ цѣлямъ. Третьи укажутъ на условія школьнаго воспитанія и образованія. Четвертые—на экономическія условія и т. д. При всемъ разнообразіи этихъ объясненій, въ нихъ есть одна общая черта: они ищутъ корня дѣла, его общественныхъ причинъ. Это понятно. Каждому русскому естественно искать общихъ причинъ этихъ явленій. Братъ Ивана Сидорова, мужъ Марьи Ивановой, тетка Сидора Иванова—интересуются личною судьбою своихъ родственниковъ и подыскиваютъ въ ихъ жизни причины ихъ революціоннаго увлеченія. Но вообще-то говоря, эти личныя исторіи Ивана Сидорова и пр. въ такомъ только случаѣ интересны, если въ нихъ содержится хоть намекъ на исторію общую. Естественно было бы ждать чего-нибудь подобнаго и отъ романа г. Тургенева. Къ сожалѣнію,

Зелинскій. Критика о Тургеневѣ.

это не вошло въ его задачу. На то была, конечно, его добрая воля; но дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе этого, его романъ въ значительной степени утрачиваетъ свой *raison d'être*. Всѣ дѣйствующія лица «Нови» являются въ извѣстномъ смыслѣ вполне готовыми, что, мимоходомъ сказать, придаетъ имъ какую-то деревянность. Процессъ образованія идей и чувствъ, толкнувшихъ ихъ на опасную дорогу, или совсѣмъ скрытъ (Машурина, Остродумовъ, Соломинъ), или коротенько рассказанъ «словами», да и то очень неполно.

Романъ, въ которомъ изображаются только «поступки», рядъ дѣйствій, безъ внутренняго, психическаго развитія персонажей, былъ бы очень плохъ, даже въ чисто-художественномъ смыслѣ. Въ прежнихъ романахъ г. Тургенева, какъ и въ большинствѣ романовъ, это внутреннее, психическое развитіе сосредоточивалось на процессахъ и перипетіяхъ любви. Постепенное разгораніе или потуханіе страсти, разныя столкновенія на этой почвѣ приковывали къ себѣ вниманіе читателя и заставляли его съ интересомъ слѣдить даже за пустячными внѣшними дѣйствіями, «поступками». «Новь» — романъ политическій, и потому въ немъ психическое движеніе должно хоть отчасти основываться на политическихъ мотивахъ. Но, какъ сказано, всѣ дѣйствующія лица «Нови» оказываются въ этомъ отношеніи точно замороженными. На счетъ движенія любовнаго мы получаемъ матеріалу очень достаточно: какъ въ госпожѣ Сипягиной поднимается и быстро падаетъ неопредѣленное влеченіе къ Нежданову, какъ зарождается и растетъ въ Неждановѣ любовь къ Маріаннѣ, какіе разнообразные оттѣнки принимаетъ послѣдовательно склонность Маріанны сначала къ Нежданову, а потомъ къ Соломину. Но какъ зарождаются, растутъ, падаютъ чувства и идеи политическія, это остается въ туманѣ. Только Маріанна составляетъ маленькое исключеніе, очень маленькое, хотя авторъ приложилъ даже особенное стараніе къ выясненію ея образа съ этой стороны.

Общественное явленіе сведено у г. Тургенева къ разнообразнымъ, мелкимъ, личнымъ причинамъ. Онъ, разумѣ-

ется, самъ понимаетъ, что это невѣрно, что и «червонныхъ валетовъ», на примѣръ, можно тоже представить въ видѣ кучки «неудачниковъ», ни на волосъ не объяснивъ дѣла. Онъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать этого. Наконецъ, заключительныя слова Паклина (которому авторъ вкладываетъ много своихъ собственныхъ, тургеневскихъ шпилекъ и острогъ, а отчасти и серьезныхъ мыслей, предоставляя, впрочемъ, свое серьезное, задушевное болѣе Нежданову), заключительныя слова Паклина о Соломинѣ ясно говорятъ, что какая-то общая причина, общій фонъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ личныхъ исторій существуетъ. Какая причина? какой фонъ?—этого г. Тургеневъ не знаетъ и не хочетъ знать. Съ него требуютъ «новыхъ людей». Онъ исполняетъ требованіе, специализируетъ свою задачу до уровня неразумнаго заказа и, слѣдуя голосу заказчиковъ, представляетъ всю совокупность условій, породившихъ «новыхъ людей», другимъ, а себѣ оставляетъ только ихъ ви-сящія на воздухѣ личности и ихъ «поступки». Такова основная фальшь романа. Но, разъ принявъ непосильный заказъ, г. Тургеневъ естественно долженъ былъ пойти и далѣе по этой скользкой дорогѣ фальши. Человѣкъ, который беретъ, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, говорить о предметѣ, для него невидимомъ, какъ о видимомъ, долженъ все время разговора лавировать, многое обходить, многое совсѣмъ постороннее приплетать и т. п. Это случилось и съ г. Тургеневымъ. Замѣчательно, что всѣ *върующіе* «новые люди» у него очень честны, но чрезвычайно тупы, тупы не случайно, а по велѣнію автора; это уже изъ того видно, что *не* *върующимъ* (Нежданову, Соломину, Паклину) онъ въ умѣ не отказываетъ и даже цѣнить ихъ въ этомъ отношеніи выше мѣры. Объ Остроумовѣ Паклинъ (очень часто alter ego самого г. Тургенева) выражается такъ: «не все же полагаться на однихъ Остроумовыхъ! Честные они, хорошіе люди, за то глупы! глупы!!! Ты посмотри на нашего пріятеля. Самыя подшвы его сапоговъ, и тѣ не такія, какія бываютъ у умныхъ людей». Машурина, Кисляковъ, до такой степени глупы, что составляютъ даже мишень для остроумія автора. О

Маркеловъ прямо говорится, какъ о человѣкѣ съ «ограниченнымъ умомъ», какъ о «существѣ тупомъ». О Марианнѣ ничего не говорится, но ведетъ она себя положительно глупо. Все это не случайно, а непременно такъ и должно было выйти у г. Тургенева. Если вамъ закажутъ романъ изъ китайской жизни, и вы будете имѣть подъ руками только кое-какіе скудные печатные матеріалы, васъ невольно потянетъ къ изображенію людей тупыхъ, ограниченныхъ, потому что ихъ несвѣдующему человѣку изобразить легче: натуры у нихъ несложныя, кругозоръ узенькій, поступки аляповатые. Повернуть дурака можно куда угодно, безъ всякой отвѣтственности, въ душу залѣзть къ нему немудрено. Эта сплошная глупость вѣрующихъ еще особенно отбѣняется невидимымъ присутствіемъ ихъ вожака, объ которомъ только и извѣстно, что зовутъ его Василиемъ Николаевичемъ, и что всѣ ему повинуются. Г. Тургеневъ, очевидно, самъ чувствовалъ, что ему не справиться съ этимъ типомъ, и потому ни разу не показалъ его читателю. Но тогда зачѣмъ же было огородъ городить?

Глупые люди были до такой степени нужны г. Тургеневу, что онъ оказался вынужденнымъ привлечь къ участию въ ихъ глупостяхъ даже своихъ умницъ. Помните, напримѣръ, какъ Маркеловъ, Неждановъ, Паклинъ и Соломинъ посѣщали Голушкина и супруговъ Субочевыхъ, эту, мимоходомъ сказать, очень плохую и неизвѣстно для чего выставленную пародію старосвѣтскихъ помѣщиковъ Гоголя. Оба эти посѣщенія составляютъ сплошную глупость, не безъ грязнаго отбѣнка вдобавокъ. Даже непонятно, какъ такіе серьезные и умные люди, какими авторъ желаетъ представить Соломина и отчасти Нежданова, могутъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, проводить время съ «блаженными» Омушкой и Фимушкой, пьянствовать съ глупцомъ и негодяемъ Голушкинымъ, болтать при этомъ совсѣмъ неподходящія вещи въ присутствіи совершенно незнакомаго голушкинскаго приказчика, который потомъ и оказывается предателемъ. Неужто даже у умницъ не хватаетъ смысла понять, что рекомендація Голушкина очень мало надежна?

Но такова ужъ сила глупости всѣхъ изображаемыхъ г. Тургеневымъ поступковъ, что, какъ только начнутъ люди «поступать», такъ и распространяють кругомъ себя заразу глупости. И все это только потому, что глупыхъ легко рисовать...

Н. Михайловскій.

* * *

*) Со второй половины романа авторъ уже перестаетъ возить читателя по новымъ знакомымъ, отчего, разумѣется, дѣйствіе нѣсколько выигрываетъ въ живости, но увы, не приобретаетъ внутренняго интереса. Содержаніе этой второй половины сосредоточивается на двухъ темахъ: какъ Маріанна перешла отъ Нежданова къ Соломину, и какъ Неждановъ и Маркеловъ бунтовали народъ. При этомъ надо сказать, что хотя вторая тема уже достаточно исчерпана въ нашей литературѣ и развита у г. Тургенева весьма слабо, какъ бы вскользь, но первая разработана еще меньше. Можно даже сказать, что читатель до самаго конца такъ и не понимаетъ, почему Маріанна полюбила Соломина, и даже полюбила ли она его? Сипягинъ, желая сманить Соломина къ себѣ на фабрику, посылаетъ за нимъ экипажъ; тутъ Маріанна въ первый разъ его видитъ. Во весь день они не перемолвились словомъ; но авторъ слѣдующимъ образомъ анализируетъ впечатлѣніе своей героини (замѣтимъ, только что полюбившей Нежданова): «До прїѣзда Соломина Маріанна воображала его совсѣмъ инымъ. На первый взглядъ онъ ей показался какимъ-то неопредѣленнымъ, безличнымъ... Рѣшительно: она на своемъ вѣку видѣла много такихъ бѣлокурыхъ, жилистыхъ, сухопарыхъ людей! Но чѣмъ больше она въ него всматривалась, чѣмъ больше вслушивалась въ его рѣчи, тѣмъ сильнѣе становилось въ ней чувство довѣрія къ нему, именно довѣрія. Этотъ спокойный, не то чтобы неуклюжій, а тяжеловатый человѣкъ, не только не могъ солгать или прихвастнуть: на него можно положиться, какъ на каменную

*) Статья А. (В. Г. Авсѣенко). „Русскій Вѣстникъ“ 1877 г., № 2.

стѣну». За обѣдомъ она уже ловить себя на томъ, что невольно сравниваетъ его съ Неждановымъ — и не въ пользу Нежданова.

Ночью Соломинъ отправился въ комнату Нежданова, и тотъ тотчасъ объявилъ ему, что онъ и Маріанна любятъ другъ друга и собираются вмѣстѣ бѣжать. На этомъ признаніи къ нимъ входитъ Маріанна, и ни съ того ни съ сего проситъ Соломина вѣрить, что она честная дѣвушка. «Да, я это знаю, *серьезно* промолвилъ Соломинъ»... и предложилъ имъ двѣ комнаты у себя на фабрикѣ.

Такъ какъ авторъ къ каждому изъ героевъ «новой» Руси приставилъ по одному ненавистному врагу изъ «старыхъ», то предварительно побѣга у Маріанны оказывается стычка съ Валентиной Михайловной. Именно въ то время, какъ Маріанна была у Нежданова, ненавистная тетушка оставила у нея въ комнатѣ слѣдующую записочку: «Мнѣ жаль васъ. Вы губите себя. Опомнитесь. Въ какую бездну вы бросаетесь съ закрытыми глазами? Для кого и для чего?» Говоря по правдѣ, Валентинъ Михайловичъ не было никакой надобности прибѣгать къ корреспонденціи, такъ какъ она имѣла полное право сказать это въ глаза своей племянницѣ; но автору почему-то необходимо представить эту барыню въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ, и онъ то и дѣло заставляетъ ее подслушивать, шпионить, язвить и лукавить. На другой день между тетушкой и племянницей произошла, по мнѣнію автора, *страшная* сцена. Страшнаго въ ней, впрочемъ, немного, но удивительнаго довольно! Мы присутствуемъ тутъ при нѣкоторомъ поучительномъ урокѣ семейной и общественной морали. «Вы желаете знать, чѣмъ я недовольна, Маріанна? говоритъ Валентина Михайловна. Извольте! Я недовольна вашими продолжительными свиданіями съ молодымъ человѣкомъ, который и по рожденію, и по воспитанію, и по общественному положенію стоитъ слишкомъ низко для васъ, я недовольна... нѣтъ! это слово не довольно сильно — я возмущена вашими поздними... вашими ночными визитами у этого самаго человѣка. И гдѣ же? подъ моимъ кровомъ! Или вы находите, что это такъ и слѣдуетъ, и что я должна мол-

чать и какъ бы оказывать покровительство вашему легкомыслию?»—«Вы напрасно негодуете, возражаетъ Маріанна. Я не нанесла никакого позора вашему крову. Молодой человекъ, на котораго вы намекаете... да, я дѣйствительно... полюбила его...»—«Да помилуйте, Маріанна! (продолжаетъ ненавистная тетушка) вѣдь, онъ студентъ, безъ роду, безъ племени, вѣдь, онъ моложе васъ! Что же изъ этого можетъ выйти? И что вы, съ вашимъ умомъ, нашли въ немъ? Онъ просто пустой мальчикъ... Вы слѣдовали влеченію вашего сердца, положимъ. Но, вѣдь, все это должно же кончиться бракомъ?»—«Не знаю... я объ немъ не думала», отвѣчаетъ Маріанна, и замѣтивъ, въ какое изумленіе повергли тетушку ея слова, слѣшитъ прибавить: «Прекратимъ этотъ разговоръ, Валентина Михайловна. Онъ ни къ чему не можетъ повести. Мы все-таки не поймемъ другъ друга». Но ненавистная тетушка думаетъ, что она должна сдѣлать послѣднее усиліе. Она пытается еще разъ обратиться къ разсудку и чувству племянницы, наконецъ, грозитъ, что запретитъ ей продолжать свиданія съ Неждановымъ. «Я васъ не послушаюсь», отвѣчаетъ Маріанна, и вдругъ раздражается потокомъ дерзостей, упрековъ, грубыхъ остротъ, и заключаетъ эту нелѣпую тираду словами: «Представьте! Я увѣрена въ томъ, что я гораздо честнѣе васъ! Прощайте!»

Такимъ образомъ, ненавистная барыня получаетъ жесточайшій репримандъ, и съ позоромъ удаляется со сцены, а «честность» торжествуетъ въ лицѣ угнетенной племянницы. То-есть, такъ думаетъ г. Тургеневъ, получающій вдохновеніе изъ романовъ г-жи Смирновой, а какъ объ этомъ будутъ думать читатели—не знаемъ.

На другой день Неждановъ съ Маріанной «сбѣгаютъ» къ Соломину и поселяются у него на фабрикѣ. Къ нимъ приставлена въ родѣ нянюшки нѣкая Татьяна Осиповна, которая, узнавъ, что Маріанна не хочетъ быть больше дворянкой, говоритъ: «А, вотъ что! Ну, теперь знаю. Вы, стало, изъ тѣхъ, что опроститься хотятъ». Слово *опроститься*, *опростылье*, очевидно, придуманно авторомъ не вскользь, не мимоходомъ, а въ серьезъ, какъ нѣчто такое,

чему суждено играть роль на Руси, пожалуй, такую же, какъ слово нигилистъ. Авторъ повторяетъ это словечко чуть не въ каждой главѣ и, очевидно, желаетъ, чтобъ оно не проскользнуло какъ-нибудь мимо вниманія читателя, но вошло бы во всеобщій оборотъ. Только наврядъ ли это будетъ.

Въ тотъ же день между Неждановымъ и Маріанной происходитъ такой разговоръ: «Мнѣ кажется, говорить Маріанна, намъ обоимъ немного неловко. Молодые — *des pouveaux mariés*—въ первый день своего брачнаго путешествія должны чувствовать нѣчто подобное. Они счастливы... имъ очень хорошо—и немножко неловко».—«Ты очень хорошо знаешь, Маріанна, что мы не молодые—въ твоемъ смыслѣ», возражаетъ Неждановъ. «Это отъ тебя зависитъ», говоритъ Маріанна... «Какъ?»—«Алеша, ты знаешь, что когда ты мнѣ скажешь, какъ честный человѣкъ—а я тебѣ вѣрю, потому что ты точно честный человѣкъ; когда ты мнѣ скажешь, что ты меня любишь тою любовью... ну, тою любовью, которая даетъ право на жизнь другого—когда ты мнѣ это скажешь—я твоя». Затѣмъ Маріанна проситъ Татьяну Осиповну научить ее стряпать и вязать чулки, чтобы быть полезною русскому народу, а Соломинъ тѣмъ временемъ изготавляетъ для нея и для Нежданова мѣщанскіе костюмы. Въ ожиданіи Маріанна читаетъ съ Неждановымъ тетрадку его стихотвореній, но не слишкомъ одобряетъ, и вспоминаетъ стихи Добролюбова, которые г. Тургеневъ тутъ же выписываетъ цѣликомъ, съ указаніемъ тома и страницы полного собранія сочиненій Добролюбова. По этому поводу Маріанна замѣчаетъ, что «надо такіе стихи писать, какъ Пушкинъ—или вотъ такіе, какъ эти Добролюбовскіе: это не поэзія... но что-то не хуже ея». Такимъ образомъ и Пушкинъ сохраненъ, (вѣдь, г. Тургеневъ въ 1864 году писалъ: «Венера Милосская, пожалуй, несомнѣннѣе римскаго права или принциповъ 89 года»), и стихотвореніе изъ покойной памяти «Свистка» рядомъ съ нимъ поставлено. А въ сущности это очень забавно. Не поэзія, но не хуже ея... вѣдь, это и про сапоги можно сказать. На выставкахъ статуя

Венеры и пара сапоговъ могутъ получить одну и ту же награду; что же изъ нихъ лучше и что хуже?

Костюмы, наконецъ, были готовы. Неждановъ первый облекся въ желтоватый нанковый кафтанъ и расчесалъ волосы по-русски. Марианна, какъ увидѣла его, воскликнула: «Господи! какой ты некрасивый! Ты смотришь какимъ-то плохимъ городскимъ мѣщаниномъ... или разносчикомъ... или отставнымъ дворовымъ». Неждановъ, который самъ это чувствовалъ и смущался, отвѣтилъ, что по словамъ Соломинскаго лакея Павла, въ поддѣвкѣ или въ армякѣ его сейчасъ бы узнали, «а эта одѣжа — по его словамъ — словно я другой отъ роду и не нашивалъ!»

Вернувшись въ тотъ же день съ своего перваго хожденія «въ народъ», Неждановъ такъ рассказываетъ о немъ Марианнѣ: «Четыремъ человѣкамъ предлагалъ брошюры. Одинъ спросилъ, божественная ли эта книга? и не взялъ; другой сказалъ, что не знаетъ грамотѣ, и взялъ для дѣтей, потому на обложкѣ есть рисуночекъ; третій сперва все мнѣ поддакивалъ: «тэ-акъ», »тэ-акъ»... потомъ вдругъ выругалъ меня самымъ неожиданнымъ образомъ, и тоже не взялъ; четвертый, наконецъ, взялъ — и много благодарилъ меня, но, кажется, ни бельмеса не понялъ изо всего того, что я ему говорилъ. Кромѣ того, одна собака укусила мнѣ ногу; одна баба съ порога своей избы погрозила мнѣ ухватомъ, прибавивъ: «у! постылый! шелапуты вы московскіе! погибли на васъ нѣту-ти!» Да еще одинъ солдатъ безсрочный все мнѣ вслѣдъ кричалъ: «Погоди, стой! мы тебя, братъ, распатронимъ!» А на мои же деньги напился!»

Марианна хочетъ въ свою очередь рассказать ему, что она сдѣлала въ его отсутствіе для русскаго народа. Но изъ разсказа авторъ сообщаетъ читателю только то, что она «отлично... вымыла горшокъ».

Двѣ недѣли спустя, Неждановъ пишетъ своему другу Силину: «Пребываніе наше на этой фабрикѣ — временное. Мы находимся здѣсь, пока наступитъ время дѣйствовать; хотя, если судить по тому, что произошло до сихъ поръ — время это едва-ли когда наступитъ! Владимиръ, мнѣ очень, очень тяжело. Прежде всего я долженъ тебѣ сказать, что

хотя мы съ Маріанной бѣжали вмѣстѣ, но мы до сихъ поръ какъ братъ съ сестрой. Она меня любить... и сказала мнѣ, что будетъ моею, если... если я почувствую себя въ правѣ потребовать этого отъ нея. Владимиръ, я этого права за собою не чувствую! Она вѣритъ мнѣ, моей честности, я ее обманывать не стану. Я знаю, что я никого не любилъ и не люблю (это — то ужъ навѣрно!) больше, чѣмъ ее. Но все-таки! Какъ могу я навсегда присоединить ея судьбу къ моей? Живое существо — къ трупу? Ну, не трупу — къ существу полумертвому? гдѣ будетъ совѣсть? Ты скажешь, была бы сильная страсть — совѣсть замолчала бы. Въ томъ то и дѣло, что я трупь; честный, благонамѣренный трупь, если хочешь.

«Увѣряютъ, что нужно сперва выучиться языку народа, узнать ихъ обычаи и нравы... Вздоръ! вздоръ! вздоръ! Нужно *върять* въ то, что говоришь — а говори, что хочешь! Мнѣ разъ пришлось слышать нѣчто въ родѣ проповѣди одного раскольничьяго пророка. Чортъ знаетъ, что онъ молоть, какая-то была смѣсь церковнаго языка, книжнаго, простонароднаго, да еще не русскаго, а бѣлорусскаго какого-то... «Цобѣ», вмѣсто «тебѣ», «исть», вмѣсто «ѣсть», «ы», вмѣсто «и» — и, вѣдь, все одно и то же долбилъ, какъ тетеревь какой! «Накатыль духъ... накатыль духъ...» За то глаза горять, голосъ глухой и твердый, кулаки сжаты — и весь онъ какъ желѣзный! Слушатели не понимаютъ, а благоговѣютъ! И идутъ за нимъ. А я начну говорить, точно виноватый, все прощенья прошу. Хоть въ раскольники бы пошелъ, право: мудрость ихъ не велика... да гдѣ вѣры-то взять, вѣры?»

Очень интересны также въ этомъ письмѣ нѣкоторыя подробности о хожденіи въ народъ (надо замѣтить вообще, что мужики — единственные живыя лица въ романѣ; видно, что г. Тургеневъ не рѣшился ихъ передѣлывать и прилагивать, а изобразилъ такими, какими зналъ раньше). «У здѣшняго фабричнаго Павла — писалъ Неждановъ — есть пріятель изъ мужиковъ. Елизаромъ его зовутъ... тоже свѣтлый умъ — и душа свободная, безо всякихъ путъ; но какъ только онъ со мною — точно стѣна между нами! такъ и смотреть

«нѣтомъ!» А то еще вотъ на какого я наскочилъ... впрочемъ, этотъ былъ изъ сердитыхъ. «Ужъ ты, говоритъ, баринъ, не размазывай, а прямо скажи: отдашь ли ты всю свою землю, какъ есть—аль нѣтъ?» Что ты, отвѣчаю я ему—какой я баринъ! (И еще, помнится, прибавилъ: Христось съ тобою!). «А коли ты изъ простыхъ, говоритъ, такъ какой въ тебѣ толкъ? И оставь ты меня, сдѣлай милость!»

«И вотъ еще что я замѣтилъ: коли кто ужъ очень охотно тебя слушаетъ и книжки сейчасъ беретъ—знай: этотъ изъ плохенькихъ, вѣтеркомъ подбитъ. Или на какого красная натенешься—изъ образованныхъ, который только и знаетъ, что одно облюбленное слово твердить. Одинъ, наприимѣръ, просто замучилъ меня: все у него «производство!» Что ему ни говори, а онъ: «такое, значить, прызводство!» А, чертъ тебя побери! Еще одно замѣчаніе... Помнишь, была когда-то—давно тому назадъ—рѣчь о лишнихъ людяхъ, о Гамлетахъ? Представьте: такіе «лишніе» люди попадаютъ теперь между крестьянами! Конечно, съ особымъ оттѣнкомъ... притомъ они, большею частью, чахоточнаго сложенія. И интересные субъекты, и идутъ къ намъ охотно; но собственно для дѣла—непригодные; такъ же, какъ и прежніе Гамлеты.

«Окургузила меня жизнь, мой Владимиръ, какъ, помнишь, говаривалъ нашъ знакомый, пьянчужка портной, жалуясь на свою жену».

Въ припискѣ Неждановъ замѣчаетъ: «Да, нашъ народъ спитъ. Но мнѣ сдается, если что его разбудить—это будетъ не то, что мы думаемъ».

Вскорѣ Павелъ приноситъ извѣстіе, что въ сосѣднемъ Т—скомъ уѣздѣ крестьяне поднимаются, не хотятъ платить податей. «Сергѣя Михайловича (Маркелова), должно полагать, работа. Вотъ уже пятый день, какъ ихъ нѣту дома».

Получивъ такое извѣстіе, Неждановъ и Маріанна собираются тотчасъ летѣть на мѣсто; но Соломинъ уговариваетъ Маріанну остаться; послѣ нѣкотораго колебанія, она соглашается съ нимъ. Соломинъ и съ Нежданова беретъ слово быть осторожнымъ и вернуться поскорѣе. «Обѣщаешь?» спрашиваетъ онъ его. «Коли тебѣ всѣ здѣсь поко-

ряются, начиная съ Маріанны!» отвѣчаетъ съ ревнивою досадою Неждановъ—и уходитъ не простившись. Павелъ долженъ отвезти его въ телѣгѣ.

«Соломинъ подсѣлъ къ Маріаннѣ.—Вы слышали послѣднія слова Нежданова?»

«— Да, онъ досадуетъ, что я слушаюсь васъ больше, чѣмъ его. И, вѣдь, это правда. Я люблю *его*, а слушаюсь *васъ*. Онъ мнѣ дороже, а вы ко мнѣ ближе.

«Соломинъ осторожно поласкалъ своею рукою ея руку».

Спустя нѣкоторое время, Павелъ привезъ Нежданова назадъ мертвецки пьянаго. Это случилось такимъ образомъ:

«Садясь на телѣгу къ Павлу, Неждановъ пришелъ въ весьма возбужденное состояніе; а какъ только они выѣхали съ фабричнаго двора и покатали по дорогѣ въ направленіи къ Т-у уѣзду, онъ началъ окликать, останавливать проходившихъ мужиковъ, держать къ нимъ краткія, но несообразныя рѣчи. Что, моль, вы спите? Поднимайтесь! Пора! Долой налоги! Долой землевладѣльцевъ! —Иные мужики глядѣли на него съ изумленіемъ; другіе шли дальше, мимо, не обращая вниманія на его возгласы: они принимали его за пьянаго; одинъ такъ даже, придя домой, рассказывалъ, что ему навстрѣчу французъ попался, который кричалъ «непонятно таково, картаво». У Нежданова было довольно ума, чтобы понять, какъ несказано глупо и даже бессмысленно было то, что онъ дѣлалъ; но онъ постепенно до того взвинутилъ себя, что уже пересталъ понимать, что умно и что глупо». Замѣтивъ въ одномъ мѣстѣ мужиковъ, толковавшихъ подлѣ амбара, Неждановъ соскочилъ съ телѣги и принялся имъ толковать и кричать: за свободу! впередъ! двинемся грудью! Мужики слушали его внимательно, но когда онъ уѣхалъ, «одинъ изъ нихъ, самый прозорливый, глубокомысленно покачавъ головой, промолвилъ: «какой строгій!» а другой замѣтилъ: «знать, начальникъ какой!» на что прозорливецъ возразилъ: «Извѣстное дѣло—даромъ глотку драть не станеть. Заплачутъ теперича наши денежки!»

Кончилось тѣмъ, что въ слѣдующемъ селѣ мужики за-тащили Нежданова въ кабакъ и заставили столько выпить

водки, что онъ омертвѣлъ совсѣмъ. «Ну, а какъ заслабѣлъ-то онъ очень—докладывалъ Павелъ Соломину—я и попросилъ съ поклономъ: Господа, молю, честные, отпустите паренька; видите, младъ больно... Ну, и отпустили; только полтинникъ магарыча, говорятъ, подавай! Я такъ и далъ».

Нежданова уложили на диванѣ. Маріанна сѣла подь окномъ и глядѣла въ палисадникъ. «Она не волновалась; но ей было грустно... безотрадно грустно. На нее какъ будто повѣяло настоящимъ запахомъ того міра, куда она стремилась... и содрогнулась она отъ этой грубости и темноты».

Вдругъ является Паклинъ и приноситъ дурныя вѣсти: Маркелова схватили крестьяне и препроводили въ городъ; Голушкина также арестовали, и онъ теперь выдаетъ всѣхъ и каждаго. Паклинъ предлагаетъ поѣхать къ Сипягину и просить его заступиться за Маркелова. Сипягинъ рѣшаетъ ѣхать поутру къ губернатору, и для предосторожности запираетъ Паклина въ особую комнату. Дорогой въ городъ Паклинъ, не то по глупости, не то изъ трусости, пробалтывается обо всѣхъ «опростѣлыхъ». Слѣдуетъ крайне растянутая сцена у губернатора, къ вящей неправдоподобности которой оказывается, что у губернатора есть адъютантъ, что политическіе арестанты содержатся на цѣпи въ губернаторскомъ домѣ, что чуть не всѣ комнаты у губернатора наполнены выростающими словно изъ земли жандармами, что какой-то мужикъ повѣсилъя вслѣдствіе какихъ то притѣсненій Калломѣйцева, и пр. Вообще эта глава едва ли не болѣе другихъ представляется намъ «разказомъ иностранца, долго жившаго въ Россіи»...

Соломинъ уговариваетъ Нежданова и Маріанну ѣхать тотчасъ вѣнчаться и затѣмъ скрыться съ фабрики, такъ какъ надо ожидать посѣщенія полиціи. Неждановъ проситъ Соломина не оставить Маріанну, если съ нимъ что случится, уходитъ въ палисадникъ и застрѣливается. Онъ оставилъ два предсмертныя письма, одно къ Силину, другое къ Маріаннѣ. Въ послѣднемъ онъ пишетъ: «ложь была во мнѣ, а не въ томъ, чему ты вѣришь!»

Соломинъ бросаетъ фабрику, увозя съ собою Маріанну. Податливый попъ, его родичъ, вѣнчаетъ ихъ. Его, однако,

притягиваютъ къ суду, изъ котораго онъ впрочемъ выходитъ сухъ. Маркеловъ несетъ строгое наказаніе.

Два года спустя, Паклинъ встрѣчается съ Машуриной, проживающею по паспорту итальянской контессы. Хромоногій старикъ, которому авторъ предоставилъ лестную роль высказать на послѣднихъ страницахъ мораль басни, вспоминаетъ по очереди дѣйствующихъ лицъ «Нови». «Чудесный былъ человѣкъ! говоритъ онъ о Неждановѣ. Только не въ свою колею попалъ! Онъ такой же былъ революціонеръ, какъ и я. Знаете, кто онъ собственно былъ? Романтикъ реализма! Понимаете ли вы меня?»

«За то Сипягины (продолжаетъ онъ)—помните, эти снисходительные, важные, отвратительные тузы—они теперь наверху могущества и славы! Говорятъ, у нихъ въ домѣ такой высокій тонъ! Все о добродѣтели толкуютъ!! Только я замѣтилъ: если гдѣ слишкомъ много толкуютъ о добродѣтели—это все равно, какъ если въ комнатѣ у больного слишкомъ накурено благовоніями: навѣрно передъ этимъ совершилась какая-нибудь тайная пакость! Подозрительно это! Бѣднаго Алексѣя (Нежданова) они погубили, эти Сипягины!» (??) Машурина любопытствуетъ узнать о Соломинѣ.

«Этотъ молодець! восклицаетъ Паклинъ. Вывернулся отлично. Прежнюю-то фабрику бросилъ и лучшихъ людей съ собой увелъ. Тамъ былъ одинъ... голова, говорятъ, бѣдовая! Павломъ его звали... такъ и того увелъ. Теперь, говорятъ, свой заводъ имѣетъ, небольшой, гдѣ-то тамъ въ Перми, на какихъ-то артельныхъ началахъ. Этотъ дѣла своего не оставитъ! Онъ продолбитъ! Клювъ у него тонкій, да и крѣпкій за то! Онъ—молодець!»

«Да-съ—продолжаетъ Паклинъ—веселое наступило времячко, доложу вамъ! Въ обществѣ застой совершенный; всѣ скучаютъ адски; въ литературѣ—пустота, хоть шаромъ покати! Въ искусствѣ—то же самое! Скоропихинъ, знаете, нашъ исконный Аристархъ—нашихъ паскудныхъ живописцевъ хвалитъ! Я, молъ, прежде самъ приходилъ въ восторгъ отъ Европы, отъ итальянцевъ; а услышалъ Россини и подумалъ: э! э!—увидѣлъ Рафаэля... э! э! И этого э! э! нашимъ молодымъ людямъ совершенно доста-

точно; и они за Скоропихинымъ повторяютъ: э! э! — и довольны, представьте! А въ то же время народъ бѣдствуетъ страшно, подати его разорили въ конецъ, и только та и совершилась реформа, что всѣ мужики картузы надѣли, а бабы бросили кички... А голодъ! а пьянство! а кулаки!»

Грустная картина! Но г. Тургеневъ не любитъ обрывать свои романы на текущей минутѣ; въ туманѣ и хаосѣ настоящаго онъ всегда указываетъ свѣтлый лучъ, свѣтлую искру, зарождающуюся въ грядущемъ. Лаврецкій въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ» привѣтствуетъ дѣтей: «играйте, веселитесь, растите, молодые силы, жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить». Въ «Наканунѣ» Уваръ Ивановичъ, играя перстами, предсказываетъ, что и у насъ будутъ «люди». Даже въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» Павелъ Петровичъ Кирсановъ, прощаясь съ племянниками, надѣется на ихъ счастье, и посылаетъ имъ англійское *farewell!* И вотъ въ послѣднемъ своемъ романѣ г. Тургеневъ возвращается къ этой милой привычкѣ, и устами все того же Паклина прорицаетъ зарю лучшаго будущаго для этой бѣдной, глупой, голодной Россіи. «Вы вотъ о Соломинѣ отозвались сухо—говорить онъ—а знаете ли, что я вамъ доложу? Такіе какъ онъ—они-то вотъ и суть настоящіе. Ихъ сразу не раскусить, а они—настоящіе, повѣрьте; и будущее имъ принадлежитъ. Это—не герои; это даже не тѣ «герои труда», о которыхъ какой то чудакъ, американецъ или англичанинъ, написалъ книгу для назиданія насъ, убогихъ; это крѣпкіе, сѣрые, одноцвѣтные, народные люди. Теперь только такихъ и нужно! Вы посмотрите на Соломина: умень какъ день, и здоровъ какъ рыба... Какъ же не чудо! Вѣдь, у насъ до сихъ поръ на Руси какъ было: коли ты живой человѣкъ, съ чувствомъ, съ сознаниемъ, такъ непременно ты больной! А у Соломина сердце-то, пожалуй, тѣмъ же болѣетъ, чѣмъ и наше, и ненавидитъ онъ то же, что мы ненавидимъ, да нервы у него молчатъ, и все тѣло повинуется, какъ слѣдуетъ... значить: молодецъ! Помилуйте: человѣкъ съ идеаломъ—и себѣ на умѣ. Какого вамъ еще надо? И вы не глядите на то, что у насъ теперь на Руси всякій водится народъ:

и славянофилы, и чиновники, и простые и махровые генералы, и эпикурейцы, и подражатели, и чудаки—не смотрите на все это, почтеннѣйшая, а знайте, что настоящая, исконная наша дорога—тамъ, гдѣ Соломины, сѣрые, простые, хитрые Соломины!»

Итакъ, дорога найдена, да еще настоящая, исконная дорога, и найденъ Ерусланъ Лазаревичъ новѣйшей Руси, витязь *sans peur et sans reproche*, съ идеаломъ и безъ фразы, умный какъ день и здоровый какъ рыба. Онъ уже ѣдетъ по этой настоящей дорогѣ, и зоветъ насъ за собою, и, какъ свѣточъ въ пустынѣ, блеститъ намъ его златоверхій шатерь... виноваты: его артельная сыроварня въ городѣ Перми. Развѣ не правъ Паклинъ, этотъ alter ego Потугина, что онъ спрашиваетъ Машурину: какого вамъ рожна еще надо?

Только вотъ что любопытно: представляется ли г. Тургеневу, что слова Паклина о застоѣ въ русской жизни и о Скоропихинскомъ: э! э! — находятся въ естественной связи съ восклицаніями того Паклина о нашей «будущей силѣ», олицетворенной въ плѣнительномъ образѣ Соломина, который впрочемъ, какъ помнятъ читатели, съ виду смахиваетъ на чухонца? Полагаетъ ли г. Тургеневъ, что какъ скоро Соломины выведутъ насъ на «настоящую, исконную дорогу», такъ сейчасъ процвѣтетъ у насъ древо европейской цивилизаціи, и Скоропихинъ перестанетъ говорить э! э! на Рафаэля и Россини? Намъ, напротивъ, сдается, что тотъ самый Скоропихинъ, который хвалитъ «нашихъ паскудныхъ живописцевъ», будетъ первый въ восторгѣ отъ Соломина и отъ новаго романа г. Тургенева. Такимъ образомъ, есть нѣчто неблагополучное въ морали, изрекаемой Паклинымъ на послѣднихъ страницахъ «Нови»—гораздо болѣе неблагополучное, чѣмъ мораль Потугина. Послѣдній коротко и ясно отрицаетъ русскую жизнь во имя европейской цивилизаціи; это было односторонне, но заключало въ себѣ извѣстную цѣльную мысль. А Паклинъ даетъ два отрицанія современной русской жизни: одно—во имя европейской цивилизаціи, другое—во имя Соломиныхъ. Выходитъ опять нѣчто вродѣ Добролюбов-

скихъ стиховъ, которые—«не поэзія, однако не хуже ея». Вѣроятно, г. Тургеневъ хочетъ сказать и о Соломиныхъ: это не цивилизація, но и не хуже ея.

Нѣтъ, хуже, въ тысячу разъ хуже, неизмѣримо хуже, чѣмъ даже Добролюбовскіе стихи предъ поэзіей..

Но не будемъ торопиться. Представивъ на этихъ страницахъ обстоятельное изложеніе содержанія «Нови», мы можемъ теперь высказаться довольно полно объ этомъ произведеніи, какъ въ отношеніи художественномъ, такъ и въ отношеніи его общественнаго смысла.

Впрочемъ, что касается до художественной стороны романа, то о ней можно сказать весьма немногое. Мы видѣли, что драматическаго развитія въ немъ нѣтъ никакого, хотя есть и политическое преступленіе, и тайное общество, и миѳическій Василій Николаевичъ, и самоубійство, и два побѣга и т. д. Правда, есть и любовь, но это какая-то не человѣческая, по крайней мѣрѣ, не европейская любовь, а что-то совсѣмъ особенное, какой-то странный и жалкій слѣдъ влекущійся за политической идеей. Такъ, вѣроятно, индійскія баядерки жертвуютъ собою у подножія каменнаго бога, безъ участія личнаго чувства, подавленныя темною идеей о необходимости пожертвованія. Въ этой странной любви Неждановъ играетъ роль скептика-жреца, сомнѣвающегося—имѣетъ ли онъ право быть орудіемъ жертвоприношенія, онъ невѣрующій въ того бога, къ подножію котораго склонилась новая баядерка. Но вотъ въ раскрытыя двери пагоды входитъ «чухонецъ», беретъ Маріанну за руки и уводитъ. А она? Она не любитъ Нежданова, не любитъ Соломина; но она готова принадлежать всякому, кто скажетъ ей голосомъ власти: иди!—лишь бы этотъ всякій раздѣлялъ ея ненависть къ тетушкѣ, къ дядюшкѣ, къ камеръ-юнкеру Калломѣйцеву и т. д. Именно, ничего больше не требуется, какъ раздѣлять ея ненависть: она, вѣдь, знаетъ, что Соломинъ вовсе не революціонеръ, что онъ не одобряетъ ни хожденія въ народъ, ни вѣры въ Василя Николаевича, въ революціоннаго корреспондента Кислякова или въ Голоплѣцкаго Еремѣя; ей довольно того, что онъ способенъ вмѣстѣ съ нею ненавидѣть Сипягиныхъ и Калломѣйцевыхъ.

И странное дѣло: весь романъ какъ будто носить отпечатокъ этихъ отрицательныхъ симпатій. Въ немъ незамѣтно положительнаго отношенія къ героямъ: авторъ какъ будто одобряетъ ихъ лишь за то, что они ненавидятъ все тѣхъ же Сипягиныхъ, Калломѣйцева, «Московскія Вѣдомости», и т. д. Весь романъ написанъ какъ будто съ цѣлью дать исходъ авторскому раздраженію—одному только раздраженію... Когда мы читаемъ его, мы ясно видимъ, гдѣ лежатъ антипатіи автора; но куда обращены его симпатіи, и есть ли еще у него эти симпатіи, любитъ ли онъ что-нибудь въ русской жизни—читатель не чувствуетъ...

Но, вѣроятно, г. Тургеневъ искренно убѣжденъ, что настоящее время не требуетъ художественныхъ созданій, и потому старался стать на чисто политическую, общественную тему, старался сказать «новое слово» на счетъ смысла и содержанія нынѣшняго момента русской жизни. Что жъ, сказалъ ли онъ дѣйствительно это новое слово, помогъ ли онъ намъ уразумѣть смыслъ нашей жизни, какъ это удавалось ему дѣлать въ прежнихъ своихъ романахъ? Увы, на такой вопросъ надо отвѣчать отрицательно. «Новъ» никакимъ образомъ не можетъ подвинуть впередъ наше общественное самознаніе. Изъ всѣхъ элементовъ и теченій современной русской жизни авторъ остановился на томъ, которое играетъ въ ней наименьшую роль, которое просачивается гдѣ-то далеко въ сторонѣ отъ главнаго русла. вмѣсто могучей и плодоносной нови, о которой говоритъ эпитафій, читатель видитъ ничтожную поросль, едва цѣпляющуюся за почву хилыми корнями. Правда, авторъ не прикрываетъ ложнымъ блескомъ эту вялую поросль, не маскируетъ ея худосочія и безсилія; но изъ этого безсилія онъ указываетъ такой выходъ, который гораздо хуже самого безсилія. Не страшна и не долговѣчна подземная работа Донъ-Кихотовъ и Гамлетовъ революціи; но если бы Россіи предстояло въ самомъ дѣлѣ попасть въ лапы бездушныхъ, наглыхъ, ограниченныхъ Соломиныхъ, тогда дѣйствительно за нее пришлось бы ужаснуться.

В. Австенко.

* * *

*) Художникъ, чуть ли не 15 лѣтъ почти безвыѣздно проживавшій за границей, смѣло беретъ за «истолкованіе» такого явленія, передъ которымъ въ недоумѣніи останавливаются самые близкіе наблюдатели. Онъ смѣло беретъ за описаніе пропаганды, заговора, типовъ, хотя ни того, ни другого, ни третьяго совершенно не могъ наблюдать изъ своего прекраснаго далека. Ничто его не устрашаетъ. Я знаю, находятся люди, которые даже по поводу этой исторіи рѣшаются говорить о «геніальности», но, право, это ужъ слишкомъ! Допустите какую угодно геніальность, но согласитесь все-таки, что законы природы обязательны для генія, какъ для простаго смертнаго... И что же нужно сказать, если геній совершенно забываетъ объ этихъ законахъ природы, если онъ, напримѣръ, о нравахъ какого-нибудь животнаго начинаетъ судить по чучелѣ зоологическаго музея, о настроеніи воина во время битвы — по трупу убитаго солдата и т. д.? Я полагаю, что каждый художникъ, если онъ даже не понимаетъ этого сознательно, то ужъ однимъ своимъ художественнымъ чутьемъ, однимъ ощущеніемъ правдивости, жизненности явленія, долженъ приходиться къ пониманію, что составныя части каждаго процесса, взятая въ изолированномъ видѣ, имѣютъ совсѣмъ не тотъ характеръ, какой приобрѣтаютъ при своемъ взаимодействіи. Что сказать, если художникъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто онъ перестаетъ это понимать? Я думаю, очевидно, что побудительною причиною у него, стало быть, служить что угодно, но только не художественное чутье. Оно у него, положимъ, есть, но въ данномъ случаѣ не оно имъ руководить. А затѣмъ—какая громадная увѣренность нужна для того, чтобы браться за истолкованіе при такихъ условіяхъ, и потомъ еще думать, что послѣдующее подтвердило ваше мнѣніе? При такомъ убѣжденіи Тургеневъ остался до конца дней, завѣщая его намъ даже въ своихъ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ»!...

К. Григорьевъ.

*) К. Григорьевъ. „Дѣло“ 1884 г., № 1.

* * *

*) По объему и числу дѣйствующихъ лицъ романа, «Новъ» является самымъ большимъ произведеніемъ Тургенева. Всѣ остальные его романы заключаются въ одной части, къ которой иногда присоединенъ небольшой эпилогъ; въ «Нови» художникъ отступаетъ отъ этой экономіи въ изложеніи романа, которая такъ цѣнилась въ нашемъ писателѣ нѣкоторыми иностранными критиками и беллетристами, и въ первый разъ даетъ романъ въ двухъ частяхъ. Какъ бы въ соотвѣтствіе этому, романъ имѣетъ двухъ центральныхъ героевъ, Нежданова и Соломина, очевидно, поставленныхъ въ нѣкоторую противоположность другъ другу для отгѣнка двухъ различныхъ вѣяній времени: одного, если можно такъ выразиться, артистически-политическаго и другого практически-соціалнаго. Къ этимъ двумъ героямъ присоединены нѣсколько другихъ дѣятелей, разныхъ оттѣнковъ, являющихся какъ бы дополнительными лицами для поясненія той жизненной картины, въ которой движутся и борются главные персонажи романа. Сложность этой картины заставила художника по возможности широко раздвинуть ея раму и дать роману объемъ значительно большій объема прежнихъ произведеній... Образы имъ нарисованные, если и не столь точны, выразительны и живы, какъ образы «Отцовъ и Дѣтей» или «Дворянскаго Гнѣзда», то, во всякомъ случаѣ, скомпанованы съ замѣчательно искуснымъ подборомъ наиболѣе характерныхъ признаковъ и съ еще болѣе искуснымъ расположеніемъ свѣта и тѣни. Несмотря на преклонный возрастъ, въ который написанъ этотъ по преимуществу «молодой» романъ, Тургеневу не измѣнили ни его талантъ ни его удивительная беллетристическая техника: они проявляются, быть можетъ, съ меньшей силой и свѣжестью, чѣмъ въ произведеніяхъ, бывшихъ апогеемъ его творчества, но все-таки проявляются довольно полно. И если всѣ усилія тургеневскаго таланта и вся выработка тургеневской техники не въ состояніи были сообщить образамъ «Нови» настоящую плоть и кровь, не

*) В. Буренинъ. „Литературная дѣятельность Тургенева“. Слб. 1884 г.

въ состояніи были довести эти образы до полной жизненной реальности и законченности, не въ состояніи были освѣтить совершенно яснымъ свѣтомъ жизненный моментъ, выражаемый образами, то въ этомъ отчасти слѣдуетъ винить нѣкоторую неопредѣленность, переходность самого момента, нѣкоторую колеблющуюся туманность основного строя дѣйствительности, воспроизведенной въ романѣ. «Молодое поколѣніе», какъ извѣстно, не признало себя въ герояхъ «Нови».

Въ двухъ главныхъ герояхъ «Нови», Неждановѣ и Соломинѣ, олицетворено то противоположеніе таланта и «характера», о которомъ было поднято столько толковъ у нѣмцевъ во время появленія «юной Германіи» и которое было такъ ядовито осмѣяно Гейне въ «Атта-Тролѣ», гдѣ почтенный медвѣдь аттестованъ въ качествѣ «характера», въ качествѣ «медвѣдя съ направлениемъ», въ качествѣ героя, обладающаго «запахомъ». У насъ, въ періодъ стремленія «передовой молодежи» въ народъ, выступило, какъ и въ Германіи, превознесеніе характера надъ талантомъ. Для политическихъ подвиговъ, для служенія прогрессу талантъ считается излишнимъ и вреднымъ, ибо онъ приводилъ къ эстетикѣ, а эстетика, какъ извѣстно, въ дѣлѣ политическаго служенія народу представляетъ не только нѣчто праздное, но даже и нѣчто вредное. Вслѣдствіе подобнаго убѣжденія многіе юноши, чувствовавшіе въ себѣ эстетическія стремленія, носившіе зачатки талантливости, старались подавлять ихъ, старались отдѣлаться отъ безпольной, по господствовавшему убѣжденію, эстетики и, ударившись въ «политику», усердно драпировались въ тогу «характеровъ», которыми они не были, да и не могли быть, хотя бы, на примѣръ, по одной своей нервной развинченности.

Дѣйствіе «Нови» происходитъ въ 1868 году и захватываетъ, такъ сказать, первые шаги того революціоннаго броженія на Руси, котораго тревожные, судорожные порывы въ ихъ крайнемъ развитіи обнаружились гораздо позднѣе. Эти первые шаги выразились въ формѣ пресловутаго стремленія «въ народъ» нѣкоторой части такъ называемой «передовой молодежи», въ формѣ стремленія ни-

зойти фактически, на дѣлѣ, до служенія народной массѣ, стремленія «опроститься», какъ охарактеризовалъ однимъ словомъ Тургеневъ это сложное, болѣзненное, конечно, но въ то же самое время несомнѣнно дѣйствительное явленіе. Люди, увлекавшіеся упомянутымъ стремленіемъ, не всѣ, разумѣется, но въ большинствѣ—увлекались имъ вполне искренно, придавали ему серьезное «прогрессивное» значеніе, и въ гордомъ увлеченіи молодой неопытностью, пожалуй, даже молодымъ невѣжествомъ, полагали, что для народа необходима пропаганда тѣхъ свободныхъ теорій, экономическихъ и политическихъ, какія они извлекали изъ запрещенныхъ и незапрещенныхъ брошюркъ западныхъ мыслителей революціоннаго толка. Они думали свои книжные идеалы связать съ народными идеалами посредствомъ «распропагандированія» темныхъ массъ. Они думали «научить» народъ тому, чему довольно поверхностно научились сами...

Отрицательная сторона того жизненнаго движенія, которое захвачено художникомъ въ «Нови», обрисовано довольно эскизно, какъ бы вскользь. Тѣмъ не менѣе и тутъ встрѣчаются блестящія и остроумныя характеристики комическихъ дѣятелей и комическихъ чертъ російскаго агитаторства. Таковы, на примѣръ, характеристики великолѣпнаго господина Кислякова и купца-кулака Голушкина, въ пьяномъ видѣ жертвующаго «тыщу рублей» на революцію. Голушкинскій обѣдъ съ агитаторами очень выразительная иллюстрація нашихъ пьянственныхъ сборищъ во имя «святого дѣла», сборищъ, на которыхъ льются безсмысленныя рѣчи съ наборомъ словъ: «прогрессъ, правительство, литература, податной вопросъ, церковный вопросъ, женскій вопросъ, судебный вопросъ, классицизмъ, реализмъ, нигилизмъ, коммунизмъ, интернаціональ, клерикаль, либераль, капиталъ, администрація, организація, ассоціація и даже кристаллизація». И какъ хорошъ амфитріонъ этого пьянственнаго сборища Капитонъ Голушкинъ, который, внимая всей этой безсмысленной трескотнѣ либеральныхъ словъ, приходитъ въ восторгъ и преисполняется такимъ торжествующимъ видомъ, какъ будто хочетъ сказать: «Знай,

моль, нашихъ! Разступись—убью!.. Капитонъ Голушеинъ идетъ!» Какъ хорошъ его приказчикъ Вася, который въ заключеніе всей пьяной трескотни, какъ бѣшенный, выкрикиваетъ изумительный вопросъ: «Что за дьяволъ такой—прогимназія?!?» Не правда ли, въ этой маленькой иллюстраціи, набросанной художникомъ, такъ много всѣмъ намъ знакомаго, родного, російскаго безобразія, безобразія наивнаго, пошлаго, невѣжественно-самодурнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнаго, несмотря на то, что онъ претендуетъ на агитаторскую закваску... А господинъ Кисляковъ, этотъ милый отпрыскъ революціонной хлестаковщины, этотъ російскій «Лео» въ глазахъ праздно-болтающихъ петербургскихъ и провинціальныхъ радѣтельныхъ о возвращеніи европейскаго прогресса на бѣдной и скучной почвѣ отечества—какъ сжато и удивительно живо, на одной страничкѣ, сумѣлъ художникъ нарисовать эту характерную фигурку. Что это за прелестный «дѣятель» фразъ и бездѣлья! Онъ неизвѣстно зачѣмъ скачетъ по русской землѣ, по деревнямъ и городамъ, ночуетъ въ коровьихъ хлѣвахъ, при чемъ на этихъ ночлегахъ его «блоха не беретъ»; онъ пишетъ «четырнадцать большихъ писемъ, двадцать восемь малыхъ и восемнадцать записокъ» (изъ которыхъ четыре карандашомъ, одну кровью, одну сажеей, разведенной на водѣ); онъ кропаетъ «соціалистическіе» стишонки, въ которыхъ убѣждаетъ дѣвушекъ «любить не его, а идею»; онъ въ двадцать два года является рѣшившимъ «всѣ вопросы жизни и науки» и не сомнѣвающимся, что онъ перевернетъ всю Россію, «встряхнетъ» ее. Давно ли еще подобные дѣятели фигурировали у насъ въ качествѣ настоящихъ героевъ, выдающихся сыновъ молодого поколѣнія; давно ли, приглашая особъ прекраснаго пола «любить идею», катались, какъ сыръ въ маслѣ, «на счетъ клубнички»; давно ли они ввали, фразерствовали, нахальничали съ легкостью и беззаботностью истинныхъ Хлестаковыхъ революціи и встрѣчали въ разныхъ либеральныхъ «кружкахъ» не только сочувствіе, но даже обожаніе. Но вотъ Тургеневъ написалъ одну страничку объ этомъ своего рода типикѣ російскаго «Лео», и страничка эта разобла-

чила господъ Кисляковыхъ до нитки, уяснила ихъ суть, и теперь они уже не только никого не прельщаютъ, не только не фигурируютъ въ качествѣ выдающихся сыновъ «передовой молодежи», но считаются пошлѣйшими пошляками и хлыщами, т. е. именно тѣмъ, чѣмъ они всегда были, есть и будутъ...

В. Буренинъ.

* * *

*) *Новь* вышла въ 1876 году, но Тургеневъ давно уже собиралъ матеріалы для этого романа. Увы! — для него ему приходилось собирать матеріалы. *Дворянское Гнѣздо*, *Рудинъ*, *Отцы и Дети*, *Наканунъ*, *Дымъ* — были созданы имъ подъ непосредственными впечатлѣніями жизни, въ которой онъ принималъ участіе, которой радости и печали онъ раздѣлялъ, которую онъ переживалъ самъ, не только въ мысли и въ чувствѣ, но и въ дѣйствительности — не такъ было съ *Новью*. Этотъ романъ не вылился у него изъ души, какъ другія его произведенія, не былъ плодомъ «ума холодныхъ наблюдений и сердца горестныхъ замѣтъ» — въ этомъ романѣ дѣйствуетъ одинъ умъ, одна способность наблюдательности, безъ участія сердца, безъ участія другихъ сторонъ духа. Это романъ чисто головной, здѣсь видна работа ума, и только, — работа ума надъ составленіемъ сложной, красивой и изящной мозаики. Такая мозаичность замѣчается и въ другихъ романахъ Тургенева, особенно въ *Дымъ*, но въ *Нови* мы видимъ почти ужъ одну мозаику — и больше ничего. Вотъ почему этотъ романъ, на который Тургеневъ особенно рассчитывалъ, не произвелъ почти никакого впечатлѣнія. Въ противоположность *Дворянскому Гнѣзду*, въ противоположность *Отцамъ и Детямъ*, духомъ мертвымъ, а не живымъ, духомъ глухимъ и нѣмымъ вѣяло отъ него — и въ этомъ причина его неупѣха.

*) Ю. Николаевъ (Говоруха-Отрокъ). „Тургеневъ“. Москва. 1894 г.

Дѣло въ томъ, что въ другихъ своихъ романахъ, изображая явленія миражныя, явленія, свидѣтельствовавшія только о болѣзни историческаго роста, Тургеневъ впадалъ въ ошибку, придавая этимъ явленіямъ положительное значеніе, но *самъ увлекался ими*, увлекался Рудиными и Базаровыми, а потому давалъ живыя и правдивыя изображенія, хотя эти изображенія имѣли не тотъ смыслъ, какой онъ имъ хотѣлъ придать,—но могъ ли онъ увлечься героями *Нови* до Соломина включительно? Они, эти герои, были чужды его душѣ, но даже умомъ своимъ онъ понималъ или все ихъ ничтожество или всю ихъ сухую черствость. Но, видя во всемъ движеніи, которое дало тему для его романа, явленіе прогресса, онъ никакъ не могъ правильно отнестись къ представителямъ этого, еще и еще новаго «прогресса», онъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ найти тутъ положительную сторону, признаки культурнаго роста, и нашелъ ихъ «уму и чувству вопреки»... въ Соломинѣ. Думая, что только и свѣту, что въ европейскомъ окошкѣ, онъ, глядя изъ этого окошка на Россію, только и увидѣлъ въ ней что Соломиныхъ. Ничего иного изъ этого окошка и нельзя было увидѣть, ибо то, что совершалось въ глубинѣ русской жизни, совершалось внѣ свѣта этого окошка. Вѣруя въ европейскую механическую идею безконечнаго прогресса и не понимая идеи органическаго развитія національностей, Тургеневъ, вопреки своимъ сердечнымъ сочувствіямъ, которыя онъ считалъ «отсталыми», ищетъ явленій этого прогресса во всемъ, что имѣетъ видъ новизны. Рудины, Базаровы, казалось ему, потонули въ волнахъ этого прогресса, а на поверхности этихъ волнъ онъ видитъ революціонное движеніе, «хожденіе въ народъ», политическіе процессы (Нечаевское дѣло и нѣсколько мелкихъ, послѣдовавшихъ за нимъ), въ которыхъ появляются люди непонятные для него, и онъ, привыкши все, что всплываетъ на поверхность, считать явленіемъ прогресса, считаетъ и это, для него непонятное, также явленіемъ прогресса. Онъ желаетъ понять это непонятное; собираетъ матеріалы—объ этомъ свидѣтельствуесть его переписка, — присматривается къ этому новому явленію, и, чувствуя

совершенную антипатию къ героямъ еще новаго «прогресса», все же не можетъ отдать себѣ отчета въ этой антипатіи, осмыслить ее. Базарова онъ боялся, и чтобъ объяснить самому себѣ свой страхъ, придалъ ему байроническія черты. Соломинъ ему не страшенъ, а просто антипатиченъ; не видя въ немъ явленія прогресса, онъ все-таки возводитъ его въ героя.

Его отношеніе къ молодежи семидесятыхъ годовъ, къ той части молодежи, изъ среды которой вышли герои *Нови*, ясно изъ его переписки. Онъ собираетъ матеріалы. Еще въ 1874 году одна дама прислала ему цѣлый портфель, наполненный «документами», которые должны были пролить свѣтъ на «новыхъ людей». Вотъ что пишетъ ей Тургеневъ отъ 11 августа 1874 года:

«Цѣль ваша—при передачѣ означенныхъ документовъ—была, сколько я могу судить, познакомить меня съ образомъ мыслей вообще и съ личностями «новыхъ людей», которыхъ я не могъ изучать, живя за границей. Экземпляры, съ которыми я долженъ былъ познакомиться, представлялись вамъ въ весьма выгодномъ, почти идеальномъ свѣтѣ, иначе вы не дали бы мнѣ того портфеля... но, представьте, все, что я въ немъ нашель, за исключеніемъ дневника, поразившаго меня своею честною правдивостью и неподдѣльнымъ энтузіазмомъ (дневникъ принадлежитъ самой дамѣ...)—все можетъ служить матеріаломъ... только съ сатирической, юмористической точки зрѣнія! Эта точка зрѣнія особенно примѣняется къ «(молодому юношѣ)», къ русскому «(«Лео»)» (подразумѣвается романъ Шпильгагена, появившійся въ русскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ *Одинъ въ полѣ не воинъ*), господину ***). Это опьяненіе самообожаніемъ, рядомъ съ поразительною бездарностью (я много читалъ плохихъ стиховъ на своемъ вѣку, но вирши г.**—все превосходятъ!), этотъ догматическій тонъ при такомъ невѣжествѣ,—все это просится въ карикатуру. И, замѣтьте, меня нисколько не смущаетъ рѣзкость мнѣній; меня изумляетъ эта пустота, воображающая, что она «на двадцатомъ году жизни уже рѣшила всѣ вопросы науки и жизни» (textuel). Прошу вашего извиненія, любезнѣйшая

А. П., въ томъ, что такъ жестоко выражаюсь о молодомъ человѣкѣ, въ которомъ вы принимаете такое живое участіе, но я не могу говорить иначе. Мнѣ кажется, что и тутъ ваше доброе сердце васъ обмануло; изъ молодыхъ людей, подобныхъ ***, никогда ничего не выходитъ. Откиньте всѣ его разглагольствованія о собственной особѣ подъ предлогомъ *идеи*, и вы увидите, какой тамъ останется нуль».

Въ другомъ письмѣ къ той же дамѣ, отъ 18 августа 1874 года, читаемъ:

«Что касается до вашихъ новыхъ людей... какой я былъ бы художникъ (не говорю уже: человѣкъ), еслибъ я не понималъ, что самоувѣренность, преувеличеніе, извѣстнаго рода фраза и поза, даже нѣкоторый цинизмъ — составляютъ неизбѣжную принадлежность молодости? Не въ томъ я упрекаю вашихъ знакомыхъ, а *въ скудости мысли, въ отсутствіи познаній, а главное: въ бѣдности, въ нищенской бѣдности дарованія*. Не въ томъ бѣда, что *** подъ двѣнадцатю стихами («Люби не меня, а идею») съ одной стороны выставляетъ число, когда онъ задумалъ, а съ другой — число, когда онъ совершилъ это великое дѣло, а въ томъ, что стихи его вообще никуда не годятся, что они даже грамматически неправильны, и при всей кажущейся вольности — пошлы и холодны. Бѣда въ томъ, что *** не можетъ сдѣлать ни одной иностранной цитаты, не впавъ въ грубую ошибку. Не насмѣшку, какъ вы полагаете, вызываетъ подобная молодежь, а сожалѣніе». «Замѣчу кстати», продолжаетъ Тургеневъ, — что нѣкоторые изъ вашихъ знакомыхъ (особенно г. ***) производятъ впечатлѣніе болѣе выгодное, чѣмъ русскій «Лео», *но печать бездарности лежитъ на всѣхъ безъ исключенія*».

Въ этихъ отрывкахъ все очень характерно — характерна и дама, къ которой адресованы письма, характеренъ и тонкій юморъ, съ которымъ Тургеневъ къ ней относится, приводя въ кавычкахъ безграмотное выраженіе изъ ея письма: «молодой юноша». Предъ нами, въ этихъ отрывкахъ, собственно говоря, какъ бы весь остовъ тогдашняго петербургскаго броженія: съ одной стороны, «молодые юноши», поражающіе своєю бездарностью и самоувѣрен-

нымъ нахальствомъ, съ другой — свѣтскія дамы, видящія въ этихъ «молодыхъ юношахъ» русскихъ «Лео» и поражающія безграмотностью и пустотой своей полурусской болтовни. Вотъ весь тотъ матеріаль, изъ котораго Тургеневу пришлось собирать камушки для мозаики своей *Нови*. И дѣйствительно, въ *Нови* мы видѣли русскаго «Лео», выведеннаго подъ именемъ Кислякова. Тургеневъ относится къ нему съ совершеннымъ пренебреженіемъ и насмѣшкой, онъ послужилъ ему для сатирическаго изображенія; но прочіе герои *Нови*, кромѣ Нежданова, — Остроумовъ, Машурина, Маркеловъ — относятся къ этому Кислякову совершенно серьезно, видятъ въ немъ одного изъ выразителей «движенія». И Тургеневъ какъ бы не замѣчаетъ, что уже однимъ этимъ онъ характеризуетъ этихъ героевъ какъ безнадежныхъ глупцовъ и продолжаетъ относиться къ нимъ съ нѣкоторымъ почтительнымъ недоумѣніемъ.

Представлялась, однако, другая трудность, и столь очевидная, что ее нельзя было не замѣтить, нельзя было обойти. Тургеневъ видѣлъ въ средѣ «новыхъ людей», имъ изображаемыхъ, «скудость мысли, отсутствіе познаній, а главное нищенскую бѣдность дарованія» — все это онъ и изобразилъ въ Маркеловѣ, Машуриной, Остроумовѣ: но, изображая «явленіе прогресса», этимъ ограничиться было нельзя: какое же, въ самомъ дѣлѣ, «явленіе прогресса» при подобныхъ его выразителяхъ? Надо было, не отступая отъ жизненной правды, найти что-нибудь покрупнѣй. Инстинктъ художника подсказалъ ему, что если въ эту среду, въ среду Машуриныхъ, Остроумовыхъ, Маркеловыхъ, можетъ попасть что-нибудь покрупнѣе, то лишь благодаря стеченію какихъ-нибудь особенныхъ, исключительныхъ обстоятельствъ, что даже Маріанна и Неждановъ до того не подходятъ къ этой мелкой средѣ, что являются въ ней какъ бы случайно. И дѣйствительно, и Неждановъ и Маріанна соприкасаются съ этою средой совершенно случайно. Тургеневъ, для объясненія нѣкоторыхъ особенностей характера Нежданова, для объясненія того, какъ онъ попалъ въ среду Маркеловыхъ и Остроумовыхъ, дѣлаетъ его незаконнорожденнымъ. Это обстоятель-

ство положило отпечатокъ на всю его жизнь, направило эту жизнь по тому пути, который привелъ его къ самоубійству. Если бы не это обстоятельство, изъ Нежданова, по складу его натуры, по его какой-то недоконченной даровитости, вышелъ бы не революціонеръ, а просто «лишній человѣкъ», эстетикъ и изящный эпикуреецъ, словомъ, вышелъ бы одинъ изъ прежнихъ обыкновенныхъ героевъ Тургенева. Точно также, чтобы сдѣлать Нежданова человѣкомъ воспитаннымъ, съ нѣкоторыми познаніями, съ образованіемъ, понадобилось преодолѣть новую трудность, понадобилось внести новую случайность. Воспитаніе Нежданова иное, чѣмъ было обыкновенно воспитаніе тогдашнихъ молодыхъ людей, попадавшихъ въ революцію.

«Неждановъ родился, какъ мы уже знаемъ, отъ князя Г.», читаемъ въ романѣ, — «богача, генераль-адъютанта, и отъ гувернантки его дочерей, хорошенькой институтки, умершей въ самый день родовъ. Первоначальное воспитаніе Неждановъ получилъ въ пансіонѣ одного швейцарца, дѣльнаго и стараго педагога, а потомъ поступилъ въ университетъ.»

Вотъ этому-то швейцарцу Неждановъ былъ обязанъ тѣмъ, что выдавался своимъ образованіемъ изъ среды тогдашнихъ молодыхъ людей, захваченныхъ пропагандой. «По милости воспитателя — швейцарца», пишетъ Тургеневъ, — «онъ зналъ довольно много фактовъ, и не боялся труда; онъ даже охотно работалъ, нѣсколько, правда, лихорадочно и непослѣдовательно».

Итакъ, швейцарецъ педагогъ *случайно* далъ Нежданову преимущество, котораго не имѣли его товарищи, шедшіе обыкновеннымъ путемъ черезъ гимназію и университетъ.

Такимъ образомъ, Неждановъ въ массѣ тогдашней революціонной молодежи представляетъ собою совершенную случайность. Его толкаетъ въ революцію неудачно сложившаяся его жизнь. И, ухватившись за революціонную дѣятельность, какъ утопающій хватается за соломинку, онъ съ самаго начала до конца *не вѣритъ* въ революціонныя идеи, не вѣритъ потому, что даже онъ настолько уменъ и развитъ, что не можетъ въ нихъ вѣрить: онъ ему смѣшны.

Въ своей предсмертной запискѣ къ Марианнѣ онъ пишетъ:
«Ба, ба, ба! Какъ же это я въ *предсмертномъ* письмѣ
ничего не сказалъ о нашемъ великомъ дѣлѣ? Значить,
потому, что передъ смертью лгать уже не приходится.
Марианна, прости мнѣ эту приписку... ложь была во мнѣ,
а не въ томъ, чему ты вѣришь».

Ю. Николаевъ (*Говоруха-Отрокъ*).

* * *

*) Новый романъ былъ написанъ необыкновенно быстро, какъ «ничто изъ моихъ большихъ произведеній», замѣчаетъ Тургеневъ, «съ плеча». Но эта быстрота окончательной работы свидѣтельствовала о продолжительномъ раннемъ процессѣ мысли, сосредоточенномъ на идеѣ романа. Это подтверждаетъ и самъ Тургеневъ. Романъ давно сложился въ головѣ автора, — не наступало только подходящаго момента, чтобы положить на бумагу давно надуманныя мысли и опредѣлившіеся образы.

Но никакія приготовления не могли спасти Тургенева отъ мучительнаго безпокойства за свой трудъ. Письма, сопровождающія появленіе *Нови*, переполнены нервнымъ чувствомъ невольной боязни. Правда, авторъ слѣшитъ увѣрить себя и своихъ друзей въ полномъ равнодушіи къ мнѣніямъ критики и впечатлѣніямъ публики, — но на самомъ дѣлѣ равнодушія нѣтъ: иначе Тургеневъ не возвращался бы къ тому же вопросу почти въ каждомъ письмѣ, и не предупреждалъ бы Салтыкова насчетъ скромности своихъ ожиданій.

«Не о лаврахъ я мечтаю», писалъ онъ, «а о томъ, чтобы не слишкомъ сильно треснуться фізіономіей въ грязь. — А впрочемъ, будь что будетъ» (**).

Такъ думаетъ Тургеневъ, еще переписывая и исправляя романъ. Когда рукопись готова и уже отправлена предварительно на судъ неизмѣннаго перваго читателя — критика новыхъ произведеній Ивана Сергѣевича — Анненкова, авторъ пишетъ:

*) И. Ивановъ. „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ“. Спб. 1896 г.

**) *Письма*, 301.

«Что изъ него вышло — неизвѣстно; намѣренія были хорошія — но каково исполненіе? Все это я теперь скоро узнаю» *).

«Мы, конечно, должны ожидать, что Тургеневъ разсчитываетъ на самое худшее. Такова вѣчная психологія нервныхъ мнительныхъ натуръ. И дѣйствительно: немного спустя онъ заявляетъ:

«Никакого нѣтъ сомнѣнія, что если за *Отцовъ и Дѣтей* меня били палками, за *Новь* меня будутъ лупить бревнами — и точно также съ обѣихъ сторонъ... Думаю, что это все съ меня сойдетъ, какъ съ гуся вода» **).

До появленія романа въ печати Тургеневъ, несомнѣнно, слышалъ многочисленные отзывы. Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, какъ эти отзывы отразились на послѣдней редакціи *Нови*. Можемъ указать только на два факта.

Неждановъ, отправляясь въ первый разъ «въ народъ», одѣваетъ мѣщанское платье. Соломину это кажется забавнымъ, молодой дѣятель гнѣвается и быстро обрываетъ сцену:

«Я пойду, — сказалъ онъ, — теперь же; а то это все очень любезно — только слегка на водевиль съ переодѣваніемъ смахиваетъ».

Послѣднія слова, можно думать, вставлены уже послѣ окончанія романа, и вставка вызвана отзывомъ одной дамы, обозвавшей *Новь* «водевилемъ съ переодѣваніемъ». Авторъ, естественно, шелъ навстрѣчу такому же впечатлѣнію другихъ читателей и разсчитывалъ отразить его собственнымъ замѣчаніемъ. Можетъ быть, также объясняются и неоднократныя шутки Татьяны на счетъ «маскарада», устраиваемаго молодыми «опростѣлыми» героями.

Другой фактъ, за достовѣрность котораго трудно поручиться, — весьма прискорбнаго свойства. Есть извѣстіе, что уже послѣ напечатанія *Нови* въ *Вѣстникъ Европы* изъ романа было выпущено нѣсколько сценъ и притомъ чрезвычайно важнаго содержанія. Въ одной сценѣ изображался разговоръ Маркелова съ губернаторомъ послѣ ареста и цѣлая глава, описывающая «хождение въ народъ» Маріанны.

*) *Письма*, 303.

**) *Ть*. 305.

Мы приведемъ буквальные слова лица, слышавшаго рассказъ объ этомъ отъ самого Тургенева.

«Эта Маріанна, какъ женщина, оказалась болѣе способной подойти къ жизни крестьянъ, и возбудила къ себѣ симпатіи и довѣріе мужиковъ. Правда, они сразу догадались, что это барышня, однако толковали съ нею по душѣ, и одинъ старикъ сказалъ ей: «Это все правда, барышня, что ты говоришь о томъ, какъ насъ обижаютъ баре; мы это и сами знаемъ,—да ты научи, какъ намъ избавиться отъ всего этого и т. д...»

Дальше рассказчикъ прибавляетъ, что Тургеневъ самъ предложилъ пожертвовать этой главой и другою сценой, когда представился выборъ между гибелью нѣсколькихъ страницъ его романа или другой журнальной статьи... Мы знаемъ фактъ только изъ одного источника, и, слѣдовательно, не можемъ провѣрить его достовѣрность, но онъ совершенно въ характерѣ Ивана Сергѣевича: стоило ему почувствовать («не ловко»), какъ онъ самъ выразился своему собесѣднику по поводу даннаго случая, и онъ немедленно шелъ на уступки. Но прискорбнѣе всего, что пропущенныя мѣста Тургеневъ не счелъ нужнымъ и даже возможнымъ возстановить ни въ иностранныхъ переводахъ *Нови* ни въ отдѣльныхъ русскихъ изданіяхъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, подобныя сокращенія вредили цѣльности и ясности новаго произведенія, и Тургеневъ самъ указывалъ, что смыслъ *Нови* пострадалъ отъ вышуксовъ. Критика и публика, даже и не подозрѣвавшія факта, получили только новый поводъ недоумѣвать и подчасъ жестоко упрекать автора, а автору приходилось, скрепя сердце, расплачиваться за невольный грѣхъ.

Расплата оказалась необыкновенно тягостной. «Я никогда не подвергался такому единодушному порицанію въ журналахъ», пишетъ Тургеневъ, вскорѣ послѣ напечатанія *Нови*. И въ результатѣ мы, конечно, слышимъ старое обѣщаніе больше не писать. Всѣ отзывы о *Нови* онъ считаетъ для себя «дѣломъ прошлымъ», «такъ какъ», увѣряетъ онъ, «я рѣшилъ болѣе не писать и положить перо,

которое служило мнѣ болѣе 30 лѣтъ,—пора въ отставку, къ ветеранамъ» *).

На этотъ разъ настроеніе, дѣйствительно, было рѣшительное, почти безнадежное. Его отмѣчаютъ даже иностранцы, сѣтуя на соотечественниковъ гениальнаго художника за беспощадность нападокъ **).

Но какъ бы нападки ни были рѣзки, сколько бы огорченій онѣ ни причинили писателю на закатѣ его многотрудной и многострадальной жизни,—романъ, при самомъ хладнокровномъ и снисходительномъ отношеніи, не могъ не вызвать самыхъ страстныхъ сужденій. Мы здѣсь не станемъ разбирать старыхъ приговоровъ: общее настроеніе молодой критики мы уже знаемъ послѣ *Отцовъ и Дѣтей*. Мы подойдемъ къ роману съ исторической и психологической стороны, совершенно миновавъ личные страсти и злобы минуты прошлаго.

Все произведеніе будто заранѣе было рассчитано на необыкновенно жгучій интересъ публики. Авторъ, прощаясь съ своей писательской дѣятельностью, представлялъ читателямъ настоящую личную исповѣдь въ художественной формѣ и открыто высказывалъ свои взгляды на важнѣйшіе наболѣвшіе вопросы современнаго молодого поколѣнія.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ составлялось у Тургенева въ теченіи многихъ лѣтъ. Изъ заграничнаго далека онъ не упускалъ изъ виду ни одного явленія русской жизни и, по исконному своему влеченію, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за нарожденіемъ и развитіемъ новыхъ идейныхъ теченій среди молодежи.

Мы могли по произведеніямъ и нѣкоторымъ чертамъ практической дѣятельности Тургенева видѣть, какое прочное и глубокое сочувствіе лучшіе русскіе люди питали къ народу наканунѣ и послѣ крестьянской реформы. Литература сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ усердно и самоотверженно распространяла въ обществѣ идеи гуманности и человѣческаго достоинства и постепенно воспитала поко-

*) *Письма*, 314.

**) Пичъ. *Июстр. критика*. 179.

лѣніе, которое въ эпоху освобожденія сочло своимъ нравственнымъ долгомъ осуществить эти идеи въ жизни, притти на помощь народу на его новомъ трудномъ пути.

Тургеневъ лично поддался этимъ стремленіямъ, и мы видѣли его неоднократныя попытки—отдать свои силы и свой талантъ на просвѣщеніе народа. Именно въ просвѣщеніи, въ народной грамотности Тургеневъ и видѣлъ величайшую цѣль высшихъ культурныхъ сословій. Крестьяне должны прежде всего цивилизоваться, стать культурнымъ классомъ страны. Эта идея, мы знаемъ, была принята единодушно въ кружкѣ Станкевича, здѣсь каждый будущій дѣятель считалъ высокимъ назначеніемъ учить народъ, попросту сдѣлаться учителемъ даже при самыхъ скромныхъ условіяхъ. Подъ вліяніемъ юношескихъ стремленій Тургеневъ въ послѣдствіи въ первыхъ своихъ романахъ выводитъ учителей и всегда въ идеальномъ свѣтѣ. Перерожденіе Рудина изъ байронствующаго краснбая въ положительнаго человѣка сороковыхъ годовъ увѣнчивается дѣятельностью въ качествѣ преподавателя гимназіи, восторженнаго наставника и друга подросткающаго поколѣнія. Въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ* ту же атмосферу неисправимаго идеализма, равнодушнаго ко всѣмъ превратностямъ жизни, приносятъ на сцену Михалевиць. Онъ оканчиваетъ свою кипучую жизнь, неизмѣнно преисполненную благороднѣйшихъ стремленій, должностью старшаго надзирателя въ казенномъ заведеніи. Ее авторъ называетъ его «настоящимъ дѣломъ». Михалевица и Рудина «обожаютъ» воспитанники. Эта сердечная связь—единственная награда идеалистамъ, потерпѣвшимъ безконечный рядъ крушеній въ житейскомъ морѣ...

Очевидно, въ глазахъ Тургенева подобная награда являлась одной изъ самыхъ почетныхъ. Онъ до конца жизни оставался при этомъ убѣжденіи. Интеллигенція—призванный учитель и руководитель народа на одномъ и томъ-же пути общечеловѣческой культуры.

Но требовалась спокойная вдумчивая мысль и не малое самоотверженіе, чтобы ограничиться такой ролью. Крестьянская реформа вызвала преувеличенныя ожиданія, даже у

крестьянъ. Среди наиболѣе восторженныхъ образованныхъ юношей, идеалистически мечтавшихъ о новыхъ гражданахъ новаго государства, та же реформа должна была произвести настоящій нравственный и умственный переворотъ. Если крестьяне ждали разныхъ баснословныхъ, часто нелѣпныхъ благодѣяній, — молодые политики пускались въ самыя рѣшительныя предсказанія коренныхъ государственныхъ перемѣнъ, выспренность планы всевозможныхъ вольностей и небывалаго всенароднаго движенія. Назначались даже точные сроки, когда этимъ планамъ надлежало осуществиться... Но сроки проходили, и политическіе мыслители оказывались въ положеніи самозванныхъ пророковъ, предсказывающихъ по временамъ свѣтопреставленіе. Русская революція, повидимому, являлась столь же невѣроятнымъ событіемъ, какъ и всемірная катастрофа.

Тургеневу не требовалось никакихъ выжиданій, чтобы заранѣе рѣшить вопросъ отрицательно. Ему неоднократно приходилось опровергать слишкомъ горячихъ реформаторовъ, предлагать даже «какое угодно пари», и дѣйствительность, конечно, оправдывала писателя, превосходно знавшаго народъ.

Естественно, такое холодное отношеніе къ пламеннымъ надеждамъ извѣстной части молодежи могло только усилить непопулярность Тургенева. Къ мечтательнымъ юношамъ присоединились даже нѣкоторые «отцы», и соперничали съ ними въ страшныхъ пророчествахъ и грандіозныхъ расчетахъ на преобразование вѣковаго строя Россіи. Относительно этихъ энтузіастовъ насмѣшки Тургенева часто становились рѣзкими, беспощадными.

И онъ былъ правъ. На несбыточную игру воображенія непроизводительно уходили лучшія силы и отвлекали ихъ отъ прямого разумнаго дѣла. Если молодежь не могла простить Тургеневу уступокъ Базарова презрѣнной эстетикѣ и аристократическимъ предразсудкамъ, еще менѣе она могла позволить писателю насмѣшки надъ героями народной свободы, законодателями будущаго государства. Для Тургенева эти герои были въ лучшемъ случаѣ достойны состраданія подобно слѣпцамъ и младенцамъ, и

онъ, съ обычной искренностью, не скрывалъ своихъ взглядовъ ни въ письмахъ ни личныхъ бесѣдахъ, не побоялся, наконецъ, перенести ихъ въ свой романъ.

Въ теченіи шестидесятихъ годовъ Тургеневу приходилось безпрестанно касаться вопроса о народѣ и о роли образованнаго класса среди народа. Положеніе писателя, ознаменовавшаго свое раннее творчество *Записками Охотника*, было крайне затруднительно. Интересъ къ народу, въ высшей степени напряженный до реформы, у многихъ литераторовъ послѣ 19-го фѣвраля быстро переродился въ безотчетный восторгъ передъ деревенской жизнью, крестьянскими характерами и воззрѣніями. Возникло лихорадочное народничество, настроенное на высокій тонъ независимо отъ уроковъ дѣйствительности, подъ вліяніемъ однихъ волшебныхъ звуковъ—народъ, деревня, община. Крайнія увлеченія всегда одновременно съ чувствами восторга вызываютъ вражду противъ даже мнимыхъ противниковъ, сколько-нибудь не похожихъ на предметъ фанатическаго поклоненія. Русскіе народники такого противника открыли въ цивилизованной Европѣ, въ Западѣ, т.-е. тамъ, гдѣ и старые славянофилы видѣли источники заразы и гнильи.

Народъ освобожденъ, и горячимъ политикамъ представился вопросъ, какимъ политическимъ путемъ пойдутъ эти новые граждане? Отвѣтъ былъ найденъ *у себя, дома*. Россіи не требуется западно-европейскихъ формъ государственной и общественной жизни. На Западѣ торжествуетъ буржуазія въ ущербъ народу, — въ Россіи народная жизнь создала основу будущаго строя, свободнаго отъ буржуазнаго владычества. Эта основа — крестьянская *община, мѣръ*. Она должна примирить всѣ противорѣчія, созданныя культурой Запада, и вообще упрочить идеальныи порядокъ для народной массы.

Очевидно, Тургеневу приходилось вести тѣ же бесѣды, какія онъ когда-то велъ съ Аксаковыми незадолго до романа *Дворянское Гнѣздо*. Взгляды Тургенева на крестьянскую жизнь не измѣнились, онъ также остался прежнихъ убѣжденій и на счетъ Россіи, какъ государства европейскаго.

Противъ Тургенева стояло два противника—такъ назы-

ваемая «молодая Россія», — преобразователи изъ самыхъ юныхъ и горячихъ, и его давнишній другъ, Герценъ— когда-то весьма близкій ему по идеямъ, а теперь попавшій въ славянофильскій толкъ.

Главное оружіе Тургенева направлено именно противъ этого друга, въ высшей степени даровитаго публициста и, слѣдовательно, опаснаго для молодой и всякой другой публики.

Прежде всего Тургеневъ, опираясь на свое совершенное знаніе народной жизни, стремился охладить восторги своего друга предъ мужикомъ и доказать опрометчивость его нападокъ на Западъ съ его буржуазнымъ зломъ.

Герценъ возлагалъ особенныя надежды на идейную и нравственную отзывчивость крестьянъ, — Тургеневъ возражалъ:

«Народъ, предъ которымъ вы преклоняетесь, консерваторъ par excellence и даже носить въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что даже оставить за собою всѣ мѣтко-вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить—посмотри на нашихъ купцовъ» *).

Дальше Тургеневъ указывалъ на грозную дилемму, которую неминуемо предстоить разрѣшить беззавѣтнымъ поклонникамъ народа. Необходимо, или «низвергаться» предъ нимъ, несмотря на многочисленныя темныя стороны его жизни и характера, воспитанныя многовѣковымъ рабствомъ, или «коверкать его» по теоріи выработанной вдали отъ дѣйствительности. Придется чуть не одновременно признавать убѣжденія народа «святыми и высокими» и «клеить ихъ несчастными и безумными».

И примѣръ подобнаго совпаденія Тургеневъ здѣсь же и приводилъ изъ брошюры одного народолюбца.

Ясно, слѣдовательно, народническій энтузіазмъ—непро-

*) Письмо помѣчено: *Баденъ-Баденъ, 8 октября 1862 г.*

ститтельное заблужденіе и притомъ гибельное. Оно воспитываетъ беспочвенную національную гордость, укрѣпляетъ варварское чувство самообольщенія и ведетъ къ безчисленнымъ разочарованіямъ, лишь только энтузіастъ принимается за практическую дѣятельность.

Тургеневъ жестоко упрекаетъ своихъ противниковъ въ совращеніи юнцовъ съ пути здравогомыслія и вдумчиваго отношенія къ фактамъ.

«Наливъ молодыя головы вашей еще не перебродившей соціально-славянофильской брагой, пускаете ихъ хмѣльными и отуманенными въ міръ, гдѣ имъ предстоитъ спотенуться на первомъ шагу. Что вы все это дѣлаете добросовѣстно, честно, горестно, съ горячимъ и искреннимъ самоотверженіемъ—въ этомъ я не сомнѣваюсь, и ты увѣренъ, что я не сомнѣваюсь... но отъ этого не легче»...*)

Рѣчь Тургенева становится особенно энергичной, когда онъ начинаетъ указывать на преднамѣренное пренебреженіе новыхъ реформаторовъ къ самымъ убѣдительнымъ даннымъ «исторіи, фізіологіи, статистики». Эти науки доказываютъ, что русскіе принадлежатъ «по языку и по породѣ къ европейской семьѣ, *genus europaeum*», слѣдовательно, для нихъ не можетъ быть исключительнаго пути культурнаго развитія. Столь же убѣдительныя данныя показываютъ полнѣйшее несходство вкусовъ и идеаловъ крестьянина и его непризаннаго руководителя-славянофила и обожателя всего народнаго. При настоящихъ условіяхъ мужикъ и политикъ-народникъ прямо не поймутъ другъ друга: это два существа двухъ совершенно различныхъ міровъ, и единственное средство объединить ихъ — просвѣщеніе.

Тургеневъ безпрестанно повторяетъ эту мысль. Ему приходится выслушивать весьма рѣзкія укоризны за свою приверженность къ Европѣ. Онъ отвѣчаетъ спокойно и всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ:

«Не изъ эпикуреизма, не отъ усталости и лѣни я удался, какъ говоритъ Гоголь, подь *стнь струй* европейскихъ

*) Письмо помѣчено: *Парижъ, 8 ноября 1862 г.*

принциповъ и учрежденій. Мнѣ было бы 25 лѣтъ—я бы не поступилъ иначе—не столько для собственной пользы, сколько для пользы народа. Роль *образованнаго* класса въ Россіи—быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что ему отвергать и принимать. Это въ сущности скромная роль, хотя въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ»...*)).

Въ этой программѣ слышались ясные отголоски стараго западничества Тургенева и тѣхъ самыхъ рѣчей, какими Лаврецкій поражалъ пылкаго канцелярскаго генія—Паншина. Во имя народа Тургеневъ требовалъ цивилизаціи и уваженія къ народной личности, какъ исторической силѣ. Онъ и теперь могъ искренно заговорить о «признаніи народной правды», о «смиреніи предъ нею»,—не въ смыслѣ слѣпонаго культа, а неизмѣнно гуманнаго, вдумчиваго отношенія къ вѣковой исторіи народнаго быта и народнаго духа. Всякая ломка, производящая на народъ впечатлѣніе насилія и произвола, казалась Тургеневу одинаково тяжкимъ грѣхомъ и предъ европейской культурой и предъ народной правдой. Воспитать въ народѣ сознательную потребность гражданственныхъ благъ, изъ стихійной косной массы превратить его въ мыслящее человѣческое общество и достигнуть этого упорнымъ мирнымъ трудомъ, безграничнымъ терпѣніемъ, незамѣтной, менѣе всего героической работой—таковъ идеаль Тургенева—и въ то время, когда онъ наканунѣ реформы замышлялъ «Общество для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія», и въ самый разгаръ его борьбы съ новымъ революціоннымъ славянофильствомъ и народническимъ идолопоклонствомъ.

Въ основныхъ идеяхъ Тургеневъ рѣзко расходился съ Герценомъ, но нѣкоторые частные вопросы рѣшались ими одинаково. И это особенно важно, потому что здѣсь на первомъ планѣ стоялъ вопросъ все о той же революціи, точнѣе—о революціонной пропагандѣ.

Мы видѣли, Тургеневъ безусловно не вѣрилъ въ подобную пропаганду среди народа, все равно, во имя чего бы

*) Письмо отъ 8 октября 1862 г.

она ни велась и какими бы путями ни дѣйствовала. Его другъ не соглашался съ такимъ безусловнымъ отрицаніемъ, но и ему пришлось горячо опровергать цѣлую партію революціонеровъ. И это опроверженіе представляетъ для насъ особенный интересъ—именно въ виду тургеневской *Нови*.

Многимъ представителямъ «молодой Россіи» казалось необыкновенно простымъ дѣломъ—вызвать переворотъ: стоило только заимствовать пути и цѣли европейскихъ революцій и перенести ихъ на русскую почву. Въ результатѣ появились самые хитросплетенные девизы будущаго движенія, воскресла стародавняя риторика французскихъ гражданъ крайняго направленія, и русскому народу предстояло вести борьбу за «соціальную и демократическую русскую республику».

Въ глазахъ изобрѣтателей этой республики казались отсталыми и консерваторами всѣ, кто не стремился облечься въ тогу трибуна и появиться среди крестьянъ во всеоружіи республиканскаго краснорѣчія. Въ число отсталыхъ попалъ и другъ Тургенева, чувствовавшій естественное недовѣріе и даже презрѣніе къ бесплодной риторикѣ переряженныхъ «римскихъ гражданъ». Ему пришлось тогда повторить почти съ буквальной точностью указанія Тургенева на отвлеченный азартъ юныхъ преобразователей, на ихъ незнаніе русской дѣйствительности и полное непониманіе русскаго народа. Его отзывъ о программѣ «молодой Россіи» еще энергичнѣе, чѣмъ отвѣдъ Тургенева ему самому:

«Ясно, что люди, писавшіе ее, больше жили въ мірѣ товарищей и книгъ, чѣмъ въ мірѣ фактовъ; больше въ алгебрѣ идей съ ея мелкими и всеобщими формулами и выводами, чѣмъ въ мастерской, гдѣ треніе и температура, дурной закаль и раковина—мѣняютъ простоту механическаго закона и тормозятъ его быстрый ходъ. Рѣчь ихъ такую и вышла, въ ней нѣтъ той внутренней сдержанности, которую даетъ или свой опытъ, или строй организованной партіи... Каждое дѣло идетъ не по законамъ отвлеченной логики, а сложнымъ процессомъ эмбриогеніи...

«Говорить чужими образами, звать чужимъ кличемъ—

это непониманіе ни дѣла ни народа, это неуваженіе ни къ нему ни къ народу».

Далѣе авторъ горько смѣется надъ замысловатымъ девизомъ молодыхъ политиковъ, указываетъ, что даже слова этого девиза непонятны русскому народу. Вообще костюмъ европейскаго республиканца на плечахъ русскаго гражданина, проповѣдующаго на русской площади—«сбивается на маскарадное платье», и не только не достигаетъ цѣли, но даже навлекаетъ злѣйшія опасности на переряженныхъ трибуновъ.

Въ доказательство авторъ приводилъ случай изъ дѣйствительной жизни, напоминающій приключеніе тургеневскаго героя—Маркелова—во время его хожденія въ народъ.

«Народъ намъ не вѣритъ», заключаетъ авторъ, «и готовъ побить камнями тѣхъ, которые отдають за него жизнь. Темной ночью, въ которой его воспитали, онъ готовъ, какъ великанъ въ сказкѣ, перебить своихъ дѣтей только потому, что на нихъ чужое платье» *).

Подъ этими разсужденіями могъ подписаться и Тургеневъ, но онъ къ послѣднимъ словамъ Герцена прибавилъ бы: «готовъ перебить своихъ дѣтей даже и одѣтыхъ въ русское платье, но говорящихъ съ нимъ не его языкомъ и призывающихъ его на бессмысленный и преступный, по его мнѣнію, путь». «Маскарадъ», по глубокому убѣжденію Тургенева, можно было устроить не только въ костюмѣ европейскаго революціонера, но и въ крестьянскомъ армякѣ или въ мѣщанской чуйкѣ: для народа и то и другое платье, надѣтое ради революціонной пропаганды, являлось жалкой или дерзкой поддѣлкой подъ его вкусы.

Мало этого. Не только платье и рѣчи, по мнѣнію Тургенева, не могутъ вызвать желательнаго впечатлѣнія въ народной средѣ, даже настоящія дѣла, страданія за народъ, при извѣстныхъ условіяхъ, не возбуждаютъ чувства состраданія у людей изъ народа. Немного позже *Нови* былъ написанъ діалогъ *Чернорабочій и бѣлоручка*. Здѣсь предъ нами роковое взаимное непониманіе различныхъ

*) Статья относится къ июлю 1862 г.

классовъ общества. На одной сторонѣ искреннія и самоотверженныя стремленія послужить благу народа, принести въ жертву этой цѣли лучшія силы, самую жизнь. На другой — непреодолимое недовѣріе и, что еще трагичнѣе, совершенное непониманіе самыхъ чистыхъ намѣреній «бѣлоручки»... Діалогъ оканчивается страшнымъ мотивомъ, заключающимъ въ себѣ безошадную насмѣшку темной силы надъ идеализмомъ непризнаннаго борца за счастье чернорабочаго...

Это «стихотвореніе» въ общихъ чертахъ излагаетъ исторію революціонныхъ предпріятій, какъ ее представлялъ Тургеневъ. Всего двѣ черты изъ діалога, и мы невольнo вспомнимъ разсужденія въ письмахъ Тургенева и драму его послѣдняго романа.

Рабочій чувствуетъ запахъ желѣза отъ рукъ своего собесѣдника. Оказывается, тотъ шесть лѣтъ носилъ кандалы. Рабочему любопытно знать—за что?

Бѣлоручка. А за то, что я о вашемъ добрѣ заботился, хотѣлъ освободить васъ, сѣрыхъ, темныхъ людей, возставалъ противъ притѣснителей вашихъ, бунтовалъ... ну, меня и засадили.

На эту рѣчь слѣдуетъ краткая и сильная отвѣдь: «Засадили? Вольно жъ тебѣ было бунтовать!»

И иного отвѣта быть не можетъ при тѣхъ культурныхъ отношеніяхъ, какія существуютъ между нашимъ героемъ и толпой. Бѣлоручка отъ начала до конца шелъ путемъ, совершенно чуждымъ и невѣдомымъ для чернорабочаго. И его страданія и его смерть остались для народа *внѣшними* явленіями, и только случайность избавила бѣлоручку отъ самаго горькаго разочарованія: чернорабочіе интересуются веревкой, на которой будутъ вѣшать ихъ печальника,—они столь же естественно могли сами приготовить для него орудіе казни...

Гдѣ же исходъ?

Отвѣтъ Тургенева ясенъ. вмѣсто революціи—просвѣщеніе, цивилизація, постепенное нравственное сближеніе народа съ образованными классами. Тогда исчезнетъ двойное недоразумѣніе. Нынѣшніе революціонеры узнаютъ народъ и

откажутся отъ несбыточной и пагубной мечты — на вѣковой исторической почвѣ во мгновение ока — путемъ зажигательныхъ рѣчей и брошюръ — создать новый идеальный строй жизни. Народъ, въ свою очередь, перестанетъ заявленія «бѣлоручекъ»: «Я вашъ, братцы!» — встрѣчать или равнодушнымъ смѣхомъ, или въ дурной часъ даже злобой и презрѣніемъ. Къ такимъ взглядамъ на самые безпокойные вопросы современнаго общества Тургеневъ пришелъ задолго до того дня, когда онъ рѣшилъ, наконецъ, написать *Новь*. Взгляды въ общихъ чертахъ опредѣлились очень давно, но частности и преимущественно художественные образы, поясняющіе идею, сложились постепенно, за все время спора Тургенева съ Герценомъ и съ представителями «молодой Россіи». Такъ слѣдуетъ понимать выраженіе Тургенева, что идея романа у него долго вертѣлась въ головѣ». Осуществленіе идеи откладывалось въ теченіе многихъ лѣтъ, авторъ, очевидно, не чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ и вдохновенія. Эта невольная отсрочка должна была неизбѣжно приподнять тонъ разсказа, лирическимъ, т.-е. субъективнымъ мѣстамъ романа сообщить особенное воодушевленіе, отмѣтить красными чертами лично-дорогія автору идеи. *Нови*, слѣдовательно, предстояло раздѣлить участь *Дыма*, явиться сатирой, элегіей, отчасти защитительнымъ словомъ, и менѣе всего спокойнымъ эпическимъ отраженіемъ дѣйствительности.

Мы знаемъ, въ чемъ могла состоять основная цѣль Тургенева, когда онъ обдумывалъ героевъ и факты своего будущаго произведенія. Письма шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ указываютъ эту цѣль безошибочно: революціонные расчеты молодежи на русскій народъ — ослѣпленіе и безуміе, «хожденіе въ народъ» — трагикомическій фарсъ, стремленіе къ героической преобразовательной роли — преступленіе предъ духомъ и потребностями времени: нужна «мелкая, темная и даже жизненная работа», т.-е. самая будничная и незамѣтная, въ родѣ обученія мужика грамотѣ, основанія больницъ...

Все это — подлинныя рѣчи самого Тургенева, и романъ послужилъ только иллюстраціей къ рѣчамъ.

Въ *Нови* два героя сосредоточиваютъ съ перваго взгляда все наше вниманіе: Неждановъ и Соломинъ. Вотъ они-то и должны будутъ въ лицахъ доказать извѣстный намъ общественно-просвѣтительный символъ Тургенева. Неждановъ долженъ представить банкротство революціи, какъ ее понимали политики «молодой Россіи», Соломинъ — блистательно оправдать «жизненную работу». Для автора, выдержавшаго столько сраженій съ представителями «прогрессивной молодежи» и даже съ нѣкоторыми увлекающимися отцами, важнѣе всего, конечно, было доказать беспочвенность прогресса, какъ его объясняли разные реальные Базаровы. Очевидно, Неждановъ долженъ очутиться въ особыхъ условіяхъ, которыя бы облегчили автору путь и совершенно естественно, въ силу логики событій, подсказали требуемый отвѣтъ на давнишній мучительный вопросъ.

Такъ это и происходитъ.

Нежданову предстоитъ идти въ народъ, тамъ его встрѣтитъ закоренѣлое невѣжество, нужда, равнодушіе къ величайшимъ лишеніямъ и, прежде всего, полное отсутствіе внѣшней культуры.

Послѣднее обстоятельство, конечно, краснорѣчивѣ всякой умственной темноты и нравственного оупѣнія, можетъ показать страшную пропасть между «бѣлоручками» и «чернорабочими», между непризванными реформаторами народной жизни и этой самой жизнью. Потому, именно внѣшнія условія будничнаго существованія и праздничнаго веселья мужика скорѣе всего могутъ оттолкнуть просвѣщеннаго горожанина, вызвать у него прямо физическое отвращеніе.

Представьте всѣ эти соображенія въ лицахъ и сценахъ, и вы сравнительно простыми и легкими средствами достигните крупнаго результата: на большинство читающей публики произведете неотразимое впечатлѣніе, до какой степени безцѣльно и бессмысленно съ современнымъ мужикомъ толковать объ общественномъ переворотѣ.

Именно такое впечатлѣніе и требуется автору, и онъ совершенно послѣдовательно выбираетъ въ герои «хожденія» юношу необыкновенно тонкой художественной орга-

низации, существо почти женственное, до болѣзненности впечатлительное и, въ заключеніе всего, безнадежно заѣдаемое рефлексіей.

И. Ивановъ.

* * *

*) «Новь» принадлежитъ къ числу наименѣе оцѣненныхъ — въ свое время — произведеній Тургенева. Правда, вслѣдъ за появленіемъ ея (1877), рядомъ съ отрицательными отзывами высказывались и хвалебные, даже восторженные, но въ общемъ, можно сказать, сумма недо-разумѣній и нареканій, вызванныхъ «Новью», не уступала таковой же, вызванной «Отцами и Дѣтьми», только тонъ нападковъ на автора на этотъ разъ не былъ такой страстный, какъ тогда.

Всякій читатель, не лишенный художественнаго чутья и достаточно вооруженный личнымъ опытомъ жизни (чрезвычайно важное условіе для пониманія произведеній искусства), не можетъ, читая «Новь», не подчиниться обаянію этого чуднаго произведенія, блестящаго необыкновенной свѣжестью и яркостью красокъ, проникнутаго дивной поэзіею и въ цѣломъ представляющаго собою удивительную художественную композицію, мастерски сотканную изъ положительныхъ и отрицательныхъ (сатирическихъ) элементовъ («Новь» на половину — сатира и очень злая).

О самомъ процессѣ творчества, создавшаго «Новь», мы имѣемъ любопытное свидѣтельство Тургенева въ письмѣ къ Полонскому (отъ 22 января 1877 г. «Письма», № 247): «Ты находишь, что въ «Нови» чувствуется напряженіе, излишняя головная работа и нѣкоторая робость... можетъ быть; замѣчу только одно, что *ни одно изъ моихъ большихъ произведеній не писалось такъ скоро, легко (въ 3 мѣсяца) и съ меньшимъ количествомъ помарокъ*. Вотъ послѣ этого и суди! (Идея у меня долго вертѣлась въ головѣ, я нѣсколько разъ принимался за исполненіе — но, наконецъ,

*) Д. Н. Овсяннико-Куликовский: „Этюды о творествѣ И. С. Тургенева“. Харьковъ. 1896 г.

написалъ всю штуку, какъ говорится, съ плеча). И выходитъ, что ничего нельзя знать напередъ». Первые впечатлѣнія бываютъ иногда обманчивы, и примѣръ Полонскаго показываетъ, какъ могутъ ошибаться въ этомъ отношеніи даже люди, сами одаренные поэтическимъ талантомъ, которымъ, казалось бы, и книги въ руки. При первомъ чтеніи легко возникаютъ иллюзіи, въ зависимости отъ личнаго настроенія читателя. Вѣроятно, г. Полонскій, читая впервые «Новь», находился въ такомъ состояніи духа, которое вызывало ощущеніе нѣкоторой напряженности при умственной работѣ. Усвоеніе же художественнаго произведенія есть несомнѣнно умственная работа: оно, въ извѣстныхъ границахъ, является повтореніемъ творчества автора. И вотъ, если «повторить» это творчество, такъ сказать, на «свѣжую голову», не будучи озабоченъ или занять постороннею мыслію, то, я увѣренъ, «Новь» произведетъ прежде всего впечатлѣніе, вполне согласное съ тѣмъ, что говоритъ Тургеневъ въ приведенномъ отрывкѣ, именно впечатлѣніе *легкости* творчества, увѣреннаго въ самомъ себѣ, отсутствія разсудочной работы, ведущей къ перемаркамъ и передѣлкамъ. «Новь» является художественному чувству читателя въ видѣ вдохновенной импровизаціи, и въ ней незамѣтно и слѣда той «старательности» или «копотливости», которую отмѣтилъ Достоевскій въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» *). Въ «Нови», такъ чувствуется, художникъ далъ волю своему дарованію, дошедшему здѣсь (употребляя выраженіе Тургенева въ письмѣ къ Салтыкову, «Письма», стр. 508) до «рѣзвости», и его скорѣе можно упрекнуть въ томъ, что онъ не подвергъ въ должной мѣрѣ свой вдохновенный трудъ контролю холодной разсудчивости, которая, напр., воздержала бы его отъ такого проявленія художнической «рѣзвости», какъ Омочка и Фимочка — явный анахронизмъ и, по признанію самого Тургенева, «капризъ» художника («Письма», № 247, стр. 310). И въ нѣкоторыхъ другихъ фигурахъ, напримѣръ, въ Паклинѣ, въ особенности же въ отрицательныхъ ти-

*) См. „Письма Тургенева“, № 78, стр. 101.

пахъ (въ Калломѣйцевѣ, Сипягинѣ) сказалась та же игри-
вость творчества, на этотъ разъ, впрочемъ, упрека не
заслуживающая.

Д. Н. Овсяннико-Куликовскій.

* * *

*) Романъ «Новь» затрогиваетъ собою одну изъ любо-
пытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи нашего общественнаго раз-
витія; эта эпоха извѣстна подъ именемъ «шестидесятыхъ
годовъ».

Если вообще вѣрно то мнѣніе, что война даетъ толчокъ
общественной жизни и общественному сознанію, то наши
«шестидесятые годы» какъ разъ слѣдовали за извѣстной
одиннадцатимѣсячной геройской обороной Севастополя,—
и, если не въ наукѣ, то по крайней мѣрѣ въ обществѣ
укрѣпилось мнѣніе, что Крымская компанія возбудила въ
русскомъ обществѣ тотъ подъемъ духа, которымъ характе-
ризуются наши «шестидесятые годы». Въ этомъ мнѣніи,
конечно, есть извѣстная доля правды; но не нужно забы-
вать и другого въ высшей степени важнаго событія—на-
ступленія, какъ разъ наканунѣ этой эпохи, новаго цар-
ствованія: русскій престолъ занялъ Государь, имя котораго
неизгладимыми золотыми буквами начертано на страни-
цахъ нашей исторіи и, что еще важнѣе,—въ сердцахъ и
въ благодарной памяти освобожденнаго имъ народа.

«Шестидесятые годы» не были той неожиданной вол-
ной, которая иной разъ вдругъ набѣгаетъ, своею нежи-
данностью сразу захватываетъ васъ и обыкновенно про-
изводитъ цѣлый переполохъ во всемъ окружающемъ. Обще-
ственное движеніе 60-хъ годовъ подготавливалось постепенно,
и его зародышей слѣдуетъ искать далеко-далеко позади
такъ-называемыхъ нигилистовъ, которые представляютъ
собою дѣйствительно одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ
этой эпохи. Въ художественной лѣтописи разбираемаго нами
писателя мы уже не разъ отмѣчали тѣ моменты, въ ко-

*) К. Чернышевъ. „Лишніе люди и женскіе типы въ романахъ и повѣ-
стяхъ И. С. Тургенева“. С.-Петербургъ. 1896 г.

торыхъ сказывалось поступательное движеніе нашей общественной мысли, — мы не разъ отмѣчали тѣ важнѣйшіе художественные типы, которые знаменовали собой послѣдовательные, правда иной разъ едва замѣтные, шаги нашего общественнаго развитія. И съ каждымъ новымъ изъ этихъ типовъ мы заполучали впечатлѣніе все болѣе и болѣе развивающейся напряженности общественной мысли, которая все замѣтнѣе и все сильнѣе какъ бы выбивается на свободу отъ многолѣтняго ига общественнаго застоя и ищетъ приложенія къ разумной, осмысленной, полезной дѣятельности. Къ 60-мъ годамъ эта напряженность общественной мысли, эта потребность молодыхъ общественныхъ силъ найти себѣ выходъ въ приложеніи къ «настоящему» дѣлу достигаетъ серьезнаго развитія, становится важнымъ явленіемъ общественной жизни, невольно и совершенно естественно находить себѣ отраженіе въ литературѣ.

Мы слишкомъ далеко отвлеклись бы отъ нашей главной задачи, если бы захотѣли разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ эту оригинальную и богатую разнообразными чертами эпоху; мы остановимся лишь на одной, несомнѣнно болѣе важной сторонѣ, съ которой тѣсно связываются важнѣйшіе общественные типы, изображаемые нашимъ писателемъ въ занимающемъ насъ въ данную минуту романѣ — «Новь».

Какъ только стихла памятная Севастопольская канонада, какъ только нѣсколько улеглась тревога, вызванная въ обществѣ естественнымъ напряженіемъ силъ въ виду угрожавшей опасности со стороны «союзниковъ», — такъ все, что только было лучшаго на Руси, живо откликнулось на благодѣтельный призывъ Царя-Освободителя. И дѣйствительно, закипѣла работа среди лучшихъ русскихъ людей, и не только въ столицѣ, но и въ лучшихъ провинціальныхъ центрахъ: готовилась къ проведенію въ жизнь великая освободительная реформа. «Великое слово «свобода», — говоритъ Литвиновъ въ «Дымѣ», — «носилось, какъ духъ Божій надъ водами», — и «возбуждало», — прибавимъ мы отъ себя, — «особенно въ восторженныхъ молодыхъ сердцахъ, преувеличенныя ожиданія по отношенію къ предстоящему свѣтлому будущему, идеалистическія мечтанія о

новыхъ гражданахъ какъ бы совершенно новаго государства. Наконецъ, насталь великій день 19-го февраля 1861 года, и новая величественная волна ворвалась въ доселѣ покойное, тинистое русло русской народной жизни, — и не столько самый освобожденный народъ захватила собою эта волна, сколько ту, особенно молодую часть нашего общества, которая видѣла въ освободительной крестьянской реформѣ начало новой эры въ русской жизни: молодыя сердца загораются особенной любовью къ «новымъ свободнымъ гражданамъ» и чувствуютъ передъ ними долгъ прійти къ нимъ на помощь, помочь имъ сдѣлать первые шаги къ новой, свободной жизни.

Случилось при этомъ то, что бываетъ въ хорошей, дружной семьѣ, когда окончательно выздоравливаетъ и начинаетъ поправляться долго и опасно хворавшій ребенокъ: Митя или Маня дѣлается въ это время божкомъ для всѣхъ окружающихъ; всѣ остальные стараются какъ бы уподобиться ему, стараются поддѣлаться подъ его дѣтскую натуру: и говорятъ дѣтскимъ, полукартавымъ языкомъ, и дѣлаютъ разныя дѣтскія глупости; его буквально осыпаютъ заботами, искренними, горячими, любовными, но очень нерѣдко, такъ сказать, мало осмысленными, — хотя бы, напр., съ точки зрѣнія той же гигиены. И ребенокъ, этотъ идеализированный добрыми, любящими сердцами божокъ, нерѣдко по инстинкту, какъ можетъ, отражаетъ эти горячія, любовныя, но неразумныя заботы и даже, пожалуй, засмѣется надъ вами какъ разъ въ ту минуту, когда вы, именно отъ всей души, продѣлываете передъ нимъ какую-нибудь глупость. Васъ даже это можетъ удивить, пожалуй, — оскорбить, и вы, можетъ быть, отойдете отъ вашего божка съ чувствомъ разочарованія и какъ бы оскорбленія, нанесеннаго вашимъ добрымъ, искреннимъ, любовнымъ порывамъ.

Такимъ «выздоровливающимъ ребенкомъ» въ 60-е года является освобожденный отъ крѣпостнаго ига простой русскій народъ. Онъ становится именно божкомъ въ глазахъ идеалистически отуманенныхъ освободительной реформой людей этой эпохи. Интересъ къ народу, достигшій значи-

Зелинскій. Критика о Тургеневѣ.

тельнаго напряженія ко дню 19-го февраля, — въ первые годы послѣ этого дѣйствительно великаго дня перерождается въ безотчетный восторгъ передъ деревенской жизнью, крестьянскимъ характеромъ и крестьянскими воззрѣніями. «Возникло», — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей этой эпохи, — «лирическое народничество, настроенное на высокій тонъ независимо отъ уроковъ дѣйствительности, подъ вліяніемъ однихъ волшебныхъ звуковъ — народъ, деревня, община». Подъ вліяніемъ этого крайняго увлеченія возникаетъ даже прямо-таки враждебное отношеніе ко всему, — особенно во внѣшней сторонѣ жизни, — что напоминало о цивилизованномъ Западѣ. «Намъ не нужно западныхъ выдумокъ», — какъ бы слышалось среди этихъ увлеченныхъ народничествомъ молодыхъ головъ: «у насъ свое, русское, гораздо лучшее: община, армякъ, гармоника». Несмотря, однако, на это, между этими влюбленными этой отвлеченной любовью къ народу и предметомъ ихъ обожанія — самимъ народомъ лежала цѣлая пропасть.

Кто же были эти народолюбцы? на какой почвѣ они воспитались? съ чѣмъ они шли къ народу? чему и какъ они могли научить его?

Наши мечтатели-народники 60-хъ годовъ были питомцами культуры, науки, идей того самаго Запада, отъ котораго, какъ мы сейчасъ только говорили, они такъ старательно отрецивались въ пользу національнаго армяка и національной гармоники. Они, вѣдь, прямые потомки Рудиныхъ и Лаврецкихъ, младшіе братья Базаровыхъ: несмотря на то, что они, повидимому, занимались въ большинствѣ случаевъ серьезнымъ дѣломъ — изслѣдованіемъ природы (область естествознанія была въ тѣ годы излюбленною и какъ бы единственно заслуживающею вниманія молодыхъ умовъ сферою положительнаго, полезнаго знанія), несмотря на то, что они не только были далеки отъ Рудинскаго барства, но всячески старались искоренить въ себѣ даже послѣдніе слѣды этой постыдной, оскорбительной слабости, тѣмъ не менѣе, та же самая исконная черта русскаго культурнаго челоѵка — беспочвенность близко роднила ихъ съ Рудинымъ; къ нимъ не только безъ вся-

кой ошибки, но и безъ всякой натяжки приложимы такъ знакомы намъ слова: «Горе ихъ въ томъ, что они не знаютъ Россіи, и Россія не знаетъ ихъ». Если и теперъ еще наша народная масса живетъ какъ бы на другомъ берегу отъ насъ, и все еще плохой перевозъ, да притомъ еще черезъ широкую рѣку, соединяетъ съ нимъ насъ, культурныхъ людей, то во сколько же разъ глубже, непроходимѣе была въ 60-хъ годахъ та пропасть, которая отдѣляла прямыхъ наслѣдниковъ нашихъ русскихъ «гегельянцевъ» отъ только что и то еще только формально выведеннаго изъ вѣкового рабства простого русскаго народа. Вѣдь, съ чѣмъ же другимъ могли подойти къ этому едва просыпающемуся народу его восторженные поклонники, какъ не съ тѣми же западными отвлеченными идеями о свободѣ, о прогрессѣ, о служеніи народу, которые они, подобно Штирновскому Гамлету, вычитали изъ книжекъ оригинальныхъ или переводныхъ? Гдѣ же, когда и какъ могли эти любвеобильные и наивные руководители освобожденнаго народа изучить его жизнь, его характеръ, его нужды, когда и по своему общественному положенію, и по характеру образованія, и по своимъ взглядамъ, стремленіямъ и привычкамъ они совершенно расходились съ нимъ, — это, во-первыхъ; а во-вторыхъ, самое рабское положеніе-то народа почти не давало возможности точно опредѣлить дѣйствительныя, настоящія его нужды, не изъ книжекъ очерпаемыя, а вытекающія изъ самой живой народной жизни. И. С. Тургеневъ въ своихъ письмахъ говоритъ по этому поводу: «Вѣдь, существуетъ полнѣйшее несходство вкусовъ и идеаловъ крестьянина и его непризваннаго руководителя и обожателя всего народнаго. При настоящихъ условіяхъ мужикъ и политикъ-народникъ прямо не поймутъ другъ друга: это два существа двухъ совершенно различныхъ міровъ». Но мечтатели-руководители и влюбленные въ своего питомца — простого русскаго мужика восторженные народолюбцы не хотѣли, а вѣрнѣе — и не могли этого знать: переполненные своими туманными идеалами, охваченные тѣмъ представленіемъ о русской народной жизни, которое рисовало имъ ихъ развитое на

отвлеченныхъ социальныхъ идеяхъ воображеніе, они съ ревностью и настойчивостью, достойными лучшей участи, спѣшили къ народу и («въ народъ»),—какъ тогда говорили,—чтобы самоотверженно отдать ему всѣ свои силы, всѣ свои знанія, свою душу, свое сердце, всего себя. Что изъ всего этого выходило, намъ покажетъ «Новь»—И. С. Тургенева, къ которой мы теперь и переходимъ.

Сдѣлаемъ сначала два, такъ сказать, предупредительныхъ замѣчанія.

Первое замѣчаніе заключается въ слѣдующемъ. На цѣломъ рядѣ произведеній И. С. Тургенева мы успѣли достаточно убѣдиться, между прочимъ, въ томъ, что онъ тщательно слѣдилъ за всѣми вновь зарождавшимися теченіями среди русской образованной молодежи и наиболѣе характерныя, по его мнѣнію, струи этого теченія заносилъ въ свою поэтическую лѣтопись. Въ нашемъ поэтѣ все болѣе и болѣе крѣпло, опредѣлялось и, такъ сказать, просилось наружу свое, выработанное путемъ долгихъ, серьезныхъ художественныхъ наблюденій воззрѣніе на истинныя задачи русскаго культурнаго общества по отношенію къ народу; многолѣтняя работа его художественнаго творчества все болѣе и болѣе освѣщалась слѣдующимъ идеаломъ, который онъ страстно желалъ видѣть осуществленнымъ въ самой русской жизни: «Воспитать въ народѣ сознательную потребность гражданственныхъ благъ, изъ стихійной косной массы превратить его въ мыслящее человѣческое общество и достигнуть этого упорнымъ мирнымъ трудомъ, безграничнымъ терпѣніемъ, незамѣтной, менѣе всего героической работой, въ основѣ которой должна быть положена забота распространить просвѣщеніе»—вотъ идеаль Тургенева, — и мы чувствовали присутствіе этого идеала во всѣхъ его общественныхъ романахъ и повѣстяхъ. Русское общество, и въ особенности молодая его часть, раздражаясь отрицательнымъ изображеніемъ культурнаго русскаго человѣка въ каждомъ вновь выходившемъ произведеніи И. С. Тургенева, какъ бы не хотѣла понять этого идеала, а это, конечно, раздражало поэта,—и вотъ онъ, послѣ долгаго терпѣнія, захотѣлъ начистоту

высказаться, пользуясь привычной для него формой общественной повѣсти. Разбираемая нами «Новь» и имѣеть это, такъ сказать, практическое назначеніе. Не художественные образы волновали поэта, когда онъ писалъ эту повѣсть, а скорѣе желаніе ясно, опредѣленно и рѣшительно высказать свой взглядъ на тѣ явленія русской общественной жизни, которыя онъ считалъ наиболѣе характерными для своей эпохи. Не живые художественные образы вели за собою, невольно, какъ бы сами собой приводили къ извѣстному выводу, къ извѣстному взгляду на теченіе общественной жизни, а именно этотъ заранѣе строго сложившійся и вполне созрѣвшій взглядъ подчинялъ себѣ эти художественные образы, которые, такимъ образомъ, оказывались какъ бы съ умысломъ подобранными, — съ единственной заботой о томъ, чтобы они неперемѣнно выражали собою взглядъ автора на интересующія его общественныя явленія.

Другое замѣчаніе необходимо вытекаетъ изъ только что сказаннаго. Разбирая «Новь», вовсе не приходится говорить объ этой повѣсти, какъ о цѣльномъ законченномъ и именно художественномъ произведеніи, — и это чувствовалось съ первыхъ же минутъ появленія «Нови» въ свѣтъ. И. С. Тургеневъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Я никогда не подвергался такому единодушному порицанію въ журналахъ». И это совершенно заслуженно, — прибавимъ мы отъ себя: все произведеніе, и въ особенности главный типъ — Нежданова положительно производитъ впечатлѣніе чего-то искусственно подобранныго или, по крайней мѣрѣ, до того исключительнаго, что не представляется никакой возможности смотрѣть на него, какъ на выраженіе преобладающаго общественнаго типа. Невольно чувствуется, что художникъ не воспроизводилъ безпристрастно жизнь такую, какою она есть, чтобы она сама, независимо отъ автора, говорила сама за себя и дѣйствительно раскрывала бы передъ нами господствующія въ ней теченія и окончательно сложившіеся типы новыхъ людей; — нѣтъ, видимо авторъ съ нетерпѣливой горячностью старается прежде всего высказать свой взглядъ, — и не

только высказать, а главное—убѣдить, и съ этой именно цѣлью преднамѣренно выбираетъ изъ несущейся мимо него жизни только то, что болѣе подходитъ къ его преднамѣренной цѣли, при чемъ и это-то преднамѣренно отобранное онъ къ тому же еще освѣщаетъ именно такъ, какъ ему это необходимо для большей убѣдительности высказываемаго имъ взгляда. Обдумывая, — именно «обдумывая», а не создавая, свою «Новь», И. С. твердо рѣшилъ высказать, наконецъ, точно, опредѣленно и по-возможности убѣдительно слѣдующій взглядъ: «хождение въ народъ» есть не больше, не меньше, какъ трагикомическій фарсъ; стремленіе къ героической преобразовательной роли есть не что иное, какъ преступленіе передъ духомъ и потребностями времени: нужна мелкая, темная и даже жизненная работа, т. е. самая будничная и незамѣтная, въ родѣ обученія мужика грамотѣ, основанія больницъ и т. п. И вотъ къ этой основной мысли, взгляду авторъ подбираетъ иллюстраціи,—и въ повѣсти ихъ главнымъ образомъ двѣ: *Неждановъ*, долженствующій, какъ теперь видимъ, доказать, что хожденіе въ народъ—трагикомическій фарсъ,—и *Соломинъ*, имѣющій своимъ назначеніемъ наглядно разъяснить собою русскому культурному человѣку, въ чемъ заключается его настоящее дѣло, его истинныя обязанности передъ народомъ. А разъ подбираются иллюстраціи, то, конечно, чѣмъ онъ ярче, чѣмъ сильнѣе бьютъ въ глаза тѣми своими сторонами, на которыя, по замыслу ихъ автора, должно быть привлечено главное вниманіе зрителя, тѣмъ лучше. И именно такъ поступаетъ Тургеневъ: въ герои «хождения въ народъ» онъ выбираетъ именно Нежданова, человѣка съ необыкновенно тонкой, художественной организаціей, существо почти женственное, до болѣзненности впечатлительное и въ заключеніе всего безнадежно заѣдаемое рефлексіей. Опрятный до щепетильности, брезгливый до гадливости, онъ силился быть циничнымъ и грубымъ на словахъ; идеалистъ по натурѣ, страстный и цѣломудренный, смѣлый и робкій въ одно и то же время, онъ, какъ позорнаго порока, стыдился и этой робости своей и своего цѣломудрія, и считалъ дол-

гомъ смѣяться надъ идеаломъ. И вотъ на такого-то человека, — вдобавокъ еще поставленнаго въ болѣе или менѣе исключительное по отношенію къ окружающему обществу положеніе незаконнаго сына, насильственно выброшеннаго изъ соотвѣтствующей ему общественной аристократической сферы, — возлагается бремя, именно бремя, тяжелое, неудобноносимое и совершенно несоотвѣтствующее ни силамъ, ни врожденнымъ склонностямъ, ни нравственной и умственной подготовкѣ: авторъ заставляетъ Нежданова быть нигилистомъ, въ не менѣе радикальномъ смыслѣ нежели Базаровъ, — да еще продѣлать трагикомическій фарсъ «хождения въ народъ», и все это съ тою цѣлью, чтобы на себѣ наглядно и блистательно доказать «банкротство молодой Россіи», какъ удачно выражается одинъ изъ нашихъ молодыхъ критиковъ. Здѣсь, какъ видимъ, нѣтъ мѣста творчеству, а поэтому мы и не можемъ говорить о Неждановѣ, какъ о художественномъ типѣ, точно такъ же, какъ и о Соломинѣ.

Но все это нисколько намъ не мѣшаетъ воспользоваться въ повѣсти тѣмъ, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ нашей задачѣ, — фактами, характеризующими собою новое теченіе въ общественной жизни, новое направленіе и, такъ сказать, приложеніе общественной мысли.

Остановимся сначала на самомъ заглавіи повѣсти, вызвавшемъ въ свое время въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже превратное толкованіе. Авторъ озаглавилъ свою повѣсть словомъ «Новь». Въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ, на языкѣ нашихъ обыкновенныхъ сельскихъ хозяевъ, этимъ именемъ называется обыкновенно новая, только-что призываемая къ дѣятельной жизни земля. И совершенно согласно именно съ этимъ смысломъ, И. С. и ставитъ эпиграфомъ къ своей повѣсти слѣдующія слова изъ записокъ какого-то хозяина агронома: «Поднимать слѣдуетъ новь не поверхностно-скользящей сохой, но глубоко забирающимъ плугомъ». Раскрывая эту аллегорію, мы получаемъ слѣдующее: новь, т. е. новая, только-что призванная къ дѣятельной жизни земля, есть не что иное, по смыслу повѣсти, какъ только-что освобожденный, только-что призываемый къ дѣ-

ательной жизни простой русскій народъ; пахари—это тѣ страстно, беззавѣтно, безъ всякихъ необходимыхъ и при томъ покойно-здравыхъ обсужденій отдающіеся дѣлу служенія народу мечтатели-идеалисты, которые, по выраженію автора, разыгрываютъ гибельный и для себя и для обожаемаго ими народа трагикомическій фарсъ; поверхностно скользящая соха—это тотъ легкій, съ точки зрѣнія практической дѣятельности, поверхностный, отвлеченно-идеальный запасъ средствъ, съ которыми пахари-народолюбцы выступаютъ на облюбованную ими новь; наконецъ, глубоко забирающій плугъ—это именно та мелкая, терпѣливая, незамѣтная, негероистическая, но зато жизненная, именно благотворная работа, къ которой такъ презрительно относятся трагикомическіе народолюбцы.

К. Чернышевъ.

* * *

*) Въ «Нови» Тургеневъ вернулся къ темѣ, уже разработанной въ «Дымѣ»—къ сопоставленію двухъ противоположныхъ враждебныхъ общественныхъ слоевъ. Здѣсь только они встрѣчаются уже не въ заграничномъ курортѣ, а непосредственно соприкасаются на родной почвѣ. Съ одной стороны чиновная и помѣщичья Россія, олицетворенная въ Сипягинѣ и Калломѣйцевѣ, съ другой разнообразныя центробѣжные элементы, набирающіеся изъ рядовъ общественныхъ классовъ. «Новь» посвящена изображенію эпохи активной пропаганды и хожденія въ народъ, послѣдовавшей за временемъ громкихъ фразъ и рѣзкой непримиримости на словахъ. Строго говоря, и здѣсь прямая борьба между враждующими сторонами происходитъ больше на словахъ, и вся активная дѣятельность бунтарей сводится къ жалкой попыткѣ поднять мужиковъ какой-то саратовской деревни и не менѣе жалкой комедіи съ переодѣваніемъ, разыгранной пропагандистомъ Неждановымъ, когда онъ задумалъ «опроститься», то есть жить и одѣваться по мужицкому. Развязка, правда, не столь безобидна, какъ въ прежнихъ

*) К. Головинъ. „Русскій романъ и русское общество“. Спб. 1897 г.

тургеневскихъ романахъ, но такъ она обуславливается явлениемъ *deus ex machina* въ образѣ полиціи, то усмотрѣть въ этомъ исходъ борьбы между противоположными классами или партіями довольно трудно. Нельзя не замѣтить, что Тургеневъ свою тему разработалъ очень мелко, далеко не захвативъ общественнаго движенія 70-хъ годовъ во всей его глубинѣ, ни съ соціальной ни даже просто съ психологической точки зрѣнія. Правда, въ своемъ эпиграфѣ онъ самъ говоритъ, что новъ можно поднимать не мелкою сохою, а лишь глубоко захватывающимъ плугомъ. Но вопросъ не исчерпывается, вѣдь, такъ сказать, технической стороною дѣла, то-есть пригодностью даннаго агитатора къ своей революціонной роли. Движеніе 70-хъ годовъ, какъ бы на него ни смотрѣли, было въ русской жизни очень крупнымъ явленіемъ, и если Тургеневъ поставилъ себѣ задачей раскрыть въ художественныхъ образахъ суть этого движенія, онъ цѣли своей не достигъ. Ни сторонники хожденія въ народъ ни въ особенности ихъ преемники террористы не такъ пусты, дряблы и ничтожны, какъ студентъ Неждановъ, полупомѣшанный дворянинъ Маркеловъ и приставшій къ нимъ купчикъ Голушкинъ.

И дѣло, затѣянное нашими бунтарями, было посерьезнѣе какой-нибудь одинокой вспышки въ черноземномъ селѣ. Неждановъ — очень знакомая намъ фигура. Это все прежній идеалистъ, прикрывающій отъ собственныхъ глазъ слабонервный энтузіазмъ подъ шумихою матеріалистическихъ фразъ. Это вѣчный герой шестидесятниковъ-пессимистовъ, только облагороженный подъ перомъ Тургенева, и облагороженный, кстати сказать, не только въ отношеніи манеръ, но и по самому рожденію. Неждановъ — незаконный сынъ какого-то высокопоставленнаго лица. И здѣсь Тургеневъ, сознательно или нѣтъ, пошелъ по довольно-таки избитымъ слѣдамъ Шпильгагена и романистовъ молодой Германіи, такъ любившихъ выставлять въ роли коноводовъ революціи незаконныхъ отпрысковъ знати. По натурѣ своей онъ — запоздалый романтикъ, по характеру — совершенное ничтожество. Все поведеніе его въ помѣстьи Сипягина, гдѣ онъ безъ причины волнуется, чувствуетъ себя

оскорбленнымъ безъ повода, откуда онъ безъ всякой надобности совершаетъ тайное бѣгство, — все его поведеніе — верхъ безсмыслія. А когда, поселившись на фабрику вмѣстѣ съ Маріанной, онъ хочетъ себя передѣлать въ мужика, потомъ устраиваетъ неудачную попытку возстанія, окончившуюся тѣмъ, что мужики его подпоили въ трактирѣ, — онъ жалокъ и смѣшонъ до послѣдней степени.

И не искупаетъ всего этого и послѣдняя совершенная имъ нелѣпость — безпричинное самоубійство. Неждановъ отъ своей трагической смерти не выигрываетъ нисколько, но зато другія два главныхъ лица — Маріанна и Соломинъ получаютъ вслѣдствіе этого въ высшей степени антипатичный отбѣнокъ черствости.

Маріанна — самая неудачная изъ всѣхъ женскихъ фигуръ Тургенева, и всѣ его старанія возбудить къ ней интересъ не приводятъ ни къ чему. Она озлобленная, желчная и вдобавокъ сухая натура, почему-то мстящая всѣмъ за то, что ея отца — администратора-взяточника — постигла заслуженная кара. Маріанна не только поставлена въ фальшивое положеніе у своей тетки Валентины Михайловны, фальшь есть въ ней самой, въ основномъ тонѣ, если можно такъ выразиться, ея природы, фальшь, отзывающаяся на всемъ, что говоритъ она и думаетъ. И хотя она и пристаётъ съ энтузіазмомъ къ революціонному кружку, чувствуешь какъ-то, что и къ этому дѣлу у нея не лежитъ сердце, именно потому, что сердца-то у нея никакого нѣтъ. А когда, послѣ смерти Нежданова, она хладнокровно переноситъ свою любовь на Соломина и уѣзжаетъ съ нимъ на уральскій заводъ, читателю невольно сдается, что тамъ они благоразумно отложатъ попеченіе о бредняхъ, и заведутъ себѣ вдвоемъ прочную домовитость.

Соломинъ былъ третьею попыткою Тургенева создать положительный типъ въ духѣ новыхъ требованій, и эта фигура вышла у него чѣмъ-то въ родѣ рѣшенія отвлеченной задачи: какъ найти равнодѣйствующую между справедливымъ негодованіемъ, вызываемымъ современными порядками, и очевидной невозможностью эти порядки разомъ замѣнить другими. Уже много лѣтъ сряду Тургеневъ пере-

сталъ непосредственно наблюдать за русской жизнью. Его нелюбовь къ ея складу сдѣлалась чѣмъ-то столь же теоретичнымъ, какъ и его представление о людяхъ, силившихся этотъ складъ ниспровергнуть. При такой постановкѣ задачи, немудрено, что и рѣшеніе ея вышло отвлеченнымъ, что плоти и крови не чувствуется подъ блѣднымъ обликомъ Соломина,—этого представителя умѣренности и аккуратности въ революціонномъ дѣлѣ. Если въ этой китайской тѣни есть живая струна, то она какъ разъ сводится къ умѣренности и аккуратности, то есть къ чему-то очень похожему на кулачество. И если въ Соломинѣ надо видѣть настоящій плугъ русской нови, то оборони ее Господь отъ такихъ плуговъ.

Не менѣе фальшивыми вышли и представители другого лагеря,—либеральный сановникъ Сипягинъ и представитель самой рѣшительной помѣщичьей реакціи—Калломѣйцевъ. Тургеневу захотѣлось одновременно показать несостоятельность официальнаго либерализма и уродливость помѣщичьей реакціи, и онъ вывелъ передъ нами лицемѣрнаго фанфарона, съ одной стороны, въ лицѣ Сипягина и комичнаго по своему дѣланному задору Калломѣйцева—съ другой. Въ результатѣ, вмѣсто живыхъ лицъ, оказались двѣ карикатуры, еще гораздо болѣе выдуманная, чѣмъ генералы въ «Дымѣ». Нельзя объяснить себѣ, какимъ образомъ такой всегда тонкій наблюдатель, какъ Тургеневъ, могъ надѣлать обоихъ представителей охранительныхъ началъ столькими нелѣпыми чертами, ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣющими. Бываютъ, конечно, и сановники, выставляющіе на показъ небывалый либерализмъ, и помѣщики, хвастающіеся дикостью своихъ взглядовъ. Но и то и другое никогда не встрѣчается какъ разъ въ томъ сочетаніи мнимо бытовыхъ свойствъ, какими Тургеневу было угодно надѣлать эти двѣ фигуры. Трудно допустить въ самомъ дѣлѣ, чтобы высокопоставленное административное лицо испугалось мальчишескаго поступка Нежданова и въ своей растерянности подняло бы на ноги всѣ губернскія власти. Незачѣмъ въ особенности было заставлятъ его выдѣлывать цѣлый рядъ совершенно не-

нужныхъ глупостей. Настоящій сановникъ не отправился бы на квартиру Нежданова, не сталъ бы лебезить передъ нимъ, упрасывая поступить въ учителя къ своему восьмилѣтнему сыну. Не сталъ бы онъ также унижаться передъ Соламинымъ, и въ день рожденія сына отправляться въ сельскую церковь въ камергерскомъ мундирѣ, а потомъ за обѣдомъ произносить витіеватый спичъ, заканчивающійся латинскимъ словомъ «laboremus». Калломѣйцевъ, въ свою очередь, вовсе не принадлежитъ къ той средѣ захолустныхъ помѣщиковъ, отъ которыхъ можно, пожалуй, услышать тѣ дикія рѣчи, которыя произноситъ онъ за обѣдомъ у Сипягина. Самъ Тургеневъ представляетъ его какъ человѣка образованнаго и свѣтскаго. Когда, на примѣръ, Калломѣйцевъ съ негодоваемъ рассказываетъ, въ видахъ обличенія земства, что проэкзаменованные имъ школьники не сумѣли отвѣтить на вопросъ, что есть «шиѳикъ» и что есть «строфокамилъ», — эта выходка не вызываетъ даже смѣха, такъ какъ ни одному реакціонеру и въ голову не придетъ задавать дѣтямъ столь нелѣпыя вопросы. И съ какой стати приведенъ въ романѣ рассказъ Калломѣйцева о его знакомствѣ съ королемъ Миланомъ Обреновичемъ и заставилъ его авторъ перебѣжать черезъ дорогу, чтобы подойти подъ благословеніе случайно проходившаго сельскаго священника? Казалось бы, такой умный человѣкъ, какъ Тургеневъ, могъ подыскать болѣе типичныя черты, чтобы охарактеризовать крайнюю правую русскаго дворянства и несовсѣмъ искреннихъ въ своемъ либерализмѣ сановниковъ. Все, что онъ поставилъ имъ въ вину, въ томъ числѣ и плебейское происхожденіе Калломѣйцева — Тургеневъ вздумалъ почему-то произвести его по прямой линіи отъ коломенскаго огородника — свидѣтельствуешь объ одномъ лишь, — о крайнемъ раздраженіи художника противъ нашихъ доморощенныхъ консерваторовъ, а при раздраженіи удары рѣдко бываютъ мѣткими.

Можно было бы предположить такимъ образомъ, что въ «Нови» Тургеневъ рѣшительно перешелъ на сторону прогрессивнаго лагеря, до бунтарей включительно. Но и такое заключеніе было бы опрометчивымъ. И въ своихъ

симпатіяхъ къ радикаламъ Тургеневъ и здѣсь не перестаетъ быть лицемѣрнымъ. Не говоря уже о полномъ ничтожествѣ его героя, Нежданова, о сумасбродствѣ Маркелова, — и всѣ второстепенные представители «безымянной Роси», революціонный хоръ, окружающій Нежданова, обрисованы съ такою же хоть и не столь явной враждебностью, какъ кружокъ Губарева въ «Дымѣ». Это сатира подъ сурдинку, положимъ, но все-таки сатира. И такимъ образомъ еще въ большей степени, чѣмъ въ «Дымѣ», между двумя крайностями русскаго общества Тургеневъ ничего не видитъ, на чемъ можно было бы остановиться съ сочувствіемъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, былъ Литвиновъ, блѣдный, положимъ, но, все-таки, разумный Литвиновъ. Здѣсь и этого нѣтъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, признать за надежду Россіи сочиненнаго авторомъ русскаго оппортуниста Соломина.

К. Головинъ.

Критика дѣйствующихъ лицъ „Нови“ каждого въ отдѣльности.

Неждановъ.

*) Нѣкоторые проницательные рецензенты усмотрѣли въ Неждановѣ тоже одного изъ представителей «Нови», героя романа. Утвердившись на этой точкѣ зрѣнія, имъ нетрудно было показать, что въ этомъ героѣ нѣтъ рѣшительно ничего героическаго ни съ положительной ни съ отрицательной стороны, что это не болѣе, какъ одинъ изъ тѣхъ Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда, которые, подъ тою или другою фирмою, неизмѣнно воспроизводились Тургеневымъ въ большей части его прежнихъ произведеній, и что по-этому видѣть въ немъ представителя современнаго молодого поколѣнія можетъ только человѣкъ, живущій старческими воспоминаніями и созерцающій любезное отечество изъ «прекраснаго далека».

Все это было бы совершенно справедливо, если бы

*) П. Никитинъ (П. Ткачовъ). „Дѣло“ 1877 г., № 2.

только дѣйствительно можно было доказать, что точка зрѣнія рецензентовъ на Нежданова есть въ то же время и точка зрѣнія Тургенева. Но изъ романа этого никакъ нельзя вывести. Напротивъ, устами «резонера» Паклина, авторъ самымъ категорическимъ образомъ заявляетъ, что единственнымъ представителемъ «Нови», настоящей нови, онъ считаетъ Соломина. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, понадобился ему Неждановъ?

Достаточно самаго бѣглаго пересмотра романа, чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ. Неждановъ, какъ воплощеніе «души неуравновѣшенной», былъ ему необходимъ для вѣщаго уясненія и болѣе рельефнаго оттѣненія всѣхъ достоинствъ и добродѣтелей «уравновѣшенной души» Соломина. И дѣйствительно, безъ сопоставленія этихъ двухъ личностей невозможно сдѣлать вѣрной оцѣнки героя романа. Авторъ, повидимому, глубоко убѣжденъ, что изъ этого сопоставленія всякій читатель выведетъ именно то заключеніе, которое вывелъ Паклинъ, и отдастъ безусловное предпочтеніе «сѣрому, простому, хитрому Соломину» передъ бѣлымъ, совсѣмъ не хитрымъ и не простымъ Неждановымъ...

Тургеневъ сдѣлалъ Нежданова незаконнымъ сыномъ, рожденнымъ отъ преступной связи нѣкоего князя Г., «богача, генераль-адъютанта», и гувернантки княжескихъ дочерей, «хорошенькой институтки», умершей въ самый день родовъ. Этою-то «незаконностью» рожденія своего героя авторъ и старается объяснить всѣ странности и противорѣчія его характера. «Фальшивое положеніе, въ которое онъ (т. е. Неждановъ) былъ поставленъ съ самаго дѣтства, говоритъ авторъ, — развило въ немъ обидчивость и раздражительность, но прирожденное великодушіе не давало ему сдѣлаться подозрительнымъ и недовѣрчивымъ. Тѣмъ же самымъ фальшивымъ положеніемъ Нежданова объяснялись и противорѣчія, которыя сталкивались въ его существѣ. Опрятный до щепетильности, брезгливый до гадливости, онъ силился быть циничнымъ и грубымъ на словахъ; идеалистъ по натурѣ, страстный и цѣломудренный, смѣлый и робкій въ одно и то же

время, онъ, какъ позорнаго порока, стыдился и этой робости своей и своего цѣломудрія, и считалъ долгомъ смѣяться надъ идеалами. (Надъ какими идеалами? Ужь, конечно, не надъ тѣми, которые онъ самъ исповѣдывалъ и во имя которыхъ дѣйствовалъ. Да и возможно ли представить себѣ мыслящаго человѣка, какимъ авторъ представляетъ Нежданова, который бы смѣялся надъ идеалами вообще! Вѣдь, это было бы чистымъ абсурдомъ! И Тургеневъ, очевидно, упомянулъ здѣсь объ идеалахъ просто ради красиваго слова, въ интересахъ риторическаго округленія фразы). Сердце онъ имѣлъ нѣжное, и чуждался людей, легко озлоблялся и никогда не помнилъ зла. Онъ негодовалъ на своего отца за то, что тотъ пустилъ его «по эстетикѣ» (т.-е. по историко-философскому факультету; гораздо правильнѣе было бы сказать: «по классической части»); онъ явно, на виду у всѣхъ, занимался одними политическими и социальными вопросами, и втайнѣ наслаждался художествомъ, поэзіей, красотой во всѣхъ ея проявленіяхъ, даже самъ писалъ стихи. Онъ тщательно пряталъ тетрадку, въ которую онъ заносилъ ихъ, и изъ петербургскихъ друзей только Паклинъ, и то по свойственному ему чутью, подозрѣвалъ ея существованіе. Ничто такъ не обижало, не оскорбляло Нежданова, какъ малѣйшій намекъ на его стихотворство, на эту его, какъ онъ полагалъ, непростительную слабость. По милости воспитателя — швейцарца, онъ зналъ довольно много фактовъ и не боялся труда; онъ даже охотно работалъ — нѣсколько, правда, лихорадочно и непослѣдовательно. Товарищи его любили, ихъ привлекала его внутренняя правдивость, доброта и чистота; не легко ему жилось. Онъ самъ глубоко это чувствовалъ, и сознавалъ себя одинокимъ, несмотря на привязанность друзей».

И все это происходило будто бы отъ того, что онъ былъ незаконнымъ сыномъ! И нашлись же, вѣдь, наивные рецензенты, которые повѣрили автору на слово, и тоже объясняютъ характеръ Нежданова незаконнорожденностью! Да если бы это дѣйствительно было такъ, какой же бы тогда интересъ могъ представлять для насъ господинъ

Неждановъ, и какой бы смыслъ могло имѣть его сопоставленіе съ Соломинымъ? Ну, что же, Соломинъ — душа уравновѣшенная, Неждановъ — неуравновѣшенная, потому что первый родился въ бракѣ, второй — внѣ брака!

Не смѣшное ли это объясненіе? а между тѣмъ, согласитесь, съ точки зрѣнія этихъ рецензентовъ, оно было бы вполне логично. Разумѣется, въ этомъ виноватъ прежде всего самъ Тургеневъ. Вѣрно понявъ и мастерски очертивъ характеръ Нежданова, онъ не сумѣлъ объяснить, — впрочемъ, пожалуй, это было и не его дѣло, — его происхожденія. Причину совершенно случайную и совсѣмъ неважную онъ принялъ за главную, за самую существенную. Очевидно, онъ повторилъ здѣсь ту же ошибку, въ которую раньше его впалъ Достоевскій въ послѣднемъ своемъ романѣ «Подростокъ». Достоевскій точно такимъ же образомъ объясняетъ странности и противорѣчія своего «подростка» помѣсью благородной дворянской крови съ неблагородной кровью плебеевъ! Какъ будто ужъ и въ самомъ дѣлѣ между дворянской и плебейской кровью существуетъ такое рѣзкое различіе! И какъ будто гувернантка въ княжескомъ домѣ, «хорошенькая институтка», такъ сильно отличалась по своимъ внутреннимъ качествамъ отъ своего сіятельнаго патрона, что отъ ея союза съ нимъ непременно долженъ былъ произойти горькій плодъ, преисполненный всяческихъ противорѣчій. Нѣтъ, незаконность неждановскаго рожденія — это чистая случайность, — случайность, рѣшительно ничего не объясняющая.

II. Никитинъ (II. Ткачевъ).

* * *

*) Болѣе другихъ выдержаннымъ лицомъ въ романѣ показался намъ самъ Неждановъ, хотя, собственно говоря, это довольно фальшивое лицо — фальшивое въ томъ смыслѣ, что онъ очень несовремененъ, что его внутренній разладъ исходитъ отъ причинъ едва ли продолжающихся дѣйствовать среди нынѣшняго поколѣнія революціонеровъ.

*) Статья А. (В. Г. Авсеенко). „Русскій Вѣстникъ“ 1877 г., № 2.

Въ самомъ дѣлѣ, очень странно, что Неждановъ постоянно называетъ себя эстетикомъ, и что опыты хожденія въ народъ мучительны для него потому, что оскорбляютъ эстетическіе элементы его натуры. «И вотъ, я иду въ этотъ народъ... пишетъ онъ къ Силину.—О, какъ я проклиная тогда эту нервность, чуткость, впечатлительность, брезгливость, все это наслѣдіе моего аристократическаго отца! Какое право имѣлъ онъ втолкнуть меня въ жизнь, снабдивъ меня органами, которые несвойственны средѣ, въ которой я долженъ вращаться? Создалъ птицу да и пихнулъ ее въ воду? Эстетика—да въ грязь? демократа, народолюбца, въ которомъ одинъ запахъ этой поганой водки — зеленая вина — возбуждаетъ тошноту, чуть не рвоту?» Такая натура, если угодно, не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго, но она очень индивидуальна, а мы думаемъ, что слишкомъ индивидуальныя, исключительныя, случайныя личности менѣе годятся въ герои романа, чѣмъ характеры родовые, типовые, обобщающіе въ себѣ индивидуальности извѣстнаго поколѣнія. Притомъ, слишкомъ явно бросается въ глаза родство Нежданова съ прежними героями г. Тургенева — съ Рудинымъ, съ Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда, съ Чулкатуринымъ. Это все то же раздвоенное, лишнее, «вывихнутое» существо, какое мы знаемъ изъ литературы сороковыхъ годовъ и въ особенности отъ самого г. Тургенева—существо, обреченное томиться и страдать отъ противорѣчія грубой русской дѣйствительности съ идеалами, воспринятыми изъ европейской цивилизаціи. Безъ сомнѣнія, люди, болѣющіе внутреннимъ разладомъ есть и въ современномъ поколѣніи; но, во-первыхъ, идеалы ихъ значительно иные, а во-вторыхъ, дѣйствительность ненавистна имъ, конечно, не потому, что она слабо насыщена эстетическими элементами. Поэтому намъ кажется, что выраженіе «романтикъ реализма», какимъ Паклинъ опредѣляетъ Нежданова, въ сущности есть только фраза. Но какъ характеръ случайный, исключительный, Неждановъ до конца выдержанъ въ очень вѣрномъ тонѣ, хотя этотъ тонъ и отзывается стариной. Очень вѣрно и то, что въ своихъ стихахъ онъ колеблется, кому подражать — Пушкину или

Добролюбову; и то, что его смущаетъ «этотъ ужасный, преданный, не противящійся взглядъ» Маріанны, въ которомъ онъ читаетъ: «возьми-моль меня, но помни!»; и то, что, задумавъ покончить съ собою, онъ доставляетъ себѣ болѣзненное удовольствіе поручить любимую дѣвушку тому самому Соломину, къ которому онъ ревнуетъ (эти черты, какъ вѣроятно припоминаютъ читатели, прямо повторены изъ прежнихъ, самыхъ раннихъ повѣстей г. Тургенева); и наконецъ, то, что, не вѣря ни въ революцію, ни въ народъ, ни въ свои личныя силы, онъ въ послѣдній разъ, словно въ горячечномъ бреду, кидается въ пропаганду, созная всю бессмысленность своихъ поступковъ, но не умѣя противостоятъ неодолимой потребности—какъ-нибудь, однимъ разомъ, поскорѣе сжечь свою ненужную жизнь. Онъ сомнѣвается въ чистотѣ того огня, на которомъ собирается совершить это самосжиганіе, но онъ дошелъ уже до такого состоянія, что ему все равно—лишь бы огонь жегъ сильнѣе и скорѣе.

Впрочемъ, такъ какъ авторъ стоитъ къ Нежданову въ отношеніи скорѣе отрицательномъ, чѣмъ положительномъ, онъ, очевидно, хочетъ показать, что такіе люди не годятся для жизни и въ особенности для дѣла революціи,—то значеніе этого лица для «идеи» романа не особенно важно.

В. Австенко.

* * *

*) Неждановъ, въ котораго увѣровала Маріанна и еще раньше, а, можетъ быть, и крѣпче еще увѣровала болѣе простая, пожалуй, даже ограниченная, но за то никогда не барствовавшая Машурина,—этотъ Неждановъ—одинъ изъ тѣхъ, по словамъ Паклина, «внезапныхъ испытателей общественныхъ ранъ», одинъ изъ тѣхъ, «рождающихся, чай, готовыми», какъ выражается о Маркеловѣ Соломинъ, «освободителей» русскаго народа, которые на дѣлѣ оказываются все тѣми же Щигровскими Гамлетами, т.-е. продуктами тепличной среды, вообразившими чисто по книжному, будто

*) О. Миллеръ. „Русское Богатство“ 1883 г., № 12. Также „Русскіе писатели послѣ Гоголя“. Спб. 1890 г.

«дѣло вѣковъ поправляется такъ легко». Онъ уже не относится къ народу высокомѣрно-холодно, какъ когда-то Базаровъ, говорившій Аркадію: «Я возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасибо не скажетъ». Тотъ, по словамъ Базарова, «романтизмъ», который уцѣлѣлъ въ молодомъ Кирсановѣ, составляетъ, должно-быть, одну изъ существенныхъ сторонъ природы, гонимой въ окно и входящей въ дверь. Романтизмъ этотъ ожилъ въ томъ поколѣніи, которое явилось со своими Неждановыми. Но отношенія народа и къ этимъ, простирающимъ ему объятія, новымъ романтикамъ—всѣ тѣ же старыя, недовѣрчиво сторонящіяся и отпѣкивающіяся. «Ты, восклицаетъ Неждановъ, невѣдомый намъ, но любимый нами всѣмъ нашимъ существомъ, всею кровью нашего сердца, русскій народъ, прими насъ не слишкомъ безучастно и научи насъ, чего мы должны ждать отъ тебя!» Тщетная, безотзывная мольба! То то и есть, что онъ нашъ *невѣдомый*, и мы въ нашей новой роли ему невѣдомы, и поздно, слишкомъ поздно вдругъ догадались, что надобно отъ него самого научиться...

О. Миллеръ.

* * *

*) Основная черта, указанная Тургеневымъ въ Неждановѣ—насильственное, формальное втягиваніе себя въ политическую дѣятельность, тогда какъ всѣ настоящія внутреннія душевныя его сочувствія направляются къ «художеству, поэзіи и красотѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ»—эта черта подмѣчена глубоко вѣрно и вполнѣ опредѣляетъ сущность ихъ порывовъ и порой комическія, порой трагическія перипетіи ихъ существованія. Такого сорта люди бросаются въ революціонную, агитаторскую «работу» не потому собственно, что страстно, неумолимо ненавидятъ «существующій порядокъ», страстно желаютъ для массы практическихъ результатовъ свободы и благосостоянія, а больше потому, что агитаторская дѣятельность кажется имъ интересной, «заниматель-

*) В. Буренинъ. „Литературная дѣятельность Тургенева“. Спб. 1884 г.

ной»), какъ бываетъ занимателенъ романъ, то-есть, въ концѣ концовъ, красивой, удовлетворяющей ихъ артистическимъ наклонностямъ.

* * *

В. Буренинъ.

*) Замѣчательную, если можно такъ выразиться, увертку Тургенева составляетъ личность Нежданова. Это—старый тургеневскій типъ; надломленная, «вывихнутая», раздвоенная натура, изъ «самоѣдовъ, грызуновъ, гамлетиковъ», какъ говорить объ этихъ людяхъ Шубинъ въ «Наканунѣ» (не даромъ Паклинъ называетъ Нежданова «россійскимъ Гамлетомъ»). Онъ не можетъ сдѣлать ни одного шага безъ оглядки внутрь себя. Онъ всегда идетъ не туда, куда его тянетъ, и тянетъ его не туда, куда онъ идетъ. Онъ не можетъ ничему отдаться вполне—ни любви, ни дѣятельности, ни искусству. Несчастный человѣкъ, для котораго мучительная, микроскопически-тщательная копотня въ самомъ себѣ, въ собственной душѣ есть нормальное состояніе. А для того, чтобы перестать прислушиваться къ шуму въ собственныхъ ушахъ и отдаться, хотя бы на самое короткое время, какой-нибудь одной мысли, нераздвоенному чувству, онъ долженъ «взвинтить» себя, искусственно притти въ состояніе нравственнаго опьяненія. Все—старыя, знакомыя черты, анализомъ которыхъ г. Тургеневъ стяжалъ свои наиболѣе заслуженные лавры. Вдобавокъ, подобно многимъ старымъ героямъ г. Тургенева, Неждановъ пасуетъ предъ любимой женщиной, оказывается много ниже и слабѣе ея. Мотивы эти изучены г. Тургеневымъ до тонкости, и надо удивляться той виртуозности, съ которой онъ ихъ разыгрываетъ. Въ изображеніи этихъ людей за г. Тургеневымъ всегда признавалась, кромѣ мастерства, еще одна особенная заслуга: въ нихъ онъ «поймалъ моментъ» ни дальше ни ближе, какъ приснопамятныхъ сороковыхъ годовъ. Съ нихъ именно начинаются права и обязанности г. Тургенева, какъ ловителя моментовъ, и каковы бы ни были его послѣдующіе уловы, но этотъ первый былъ очень удаченъ... Само собою разу-

*) Н. Михайловскій. „Отечественныя Записки“ 1877 г., № 2. Статя, подъ названіемъ: „Записки Профана“.

мѣется, что типичнѣйшіе представители интеллигенціи сороковыхъ годовъ не могутъ быть такими же типичнѣйшими представителями семидесятыхъ: слишкомъ многое измѣнилось на Руси за эти три, четыре десятка лѣтъ. Слова нѣтъ, Неждановы возможны и теперь, и даже навѣрное существуютъ. Но не все существующее можетъ занять центральное положеніе въ политическомъ романѣ. Скептикъ, да еще прирожденный скептикъ, не вѣрующій, здѣсь особенно неумѣстенъ, потому что онъ—исключеніе. Можно, пожалуй, и исключеніемъ удовольствоваться, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ немъ какъ-нибудь отразилось общее правило. Напримѣръ, можно себѣ представить картину всемірнаго потопа, въ которой самага потопа нѣтъ, а есть только обитатели спасеннаго ковчега. Но въ фигурахъ этихъ спасенныхъ должны отразиться, кромѣ радости спасенія, и ужасъ пережитой опасности, и ужасъ воспоминаній о погибшихъ, и сочувствіе жертвамъ, павшимъ на глазахъ спасенныхъ, и много еще другихъ чувствъ. Возможна ли подобная картина въ дѣйствительности. Доступна ли она человѣческимъ силамъ?— пусть судятъ спеціалисты. Но, во всякомъ случаѣ, у г. Тургенева нѣтъ ничего подобнаго. Его Неждановъ—совсѣмъ исключительное исключеніе. Мы видимъ, что люди гибнутъ. Мы хотимъ знать, откуда у нихъ берется вѣра, гдѣ источникъ силы этой вѣры? Является г. Тургеневъ и съ граціозно-благосклоннымъ жестомъ говоритъ: я вамъ это съ удовольствіемъ покажу. И затѣмъ все наше вниманіе сосредоточиваетъ на душевныхъ мукахъ человѣка невѣрующаго, случайно попавшаго въ водоворотъ! Но мы сами виноваты, что хоть на минуту подумали, что онъ можетъ дать что-нибудь иное. Однако, виновать тоже, и больше даже нашего виновать, самъ г. Тургеневъ. Какъ психологическій типъ, гамлетика ему фактически знакомы и нравственно близки: онъ съ ними росъ. Онъ перепробоваль, для изображенія различныхъ ихъ оттѣнковъ, много разныхъ обстановокъ. Что мудренаго, если онъ захотѣлъ окружить этотъ излюбленный имъ типъ обстановкой «Нови?» Но надо было сдѣлать это откровенно. Надо было оставить

Остродумовыхъ, Машуриныхъ, Маркеловыхъ и особенно Соломина, по возможности, совсѣмъ въ сторонѣ. Марианну, конечно, удалить нельзя, потому что Тургеневскій Неждановъ не мыслимъ безъ женщины, передъ которой онъ пасуетъ. Тогда дѣло было бы ясно: авторъ взялся рѣшить частную задачу, элементы которой ему знакомы. Можно навѣрное сказать, что г. Тургеневъ написалъ бы на эту тему прекрасную, хотя подновленную вещь. И въ «Нови» около Нежданова можно найти нѣсколько превосходныхъ страницъ. Но г. Тургеневъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. Онъ взялся разрѣшить общую задачу, а такъ какъ она ему не по силамъ, то онъ долженъ былъ прибѣгать къ разнаго рода уловкамъ: набрасывать вуаль на многое важное и рѣзко выпячивать впередъ многое неважное. Къ числу такихъ уловокъ относится и Неждановъ. Въмѣсто того, чтобы просто и скромно пополнить свою коллекцію гамлетиковъ—гамлетикомъ-революціонеромъ, онъ посадилъ его въ передній уголъ цѣлаго политическаго романа съ многозначительнымъ эпиграфомъ. Иначе онъ и не могъ поступить. Если человѣкъ взялся нарисовать лѣсъ, когда у него въ распоряженіи нѣтъ зеленой краски, такъ, конечно, въ картинѣ будутъ и красныя березы и синія ели. Но онъ могъ не браться...

Н. Михайловскій.

* * *

*) Главное лицо «Нови»—Неждановъ—человѣкъ умный, даже даровитый, симпатичный, но совершенно безвольный, безхарактерный, и потому блѣдный, мало привлекающій къ себѣ наше вниманіе. У него есть поэтическій талантъ, онъ сочиняетъ очень недурные стихи, на примѣръ:

Окружи меня цвѣтами,
Солнце въ комнату впусти, и т. д.

Но онъ не смѣетъ отдаться своему дарованію, влеченію своей природы, потому что это несогласно съ его отвлеченными, революціонными убѣжденіями. А въ эти убѣжденія, съ другой стороны, въ пропаганду въ народѣ и въ

*) А. Незеленовъ. „Тургеневъ въ его произведеніяхъ“. Спб. 1885 г.

возмущеніе народа, онъ, «россійскій Гамлетъ», по опредѣленію Паклина, скептикъ и чуткій душой человѣкъ, тоже не вѣрить, не можетъ вѣрить. Очень художественно нарисованы въ романѣ сцены, гдѣ Неждановъ ходитъ въ народъ «въ костюмѣ» и проповѣдуетъ, проповѣдуетъ вполне неудачно, самъ это видя и потомъ почти смѣясь надъ собою, но не веселымъ, а безотрадно горькимъ смѣхомъ. — Сознаніе своей полной несостоятельности приводитъ Нежданова къ самоубійству.

А. Незеленовъ.

* * *

*) Неждановъ — незаконный княжескій сынъ и одинъ изъ самыхъ блестящихъ примѣровъ вліянія наслѣдственности. Онъ отъ природы снабженъ всѣми признаками высшей экзотической культуры, начиная съ внѣшности. Чувство красоты въ немъ развито, какъ у истаго наслѣдника вѣковой эстетики «отцовъ»-романтиковъ. Предъ нимъ даже братья Кирсановы въ этомъ отношеніи созданія первобытныя и малоодаренныя. Тѣ только восхищаются произведеніями чужого поэтическаго генія, — Неждановъ самъ поэтъ и притомъ настоящій, чувствующій по временамъ непреодолимую потребность излить свои ощущенія и думы въ стихахъ. У него хранится завѣтная тетрадка, дневникъ, исторія сильнѣйшихъ моментовъ его жизни. У него, кромѣ того, есть другъ, повѣренный всѣхъ его тайнъ, «замѣчательно чистой души», Владиміръ Силинъ. Къ нему Неждановъ постоянно пишетъ письма, экзаменуя ими важныя событія своего внѣшняго и внутренняго міра. Эти письма — другой дневникъ, другой рядъ сердечныхъ изліяній...

Развѣ все это не напоминаетъ нѣчто институтское, немислимое безъ стихотворнаго альбома и идеальной дружбы? Развѣ этотъ юноша съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица и другими признаками «природы» — не герой какой-нибудь романтической идилліи, не прямой духовный потомокъ поколѣнія, много раньше осужденнаго авторомъ на немощное угасаніе среди новой реальной и органически-сильной жизни?

*) И. Ивановъ. „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ“. Спб. 1896 г.

Теперь тотъ же авторъ вызываетъ изъ «царства мертвыхъ» юный образъ исключительно за тѣмъ, чтобы изобразить передъ нами давно извѣстную агонію — физическую и нравственную, точнѣе, чтобы рассказать жизнь, сплошь состоящую изъ одной агоніи.

Если бы Неждановъ родился при вполне благопріятныхъ условіяхъ, т. е. отъ родителей въ бракѣ, его біографія врядъ ли отличалась бы чѣмъ отъ тысячи другихъ біографій. Самое существенное отличіе состояло бы, вѣроятно, въ поэтическихъ занятіяхъ Нежданова. Воспитавшись въ аристократической обстановкѣ, на лонѣ «высшей культуры», ежедневно вдыхая воздухъ романтизма и эстетики, — онъ, конечно, не считалъ бы своимъ нравственнымъ долгомъ скрывать свои стихотворческія упражненія. Они нисколько не нарушили бы общаго тона его существованія. Напротивъ, онъ могъ бы даже прослыть семейнымъ или салоннымъ гениемъ, и плоды его музы красовались бы не въ одномъ раздушенномъ альбомѣ мечтательной свѣтской красавицы.

Но злосчастная судьба все устроила по-своему. Неждановъ — незаконный сынъ, и его даже не ожидали на свѣтъ Божій. Прирожденный аристократъ, слѣдовательно, роковымъ образомъ очутился среди паріевъ, жертвой общественныхъ предразсудковъ и юридическихъ ограниченій. Драма въ высшей степени простая и безчисленное число разъ вдохновлявшая гуманныхъ поэтовъ и публицистовъ.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ существовалъ особый жанръ сценическихъ произведеній, посвященныхъ «незаконнымъ дѣтямъ». *Le Fils Naturel* — такой же обычный герой просвѣтительной эпохи, какъ «добрый сеньеръ», «крестьянинъ философъ», «почтенный буржуа». Естественно, незаконныя дѣти постоянно являлись дѣтьми отцовъ изъ высшихъ сословій, и для авторовъ служили краснорѣчивѣйшими застрѣльщиками въ борьбѣ противъ общественнаго неравенства, жестокихъ законовъ, обычаевъ и предразсудковъ. Въ видѣ примѣра, можно припомнить блестящія рѣчи героя Дидро изъ знаменитой когда-то драмы *Le Fils Naturel*. Въ этихъ монологахъ изображены подробно ли-

шенія и обиды, которыя выпадаютъ на долю несчастнымъ отверженцамъ. Въ общихъ чертахъ Дидро написалъ превосходную біографію всѣхъ незаконныхъ дѣтей какой бы то ни было эпохи, въ томъ числѣ и нашего Нежданова. Разница только въ содержаніи протеста. Герой энциклопедиста ратовалъ за просвѣтительныя идеи своей эпохи, присоединялъ свой голосъ къ голосамъ Вольтера и его сподвижниковъ, а Неждановъ засталъ крайній протестъ своихъ сверстниковъ въ формѣ нигилизма, и немедленно постарался пристать къ нимъ, свою аристократическую натуру вдвинуть въ рамки базаровскаго типа.

Этотъ процессъ *нравственной и внѣшней передѣлки* собственной жизни и личности мы должны прежде всего имѣть въ виду относительно Нежданова. Это — процессъ насильственный, преднамѣренный, мучительный, потому что природа всегда сильнѣе всякихъ ухищреній даже самой сильной воли, — не только неждановской, — дряблой и пугливой воли аристократическаго тепличнаго дѣтища.

Неждановъ попалъ въ нигилисты въ силу случайнаго стеченія обстоятельствъ, исторія его нигилизма — исторія незаконнаго сына на почвѣ русскихъ шестидесятыхъ годовъ.

Почему же Неждановъ сошелся съ нигилистами, а не иначе какъ сталъ мстить людской неправдѣ, — это дѣло автора, и здѣсь еще ничего нѣтъ невѣроятнаго и явно тенденціознаго. Неждановъ могъ самымъ обыкновеннымъ путемъ превратиться въ нигилиста, но преднамѣренный расчетъ автора въ томъ, что именно на *такомъ нигилистѣ* доказывается общее положеніе, именно Неждановъ долженъ посрамить молодыхъ защитниковъ извѣстнаго политическаго идеала.

До какой степени искусственно построенъ этотъ планъ посрамленія, особенно ясно станетъ, если Нежданова сопоставить съ Базаровымъ.

Мы указывали, какъ органически выросли и послѣдовательно развились отрицательныя идеи Базарова. Сила художественнаго созданія и общественное значеніе типа заключались въ его цѣльности, природной мощи. Базаровъ *не могъ не быть нигилистомъ* по своей натурѣ, по услови-

ямъ всей своей жизни, по ходу своего духовнаго развитія и по многочисленнымъ вліяніямъ своей эпохи. Самыя заблужденія Базарова—логическія слѣдствія основной жизненной идеи, воплощаемой его личностью. Базаровъ—стихія, оригинальная и независимая отъ начала до конца, никому и ничему не подражающая и уступающая только вѣчнымъ законамъ человѣческой природы и исторіи.

Неждановъ рядомъ съ Базаровымъ то же самое, что сценическая декорація лѣса предъ настоящимъ лѣсомъ. У Нежданова все чужое, кромѣ оскорбленнаго самолюбія, кромѣ неизбывныхъ страданій за свое происхожденіе, стыда за свой неудавшійся аристократизмъ. Онъ болѣзненно чутокъ ко всякому намеку на его «исторію». Это нѣчто «горькое», по выраженію автора, «что онъ всегда носилъ, всегда ощущалъ на днѣ души». Настоящій нигилистъ, Базаровъ, подобныя ощущенія съ глубочайшимъ презрѣніемъ обозвалъ бы романтизмомъ и насчетъ нервной системы повторилъ бы о Неждановѣ рѣчь, сказанную о братьяхъ Кирсановыхъ, «старенькихъ романтикахъ». А для Нежданова мнѣніе перваго встрѣчнаго флигель-адъютанта—источникъ драмы: даже голосъ его начинаетъ звучать «глухо».

Легко представить, какимъ неудобноносимымъ бременемъ окажется для него нигилизмъ.

Прежде всего, по нигилистическому уставу, Неждановъ долженъ отвергать эстетику. Мы знаемъ, чего это стоило даже Базарову—его подражатель прямо изнемогаетъ въ сущности на первой только ступени нигилизма. Первобытному Остродумову легко презирать эстетику, по крайней мѣрѣ, въ формѣ статей или стиховъ. Для Нежданова это своего рода гамлетовскій вопросъ, и разрѣшаетъ онъ его столь же безславно, какъ и датскій принцъ мститъ за смерть отца. Украдкой пишутся стихи, лелѣется драгоценная тетрадка, а на публикѣ—суровое лицо по поводу даже намековъ на «литературную жилку», негодованіе на отца, что тотъ пустилъ будущаго нигилиста по «эстетикѣ». Но нигилистъ на каждомъ шагу обязанъ враждовать съ изяществомъ и красотой, и—вотъ судьба Нежданова:

«Опратный до щепетильности, брезгливый до гадливо-

сти, онъ силился быть циничнымъ и грубымъ на словахъ; идеалистъ по натурѣ, страстный и цѣломудренный, смѣлый и робкій въ одно и то же время, онъ, какъ позорнаго порока, стыдился и этой робости своей, и своего цѣломудрія, и считалъ долгомъ смѣяться надъ идеалами).

Неждановъ, слѣдовательно, нарядился въ маскарадное платье и устроилъ изъ своей жизни «водевиль съ переодѣваніемъ» гораздо раньше своего «хожденія въ народъ». Но несчастіе не въ маскарадѣ собственно: есть много лицедѣевъ по натурѣ, и имъ тѣмъ легче чувствуется, чѣмъ искусственнѣе и эффектнѣе ихъ представленія. Неждановъ же отъ природы человекъ правдивый, искренній, даже наивно-непосредственный. Актерскій нарядъ, все равно изъ какой угодно пьесы, для него жестокое испытаніе. Въ то время, когда для другихъ истинное удовольствіе и даже потребность — притворяться и парадировать въ чужой шкурѣ, для Нежданова всякая ложь, недомолвка, передержка — личное оскорбленіе. Онъ — самый поучительный примѣръ для пословицы «не въ свои сани не садись»: болѣе трагической расплаты за «чужія сани» трудно и представить, чѣмъ участь Нежданова.

Противъ врожденныхъ влеченій иной разъ можно вести борьбу съ великой рѣшительностью и даже наслажденіемъ, если есть сознаніе нравственной необходимости и разумной цѣлесообразности этой борьбы. Тогда борець становится героемъ принципа, рыцаремъ убѣжденій. Гений есть трудъ, любилъ говорить Гёте, а трудъ, создающій геніальную работу, — не что иное, какъ неустанная дисциплина личныхъ силъ ради идеальной цѣли. И Неждановъ могъ бы попасть въ число этихъ настоящихъ героевъ идеи, если бы нигилизмъ для него составлялъ призванную высокую цѣль умственной и практической дѣятельности, если бы «отрицаніе эстетики» и «хожденіе въ народъ» являлись для него незыблемыми основами будущаго общественнаго строя.

Но ничего подобнаго нѣтъ. Неждановъ *не вѣритъ и не можетъ вѣрить* ни въ разумность отрицанія эстетики ни въ плодотворность революціонныхъ предпріятій. Почему не вѣрить?

Прежде всего, конечно, потому, что оба символа стихійно враждебны его натурѣ, а у него, какъ слабонервнаго романтика, нѣтъ достаточно нравственной силы—во что бы то ни стало пойти противъ своихъ аристократическихъ вкусовъ, а потомъ—все та же причина: автору требуется невѣрующій нигилистъ-дѣятель,—и, по его мнѣнію, всякій искренній, разумный юноша только подъ вліяніемъ привходящихъ обстоятельствъ, внѣшнихъ вліяній, несчастныхъ случайностей можетъ исповѣдывать эти символы, отнюдь не сливаясь съ ними всеѣмъ своимъ нравственнымъ міромъ. Неждановъ именно искренній, разумный, эстетически и нравственно чуткій юноша, слѣдовательно, глубоко симпатичный автору, и онъ осужденъ на жесточайшую драму, какую только можно представить въ человѣческой жизни: защищать и даже приносить жертвы—дѣлу, не внушающему ему ни вѣры ни одушевленія.

Авторъ, весьма тщательно отгѣняя противорѣчія въ противоэстетическихъ усиліяхъ Нежданова, еще тщательнѣе подчеркиваетъ отсутствіе принципиальности въ его нигилизмѣ, недостатокъ вѣры вездѣ, гдѣ требуется оправдывать нигилизмъ на дѣлѣ.

Это невѣріе охватываетъ рѣшительно все, скольконибудь касающееся главной тяготы—нигилистическаго напавленія. Оно простирается даже на любовь Нежданова къ Маріаннѣ, потому что любовь возникла на почвѣ общаго сочувствія революціонной пропагандѣ.

«Во имя дѣла? Да, во имя дѣла?» твердитъ Неждановъ, размышляя о сближеніи съ Маріанной.

И эти слова оказались роковыми, они значили: «во имя того, во что я не вѣрю, что для меня *нравственно* не существуетъ, къ чему я привязалъ себя насильственно»... Во что же должна превратиться любовь, заключенная во имя призрака, въ лучшемъ случаѣ искусственнаго самовнушенія?..

Авторъ необыкновенно ясно рассказываетъ все эти нравственныя тревоженія. По поводу революціи читаемъ:

«Онъ вдругъ вообразилъ, что его призваніе—въ дѣлѣ пропаганды—дѣйствовать не живымъ, устнымъ словомъ, а письменнымъ; но задуманныя имъ брошюры не клей-

лись. Все, что онъ пытался выводить на бумагѣ, производило на него самого впечатлѣніе чего-то фальшиваго, натянутаго, невѣрнаго въ тонѣ, въ языкѣ, и онъ раза два—о, ужась!—невольно сворачиваль на стихи или на скептическія личныя изліянія»...

Таково положеніе Нежданова послѣ неудачныхъ попытокъ вообще сблизиться съ мужиками, не говоря уже о пріобретеніи ихъ къ революціоннымъ замысламъ.

Далѣе еще болѣе краснорѣчивое изліяніе—и на этотъ разъ революція идетъ рядомъ съ любовью.

Неждановъ послѣ знакомства съ Соломинымъ, Маркеловымъ, Голушкинымъ, слѣдовательно, — самыми разнообразными типами нигилистическаго толка, погружается въ раздумье:

«Странное было состояніе его души. Въ послѣдніе два дня сколько новыхъ ощущеній, новыхъ лицъ... Онъ въ первый разъ въ жизни сошелся съ дѣвушкой, которую по всей вѣроятности—полюбилъ; онъ присутствовалъ при начинаніяхъ дѣла, которому, по всей вѣроятности, посвятилъ всѣ свои силы. И что же?—Радовался онъ?—Нѣтъ.—Колебался онъ? Трусилъ? Смущался?—О, конечно, нѣтъ. Такъ чувствовалъ ли, по крайней мѣрѣ, то напряженіе всего мужества, которое вызывается близостью борьбы?—Тоже нѣтъ. Да вѣрится ли онъ, наконецъ, въ это дѣло? Вѣрится ли онъ въ свою любовь?—О, эстетикъ проклятый! Спектикъ! беззвучно шептали его губы.—Отчего эта усталость, это нежеланіе даже говорить, какъ только онъ не кричитъ и не бѣснуется?—Какой внутренней голосъ желаетъ онъ заглушить въ себѣ этимъ крикомъ?..»

Размышленія прерываются такимъ восклицаніемъ:

«О, Гамлетъ, Гамлетъ, датскій принцъ, какъ выйти изъ твоей тѣни? Какъ перестать подражать тебѣ во всемъ, даже въ позорномъ наслажденіи самобичеванія?»

Намъ кажется, Нежданову не стоило такъ далеко искать своего первообраза, и Паклинъ, появляющійся именно въ эту минуту, будто Мефистофель къ Фаусту, вмѣсто своего восклицанія:

«Алексисъ! Другъ! російскій Гамлетъ!»—

могъ воспользоваться другимъ, несравненно болѣе точнымъ и совершенно русскимъ:

«Алексѣй! Другъ! тургеневскій Рудинъ!»

Рудинъ—первой части романа, не эпилога—и Павлинъ оказалъ бы большую услугу своему пріятелю. Ему слѣдовало бы только сдѣлать одну оговорку: «Я тебя, Алексѣй, считаю человѣкомъ честнымъ и прямымъ, и не причисляю къ сонмищу байронствующихъ россіянъ». А все остальное самъ Неждановъ воспроизведетъ въ своемъ романѣ, повторить и въ мысляхъ и въ дѣйствіяхъ рудинскую исторію.

Припомните одно изъ разсужденій Пигасова на счетъ особой человѣческой породы. «Куцыми бываютъ люди, говоритъ онъ, и отъ рожденія и по собственной волѣ. Куцымъ плохо: имъ ничего не удается—они не имѣютъ самоувѣренности».

За этимъ разсужденіемъ слѣдуетъ вспышка Волынцева, направленная противъ Рудина. Герой не посмѣлъ дать отпоръ, и—

«Эге! да и ты куць!» подумалъ Пигасовъ.

Въ одномъ изъ писемъ къ Владиміру Силину Неждановъ разсказываетъ свое трагическое положеніе незадолго до самоубійства и прибавляетъ замѣчательныя слова:

«Куда ни кинь, все клинь! Окургузила меня жизнь, мой Владиміръ»...

Это отнюдь не случайное совпаденіе: кургузый и куцый—это Неждановъ-нигилистъ и Рудинъ-гегельянецъ.

Яснѣ всего это духовное родство обнаруживается въ романическихъ исторіяхъ обоихъ героевъ.

Намъ раньше приходилось рѣшать вопросъ, любить ли Рудинъ Наташу и указывать, что самъ герой менѣе всего знаетъ объ этомъ.

Не то же ли самое и съ Неждановымъ? Вы обратили вниманіе на его удивительную мысль: «сошелся съ дѣвушкой, которую—по всей вѣроятности—полюбилъ?—Это—по всей вѣроятности—стоитъ цѣлаго психологическаго разсужденія. А потомъ усиліе Нежданова убѣдить себя, что Маріанну онъ полюбилъ дѣйствительно «во имя дѣла! да, во имя дѣла!»—и это немедленно послѣ перваго объясне-

нія... Развѣ предъ нами не рудинское: «Я счастливъ! да, я счастливъ», и замѣчаніе автора: «повторилъ онъ, какъ бы желая убѣдить самого себя», цѣликомъ можно отнести къ рѣчи и настроенію Нежданова.

Дальше—вопросъ поднимается о побѣгѣ, и побѣгъ предлагаетъ Маріанна, все равно какъ Наташа—Рудину. Неждановъ восхищенъ, и готовъ «на край свѣта» за героиней. Но эта готовность весьма подозрительнаго свойства...

Неждановъ много моложе Рудина, а у Маріанны нѣтъ мамыши—свѣтской энергичной дамы. Обстоятельства для перваго восторга, слѣдовательно, благопріятны, но за-то и раскаяніе тяжелѣе, чѣмъ у Рудина. Тотъ, вѣроятно, не особенно тосковалъ послѣ разлуки съ Наташей, а Неждановъ не знаетъ, куда дѣваться отъ сомнѣній послѣ рѣшенія бѣжать. Предостереженіе Соломина, что молодой герой «долженъ беречь эту дѣвушку», приводитъ его въ отчаяніе.

«Неждановъ постоялъ немного посреди комнаты, и прошепталъ: «ахъ! лучше не думать!», бросился лицомъ въ постель»...

Но больнѣе всего достается Нежданову отъ самой Маріанны. Она инстинктивно чувствуетъ его «болѣзнь», понимаетъ, что за Гамлетъ передъ ней, и нѣсколько ея простыхъ словъ уничтожаютъ его.

Послѣ побѣга, на фабрикѣ у Соломина происходитъ слѣдующая сцена, изумительная по художественной силѣ и психологической правдѣ. Будто видишь передъ глазами двухъ собесѣдниковъ, улавливаешь выраженія ихъ лицъ, движенія, слышишь едва замѣтные, но полные смысла отѣнки ихъ голосовъ.

Сначала бесѣда идетъ о безразличныхъ предметахъ, идетъ ради разговора. Маріанна очень оживлена, Неждановъ, напротивъ, говоритъ вяло, прерывая рѣчь, впадаетъ въ задумчивость. Маріаннѣ приходится нарушать молчаніе.

«—Алеша!—промолвила она.

«—Что?

«—Мнѣ кажется, намъ обоимъ немножко неловко. Молодые—des pouceaux mariés, —пояснила она,—въ первый день своего брачнаго путешествія должны чувствовать нѣ-

что подобное. Они счастливы... имъ очень хорошо— и немножко неловко.

«Неждановъ улынулся принужденной улыбкой.

«—Ты очень хорошо знаешь, Марианна, что мы не молодые въ твоёмъ смыслѣ.

«Марианна поднялась съ своего мѣста и стала прямо передъ Неждановымъ.

«—Это отъ тебя зависитъ.

«—Какъ?

«—Алеша, ты знаешь, что когда ты мнѣ скажешь, какъ честный человѣкъ—а я тебѣ вѣрю, потому что ты точно честный человѣкъ,—когда ты мнѣ скажешь, что ты меня любишь той любовью, которая даетъ право на жизнь другого, когда ты мнѣ это скажешь—я твоя.

«Неждановъ покраснѣлъ и отвернулся немного.

«—Да, тогда! Но, вѣдь, ты самъ видишь, ты мнѣ теперь этого не говоришь... О, да! Алеша, ты точно, честный человѣкъ. Ну, и давай толковать о вещахъ болѣе серьезныхъ.

«—Но, вѣдь, я люблю тебя, Марианна!

«—Я въ этомъ не сомнѣваюсь... и буду ждать».

Чего же?—спросите вы, разъ любовь уже есть, а, вѣдь, только о любви и говорить Марианна. Любовь—но столь же мало похожая на сильное, цѣльное чувство, какъ Неждановъ въ мѣщанскомъ кафтанѣ на народнаго вожака, какъ философствующій Рудинъ на человѣка сороковыхъ годовъ. И оба героя въ минуты искренности признаются, что не стѣяютъ увлеченныхъ ими дѣвушекъ.

«Она стѣбитъ не такой любви, какую я къ ней чувствовалъ»,—говоритъ Рудинъ о Наталшѣ.

То же и Неждановъ:

«—О, Марианна,—шепнулъ онъ,—я тебя не стѣю!»

Такія же слова и наканунѣ смерти.

И въ этой самой смерти сколько опять рудинскаго!

Неждановъ еще до «хожденія въ народъ» доказалъ свою способность растеряться въ критическій моментъ. Маркеловъ его оскорбилъ еще больнѣе, чѣмъ Волынцевъ Рудина, и онъ не отвѣчалъ на обиду, какъ настоящій «кургузый». Въ обоихъ случаяхъ мотивъ обиды—любовь къ дѣвушкѣ,

и отвѣтъ былъ бы защитой этой любви. Но какъ защищать какое бы то ни было чувство, когда нѣтъ настоящей воли жить дорогой идеей или слѣпой страстью? Неждановъ молчаливо разрѣшаетъ этотъ вопросъ скорѣе Рудина, но въ томъ же направленіи до буквального сходства.

Въ его письмѣ къ Силину находится будто намѣренное объясненіе рудинской трагедіи:

«Право, мнѣ кажется,—пишетъ онъ,—что если бы гдѣ-нибудь теперь происходила народная война, я бы отпра- вился туда не для того, чтобы освободить кого бы то ни было (освободить другихъ, когда свои несвободны!!), но чтобы покончить съ собою...»

Но немного раньше Неждановъ находить, что смерть при такихъ условіяхъ—«какое-то сложное самоубійство», и предпочитаетъ *просто* покончить съ собой: «по крайней мѣрѣ, буду знать, когда и какъ, и самъ выберу, въ какое мѣсто выпалить».

Ждать приходится недолго. Двойная агонія — жалкаго романическаго героя и непризнаннаго нигилиста-революціонера—кончилась. Неждановъ умеръ, заявляя въ предсмертномъ писмѣ, что онъ не вѣрилъ «въ дѣло» и что его жизнь была «ложью».

Ложь—здѣсь неумѣстное понятіе. Неждановъ отъ начала до конца—честный и правдивый человѣкъ. Онъ искренно, даже самоотверженно старается выполнить свою роль. Когда онъ чувствуетъ изнеможеніе подъ страшной тяготой, честность и правдивость вызываютъ у него сердечнѣйшія самопризнанія, — и ихъ мы можемъ принять за истинное изображеніе его личности и судьбы.

Этихъ самопризнаній множество. Недаромъ Неждановъ вель поэтическій альбомъ и дружескую переписку.

Еще до «хожденія въ народъ» онъ разсуждаетъ:

«Коли ты рефлектёръ и меланхоликъ, — какой же ты къ чорту революціонеръ? Ты пиши стихи, да книги, да возись съ собственными мыслишками и ощущеньицами, да копайся въ разныхъ непрактическихъ соображеніяхъ и тонкостяхъ, а главное—не принимая твоихъ болѣзненныхъ нервическихъ раздраженій и капризовъ за мужественное негодованіе, за честную злобу убѣжденнаго человѣка»...

Нервнымъ людямъ, особенно неудачникамъ свойственно громить самихъ себя жестокими укоризнами, часто несправедливыми и преувеличенными. Но слова Нежданова соотвѣтствуютъ дѣйствительности, потому что его устами самъ авторъ излагаетъ его психологію и характеризуетъ его практическое положеніе, какъ революціонера.

Эти характеристики становятся тѣмъ внушительнѣе, чѣмъ ближе сталкивается съ жизнью нигилизмъ Нежданова. Тогда, какъ бы унижительно ни было самообличеніе юнаго героя, оно всецѣло опирается на факты, иногда даже отстаетъ отъ нихъ. Напримѣръ, послѣ перваго революціонернаго опыта Неждановъ говоритъ о себѣ:

«Охъ, трудно, трудно эстетику соприкасаться съ дѣйствительной жизнью!»

Это слишкомъ много послѣ трагикомическихъ приключеній съ мужиками. Но правда беретъ свое. Дыханіе смерти уже начинаетъ вѣять надъ Неждановымъ. «Онъ хотѣлъ умереть, онъ зналъ, что умереть скоро».

«Хожденіе» повторяется, и исповѣдь Нежданова становится все искреннѣе и страстнѣе, переходитъ минутами въ крикъ отчаянія.

Послѣ двухнедѣльнаго опыта онъ пишетъ Силину:

«О, какъ я проклинаю эту нервность, чуткость, впечатлительность, брезгливость,—все это наслѣдіе моего аристократическаго отца! Какое право имѣлъ онъ втолкнуть меня въ жизнь, снабдивъ меня органами, которые несвойственны средѣ, въ которой я долженъ вращаться? Создалъ птицу—да и пихнулъ ее въ воду? Эстетика да въ грязь! Демократа, народолюбца, въ которомъ одинъ запахъ этой поганой водки — «зеленà вина» — возбуждаетъ тошноту, чуть не рвоту?»...

Драгоценнѣйшія слова, — и не потому, что они превосходно изображаютъ неждановскую драму, а потому, что они — лучшая критика на самый романъ. Неждановъ сколько угодно можетъ обижаться на своего естественнаго отца, но главнѣйшая вина: толкнуть птицу въ воду — лежитъ не на совѣсти этого отца. Напротивъ, князь менѣе всего посовѣтовалъ бы своему даже незаконному сыну превра-

тяться въ нигилиста, и онъ существенно облегчилъ для него борьбу за существованіе капиталомъ въ 6000 руб.,— не то, что судьба Базарова,— «пустилъ его по эстетикѣ», съ явнымъ намѣреніемъ создать полную гармонію практической дѣятельности сына съ его природными наклонностями. Гармонію эту разрушилъ самъ Неждановъ въ союзѣ съ авторомъ. Идейный отецъ Нежданова несравненно больше естественнаго виноватъ во всѣхъ противорѣчіяхъ его судьбы.

Авторъ романа взялъ нервнаго аристократа, романтическаго эстетика, брезгливаго барина и стихотворца — и произвелъ надъ нимъ убійственный опытъ: «толкнулъ» его въ самое пекло нигилизма, т. е. царство стихій, безпощадно уничтожающихъ и барство, и эстетику, и романтизмъ. Птица брошенная въ воду... Мы должны быть глубоко благодарны автору, съ обычнымъ художественнымъ талантомъ давшему намъ изумительно-вѣрный образъ, живую иллюстрацію къ своему роману. Всѣ психологическія изслѣдованія могутъ притти только къ такому же результату.

И. Ивановъ.

* * *

*) Неждановъ—лицо не только не главное, не «герой» романа, но все его назначеніе сводится къ тому, чтобы лучше отѣнить Соломина. Соломинъ дорисованъ противопоставленіемъ Нежданову. Нервный, неровный, безъ выдержки, съ подкошенной жизненной энергіей, эстетикъ, поэтъ, жертва рефлексіи,—Неждановъ есть самый, быть можетъ, *лишний* изъ всѣхъ тургеневскихъ «лишнихъ» людей, — и, поставленный рядомъ съ Соломинымъ, онъ отлично отѣняетъ противоположныя черты послѣдняго. Благодаря этому сопоставленію, идея романа выступаетъ съ большой ясностью. Неждановъ есть какъ-бы комментарий къ Соломину, и все, что я говорилъ о главномъ героѣ «Нови» (Соломинѣ), о его умѣ, натурѣ, значеніи, призваніи, иначе уже сказано Тургеневымъ—созданіемъ фигуры

*) Д. Овсяннико-Куликовскій. „Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева“. Харьковъ. 1896 г.

Нежданова. Въ этомъ смыслѣ Неждановъ сближается съ Аркадіемъ Кирсановымъ,—не самъ по себѣ (это люди—разные), а именно какъ образы, главное назначеніе которыхъ отгнѣять и дорисовывать личности главныхъ героевъ. Аркадій помогаетъ Базарову, какъ Неждановъ — Соломину, ярче выступать въ воображеніи читателя.

Въ силу *такого* значенія Нежданова въ романѣ, этотъ образъ не могъ служить тѣмъ импульсомъ, который направлялъ-бы мысль художника въ сторону апперцепціи «лишнихъ» людей, суеты суетъ, «ничтожества» и смерти. Движеніе пошло совсѣмъ въ другую сторону — отъ Соломина, и ведетъ оно къ жизни, къ теплу и свѣту жизни, къ борьбѣ, труду, любви, идеалу. На этомъ пути лучезарной звѣздой свѣтитъ намъ чудный образъ Маріанны: не о самозакланіи Джагернауту говоритъ онъ намъ, онъ говоритъ о бодромъ, о славномъ, о любвеобильномъ дѣлѣ жизни, лозунгомъ котораго являются слова того же Соломина къ Маріаннѣ: «нѣтъ, живите... живите! это главное», и посмертный завѣтъ Нежданова: «живите счастливо, живите съ пользой для другихъ»...

Д. Овсяннико-Куликовскій.

* * *

*) Первое привѣтствіе одного изъ присутствующихъ, обращенное къ Нежданову, сразу отмѣчаетъ дѣйствительно одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ въ его личности. Незадолго до Нежданова пришедшій Паклинъ обращается къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: «Что съ тобой, Алексѣй Дмитріевичъ, російскій Гамлетъ?» Эти два послѣднія слова невольно напоминаютъ намъ о нашемъ старомъ знакомцѣ — Щигровскомъ Гамлетѣ, а вслѣдъ за нимъ, конечно, и о его младшемъ двоюродномъ братѣ — Рудинѣ. И мы не ошибемся въ нашемъ предположеніи, что передъ нами одинъ изъ тѣхъ хорошо знакомыхъ намъ «лишнихъ людей»,—только, какъ это чувствуемъ по окружающей обстановкѣ, поставленный въ иныя условія, нежели

*) К. Чернышевъ. „Лишніе люди и женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ И. С. Тургенева“. Спб. 1896 г.

его близкіе предки. Неждановъ, дѣйствительно, погамлетовски подавленъ всѣмъ, что ему приходится видѣть во-кругъ себя. Съ горячностью глубоко взволнованнаго чело-вѣка указываетъ онъ на то, что въ его время возбуждало молодежь его пошиба: «Поль-Россіи съ голода умираетъ, «Московскія Вѣдомости» торжествуютъ, классицизмъ хотятъ ввести, студенческія кассы запрещаютъ, вездѣ шпіонство, доносы, ложь и фальшь,—шагу намъ ступить некуда!..» И, конечно, Неждановъ призванъ бороться со всѣмъ этимъ; въ этой борьбѣ онъ видитъ свое настоящее дѣло, и этому дѣлу онъ готовъ жертвовать всѣмъ: на заявленіе Остродумова и Машуриной, что имъ нужны деньги, чтобы ѣхать на опредѣленное мѣсто и дѣйствовать тамъ, Неждановъ говоритъ, что онъ съ этою цѣлью возьметъ впередъ часть пенсіи, которую онъ получаетъ отъ братьевъ по своему отцу. Съ этою же именно цѣлью онъ принимаетъ затѣмъ предложеніе Сипягина отправиться къ нему въ качествѣ домашняго учителя. И вотъ тамъ-то, въ деревнѣ, мы видимъ Нежданова на его настоящемъ,—по крайней мѣрѣ, съ его точки зрѣнія,—дѣлѣ.

Попробуемъ сначала хотя въ общихъ чертахъ опредѣлить, въ чемъ заключается то дѣло, которому съ такимъ самоотверженіемъ отдаются Неждановы; воспользуемся для этого собственными ихъ словами. Маркеловъ, котораго глава мечтателей-народолюбцевъ, Василій Николаевичъ, рекомендуетъ какъ чело-вѣка, вполне заслуживающаго довѣрія, какъ одного изъ «своихъ», говоритъ между прочимъ Нежданову: «Народъ темень. Поучать надо. Бѣдность большая, а растолковать некому, отчего эта самая бѣдность происходитъ». Гораздо позднѣе въ романѣ Соломинъ, этотъ, по замыслу автора, настоящій чело-вѣкъ «почвы и дѣла», на вопросъ Калломѣйцева, какъ смотритъ онъ на народъ, говоритъ: «Народъ — соня, и разбудить его было бы не худо». Итакъ, разбудить народъ отъ вѣкового, глубокаго, тяжелаго сна, пробудить въ немъ сознательное отношеніе къ собственной жизни, къ настоящимъ своимъ нуждамъ, помочь ему разобраться въ нихъ, растолковать ему ихъ и, конечно, вмѣстѣ съ этимъ именно помочь народу выйти

на настоящую, свѣтлую дорогу и, какъ слѣдуетъ, по-человѣчески устроить свою жизнь—вотъ то дѣло, которому хотя бы самоотверженно служить Неждановы и Маріанны.

Какъ же мы, съ своей стороны, отнесемъ къ этой цѣли? Да какъ же иначе отнестись, какъ не съ полнымъ сочувствіемъ? Мы-то всѣ развѣ не къ этому стремимся? Развѣ смыслъ всей нашей дѣятельности на разныхъ прищахъ не заключается въ томъ, чтобы по мѣрѣ силъ содѣйствовать нравственному и экономическому поднятію нашего народа? Въ предѣлахъ именно этой, именно такъ опредѣленной цѣли, мы всѣ, конечно, отъ души протянемъ руку Неждановымъ и скажемъ имъ: «И мы къ тому же стремимся, и насъ волнуетъ то же, и мы иначе не понимаемъ смысла нашей жизни,—у насъ одна съ вами цѣль, цѣль высокая, благородная, для которой дѣйствительно отрадно хотя бы даже пожертвовать собою,—но мы въ то же время совершенно расходимся съ вами по многимъ другимъ вопросамъ, которые имѣютъ самое ближайшее отношеніе къ этой безспорно великой цѣли». Въ чемъ же? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо выслушать опять-таки самихъ Неждановыхъ: спросить ихъ, какими способами они думаютъ достигнуть своей цѣли,—необходимо всмотрѣться въ нихъ самихъ, этихъ самоотверженныхъ дѣятелей, есть ли въ нихъ то, что безусловно необходимо для успѣха дѣла, какъ они въ дѣйствительности поступаютъ, къ какимъ они приходятъ результатамъ.

Что Неждановы, Остроумовы и Маркеловы дѣйствительно съ самоотверженіемъ относятся къ осуществленію своей цѣли, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться. «Остроумовъ собой пожертвовать сумѣетъ»,—говоритъ про него Неждановъ: «если нужно, онъ и на смерть пойдетъ». И это не фраза. Въ этомъ насъ убѣждаютъ факты сравнительно недавняго прошлаго, которое происходило на глазахъ многихъ изъ насъ. А вотъ что Неждановъ пишетъ своему другу Силину: «Другъ Владиміръ!.. мы съ Маріанной не ищемъ счастья; не наслаждаться мы хотимъ, а бороться вдвоемъ, рядомъ... Протяни намъ обоимъ издалека руки и пожелай намъ терпѣнья, силы, самопожертвованія и любви...

больше любви. А ты, невѣдомый намъ, но любимый нами всѣмъ нашимъ существомъ, всею кровью нашего сердца, русскій народъ, прими насъ!..» И это опять не фраза. Съ нашей точки зрѣнія, безразсудно, даже нелѣпо было со стороны Нежданова окликать, останавливать по дорогѣ проходившихъ мужиковъ и держать имъ «несообразныя», — какъ выражается авторъ, — рѣчи; еще нелѣпѣе было бросаться въ толпу и призывать «за свободу впередъ двинуться грудью», — но въ данномъ случаѣ дѣло не въ нелѣпости самаго поступка, а въ томъ, что человѣкъ до полного самозабвенія дѣйствительно жертвуетъ собою, насколько не заботясь о томъ, что можетъ ожидать его впереди. Этой способности беззавѣтно, самоотверженно отдаваться своему дѣлу мы, конечно, можемъ только позавидовать. Настоящее дѣло, несомнѣнно, требуетъ для себя всего человѣка, — и счастливъ тотъ, кто дѣйствительно отдаетъ любимому дѣлу всю свою душу: выигрываетъ и дѣло, въ которое какъ бы вливается сама жизнь; выигрываетъ и самъ человѣкъ, переживая дѣйствительно однѣ изъ лучшихъ минутъ разумнаго, истинно-человѣческаго существованія. Мы и въ этомъ пока не расходимся съ Неждановыми; теперь посмотримъ, съ чѣмъ и какъ они берутся за дѣло, и какъ они его дѣлаютъ.

Первый вопросъ, съ которымъ Маркеловъ обращается къ Нежданову, слѣдующій: «Вы съ здѣшними (т.-е. въ имѣннн Сипягина) крестьянами успѣли уже сблизиться?» Позднѣ Маріанна, наканунѣ своего бѣгства отъ Сипягиныхъ, проситъ пріѣхавшаго къ нимъ Соломина: «Вы только скажите намъ, куда намъ итти... Пошлите насъ... Вѣдь, вы пошлете насъ?» — Куда? — спросилъ Соломинъ. «Въ народъ... Куда же итти, какъ не въ народъ». Но мы, съ своей стороны, спросимъ: съ чѣмъ же итти въ народъ? что вы, Маріанна и Неждановъ, можете дать, принести съ собой этому народу? кто вы сами? кто и что васъ подготовило къ этой сложной и серьезной дѣятельности? да, наконецъ, знаете ли вы, къ кому вы идете? — это все важные и наиболѣе существенные по отношенію къ мечтателямъ-народолюбцамъ вопросы.

Сначала о томъ, кто сами Неждановы и Маріанны, и подѣ влияніемъ чего они готовились къ жизни. Оставляя въ сторонѣ исключительное положеніе незаконнаго сына, мы можемъ принять въ Неждановѣ типичными слѣдующія черты: онъ вышелъ не изъ народа,—онъ во всякомъ случаѣ баринъ, хотя бы даже въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Маріанна тоже «господскаго» происхожденія. Оба они—питомцы той же самой книжной науки, на которой воспитывались и Рудины, и Лаврецкіе, и даже Базаровы. Правда, они уже не ломаютъ головы надъ туманными измышленіями Гегеля: Маріанна, напр., «занимается естественными науками», — какъ ее рекомендуетъ Калломѣйцеву г-жа Сипягина, — «и интересуется женскимъ вопросомъ»; но во всякомъ случаѣ они — люди книжки: изъ нея они почерпаютъ и свои цѣли и средства къ ихъ достиженію; не жизнь и, что самое главное, — не близкое съ нею знакомство, не изученіе жизни указываетъ имъ, что надо дѣлать и какъ дѣлать, а книжка, и только одна книжка, въ которую они такъ же крѣпко вѣрують и которой такъ же крѣпко подчиняются, какъ въ былое время Рудины. И Паклинъ тысячу разъ правъ, говоря Нежданову: «Въ томъ-то наша и бѣда, Алексѣй Дмитриевичъ, что мы никого не знаемъ! Хотимъ дѣйствовать, хотимъ цѣлый міръ кверху дномъ перевернуть, а живемъ въ сторонѣ отъ этого самаго міра... Въ 1862 году поляки ушли «до ясу» — въ лѣсъ; — и мы уходимъ теперь въ тотъ же лѣсъ, т.-е. въ народъ, который для насъ глухъ и темень не хуже любого лѣса».

Что же удивительнаго, что люди, воспитавшіеся на книжкѣ, ничего другого и дать не могутъ, какъ только то, что они вычитали изъ этихъ книжекъ, или самыя эти книжки, — можетъ быть, только нѣсколько приспособленная для болѣе чѣмъ обыкновеннаго читателя. Отправляясь «на дѣло», «въ народъ», Неждановъ записываетъ себѣ въ задній карманъ нѣсколько брошюръ, въ которыхъ развиваются идеи о безусловной народной свободѣ, о раздѣлѣ земли исключительно между крестьянами, о несправедливомъ распредѣленіи богатства и т. д. Неждановъ раздастъ

затѣмъ эти брошюры первымъ встрѣчнымъ, тайкомъ оставляетъ ихъ въ горницахъ, засовываетъ въ крестьянскія телѣги. Мы видѣли уже, что и какъ говорилъ онъ въ толпѣ,—и ничего другого Неждановъ, конечно, и не могъ дать народу, который для него темень и глухъ не хуже любого лѣса.

Невольно сами чувствуя ту пропасть, которая отдѣляетъ ихъ отъ народа, Неждановы стараются хотя внѣшнимъ образомъ приблизиться къ народу, хоть своимъ внѣшнимъ обликомъ походить на него, наивно думая, что народъ, тотъ самый народъ, который, слава Богу, довольно имѣлъ времени, чтобы присмотрѣться къ барину и тотчасъ же признать его,—неправильно сочтеть ихъ за «своихъ». И вотъ Неждановъ и Маріанна разыгрываютъ «водевиль съ переодѣваніемъ». Собираясь итти «въ народъ», Неждановъ прежде всего совершенно преобразился по внѣшности. Когда Маріанна вышла къ нему, то невольно ахнула, и въ первую минуту даже не узнала его: на немъ былъ истасканный, желтый, нанковый кафтанъ съ крошечными пуговками и высокой тальей; волосы онъ причесалъ по-русски, съ прямымъ проборомъ; въ рукѣ держалъ картузь съ изломаннымъ козырькомъ; на ногахъ у него были нечищенные выростковые сапоги. «Все тутъ въ полномъ составѣ—ступай щеголять, народъ удивлять!»—какъ выражается Татьяна,—и говоритъ она, дѣйствительно, умныя слова: несомнѣнно, Неждановъ въ этомъ такъ не идущемъ къ его барскому обличью костюмѣ, весьма естественно, долженъ былъ показаться заправскому мужику такъ же, какъ Базаровъ показался въ свое время,—«чѣмъ-то въ родѣ шута гороховаго». Снарядившись въ путь-дорогу, Неждановъ досталъ нѣсколько брошюръ, записавъ ихъ себѣ въ задній карманъ и произнесъ вполголоса: «Штошь... робята... іефто... ничаво... потому-шта...»,—и при этомъ подумалъ: «Кажется, похоже».

— «Эхъ, голубчики мои! Берете вы на себя тяготу не въ моготу!» восклицаетъ умная Татьяна, съ грустью посматривая на «тѣхъ, что опрѣбстятся хотять». И глубокая правда заключалась въ этихъ немногихъ простыхъ

словахъ. Дѣло, которое берутъ на себя Неждановы и Маркеловы, дѣйствительно оказывается болѣе чѣмъ не по силамъ для нихъ. Вотъ что рассказываетъ о своемъ «хожденіи въ народъ» Маріаннѣ самъ Неждановъ: «Въ пропагандѣ я оказался швахъ... Четыремъ человѣкамъ предлагалъ брошюры. Одинъ спросилъ, божественная-ли эта книга,— и не взялъ; другой сказалъ, что не знаетъ грамотѣ,— и взялъ для дѣтей, потому что на обложкѣ есть рисунокъ; третій сперва мнѣ все поддакивалъ — «тэ-акъ, тэ-акъ», потомъ вдругъ выругалъ меня самымъ неожиданнымъ образомъ,— и тоже не взялъ; четвертый, наконецъ, взялъ и много благодарилъ меня,—но, кажется, ни бельмеса не понялъ изъ того, что я говорилъ ему. Кромѣ того, одна собака укусила мнѣ ногу; одна баба съ порога своей избы погрозила мнѣ ухватомъ, прибавивъ: «У! постылый! Шалопуты вы московскіе! Погибели на васъ нѣтути!» А вотъ что пишетъ по тому же поводу Неждановъ своему другу: «Вотъ на какого я наскочилъ: «Ужъ ты»,—говоритъ,— «баринъ, не размазывай, а прямо скажи, отдаешь-ли ты всю свою землю, какъ есть, аль нѣтъ?—Что ты,—отвѣчаю я ему,—какой я баринъ!— «А коли ты изъ простыхъ»,—говоритъ,— «такъ какой въ тебѣ толкъ? И оставь ты меня, сдѣлай милость!» Прекраснымъ дополненіемъ ко всему этому можетъ служить рассказъ Маркелова о томъ, какъ онъ тоже «ходилъ въ народъ». Маркеловъ вздумалъ разъяснить крестьянамъ принципъ ассоціаціи и ввести ее у себя,— а они упирались. Одинъ изъ нихъ даже сказалъ по этому поводу: «Была яма глубока... а теперь и дна не видать...»,—а всѣ прочіе крестьяне испустили глубокой дружный вздохъ. Таковы результаты,— и чего-нибудь другого ожидать, конечно, было нельзя, потому что, говоря словами Паклина,—Неждановы и Маркеловы шли въ народъ, который «для нихъ былъ глухъ и темень не хуже любого лѣса». Въ этомъ именно и заключается главная причина того, что безспорно искреннее, доброе, горячее намѣреніе ограничивается «водевилемъ съ переодѣваньемъ», возбуждающимъ смѣхъ или по меньшей мѣрѣ недоумѣніе въ томъ самомъ народѣ, для котораго онъ предпринимается,— для самихъ

же дѣйствующихъ лицъ этотъ водевиль заканчивается нерѣдко и очень трагично...

Вотъ относительно этого «водевиля съ переодѣваньемъ» мы, несомнѣнно, расходимся съ Неждановыми. Мы возразимъ словами самого Нежданова: «Да, нашъ народъ спитъ; но намъ сдается, если что его разбудить,—это будетъ не то, что вы (т. е. Неждановъ) думаете». Наши мечтатели-народолюбцы дѣлали именно не то, что дѣйствительно могло бы разбудить народъ, а разбудить его, несомнѣнно, есть долгъ, святой долгъ каждаго изъ насъ.

К. Чернышевъ.

СОЛОМИНЬ.

*) Соломинь... предназначенъ изображать настоящую, дѣйствительную, пѣльную силу, радикала *pur sang*, въ противоположность людямъ надломаннымъ, раздвоеннымъ, «романтикамъ реализма», каковъ Неждановъ. Соломинь—это очевидно тотъ «глубоко забирающій плугъ, который, по словамъ избраннаго авторомъ эпитафиа, долженъ вспахать русскую новь, едва тронутую «поверхностно-скользящею сохой». Итакъ, что такое Соломинь?

Съ наружностью его мы знакомы. Можно прибавить, что внѣшняя индивидуальность его выдержана въ романѣ довольно строго. Когда онъ «держитъ себя свободно» въ Сипягинской гостиной, когда онъ покуриваетъ у себя дома или у Маркелова трубочку, когда онъ гладитъ по рукѣ Маріанну—читатель чувствуетъ въ немъ все того же смахивающаго на чухонца «ремесленника», какимъ изобразилъ его авторъ при первомъ выходѣ на сцену. Нѣкоторое недоумѣніе можетъ возбудить лишь то обстоятельство, что на Маріанну и на Нежданова личность эта производитъ постоянно самое пріятное впечатлѣніе, но... о вкусахъ не спорятъ. Гораздо важнѣе опредѣлить, что такое представляетъ онъ собою какъ общественная сила? Въ этомъ смыслѣ

*) Статья А. (В. Г. Авсеенко). „Русскій Вѣстникъ“ 1877 г., № 2.

указанія автора довольно скудны. Соломинъ не вѣритъ въ близость революціи въ Россіи, но не мѣшаетъ тѣмъ, кто хочетъ попытаться сдѣлать ее. По объясненію автора, онъ поступаетъ такимъ образомъ потому, что не желаетъ навязывать свое мнѣніе другимъ... Однако мы видѣли, что когда Маріанна хотѣла ѣхать съ Неждановымъ помогать Маркелову бунтовать крестьянъ, онъ не только не побоялся навязать ей свое мнѣніе, но прямо удержалъ ее отъ поѣздки. Затѣмъ г. Тургеневъ объясняетъ, что Соломинъ хорошо зналъ петербургскихъ революціонеровъ, и понималъ отсутствіе въ ихъ дѣятельности и планахъ того самаго народа, безъ котораго «ничего ты не подѣлаешь», и котораго долго надо готовить, и не такъ и не къ тому, какъ тѣ. Тѣмъ не менѣе авторъ прибавляетъ, что Соломинъ до нѣкоторой степени сочувствовалъ петербургскимъ революціонерамъ, «ибо самъ былъ изъ народа». Далѣе мы видимъ, что при всѣхъ разглагольствованіяхъ Нежданова, Маркелова, Голушкина—Соломинъ только слушаетъ, вникаетъ да покуриваетъ, не переставая улыбаться. Онъ продолжаетъ молчать и улыбаться даже во время безобразнаго набѣга къ Оомушкѣ и Фимушкѣ. За обѣдомъ у Голушкина онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что есть, молъ, двѣ манеры выжидать: выжидать и ничего не дѣлать, и выжидать да подвигать дѣло впередъ; и когда Маркеловъ замѣтилъ на это, что постепенцевъ имъ не нужно, то Соломинъ возразилъ, что постепеновцы до сихъ поръ шли сверху, а мы-молъ попробуемъ снизу. Неждановъ, отдавая себѣ отчетъ послѣ первой встрѣчи съ Соломинымъ, говоритъ о немъ мысленно: «уравновѣшенный характеръ, вотъ что; обстоятельный, свѣжій, какъ говорила Фимушка, крупный человѣкъ; спокойная, крѣпкая сила; знаетъ, что ему нужно, и себѣ довѣряетъ и возбуждаетъ довѣріе; тревоги нѣтъ... и равновѣсіе, равновѣсіе!» Онъ охотно предлагаетъ пріютъ Нежданову и Маріаннѣ, но ни на минуту не упускаетъ изъ виду собственныхъ интересовъ: обязываетъ Нежданова не пускаться въ пропаганду на фабрикѣ, потому что она не его (мѣсто, молъ, потерять могу), и приставляетъ къ нему для контроля своего фактотума Павла. А что касается Марі-

анны... то на другой день ея прїѣзда онъ осматриваетъ, запирается ли дверь изъ комнаты Нежданова въ ея комнату, и дѣлаетъ это при ней, нисколько не скрывая смысла этого изслѣдованія и очевидно не подозрѣвая грубой наглости такого поступка. Когда приходятъ слухи, что Маркеловъ бунтуетъ крестьянъ, Соломинъ говоритъ Маріаннѣ, что онъ, Маркеловъ, погибъ, потому что въ подобныхъ предпріятіяхъ первые всегда погибаютъ—«а въ томъ дѣлѣ, что онъ затѣялъ, не только первые и вторые погибнуть, но и десятыя и двадцатыя»... И когда разочарованная Маріанна спрашиваетъ: такъ мы и не дождемся? онъ отвѣчаетъ съ убѣжденіемъ: «Того, что вы думаете? Никогда. Глазами мы этого не увидимъ; вотъ этими живыми глазами. Ну, духовными—это другое дѣло. Любишься хоть теперь, сейчасъ; тутъ контроля нѣтъ» (прелестно это любованье тѣмъ, какъ десятыя и двадцатыя погибнуть...).

Вотъ все, что даетъ авторъ для опредѣленія нравственной личности Соломина. Не очень много, однако достаточно, чтобъ эта личность могла получить оцѣнку независимо отъ того, какъ относится къ ней самъ авторъ и какое мѣсто занимаетъ онъ въ романѣ. Паклинъ говоритъ: «сѣрые, простые, хитрые Соломины». Намъ кажется, этимъ не опредѣляется главная черта такихъ людей, не говоря уже о противорѣчии, заключающемся въ двухъ послѣднихъ эпитетахъ. Мы думаемъ, что преобладающее свойство Соломиныхъ — самоувѣренное, самодовольное, наглое бездушіе, — бездушіе грубой природы, надѣленной здоровыми кулаками и захватившей кое-какое значеніе въ своемъ тѣсномъ околотеѣ; бездушіе чловѣка, съ наслажденіемъ повторяющаго себѣ каждую минуту: «я, молъ, не пропаду; всѣ вы пропадете, а я пробьюсь, потому кулачищи у меня вона какіе, и плевать мнѣ на всѣ ваши церемоніи»; наконецъ, бездушіе чловѣка, который по натурѣ и образованію неизмѣримо ниже другихъ людей, но который схватилъ практическую сторону жизни и, въ силу этого единственнаго превосходства, дѣйствуетъ такъ, какъ будто будущее принадлежало ему. Обратите прежде всего вниманіе на отношеніе Соломина къ пресловутой русской

революціи. Онъ не вѣритъ въ нее, но сочувствуетъ революціонерамъ, потому что «самъ изъ народа». Да развѣ это возможно? Если онъ сохранилъ связь съ народомъ—хотя бы въ томъ смыслѣ, въ какомъ сохраняютъ ее деревенскіе кулаки и мастаки—то развѣ можетъ онъ сочувствовать тому, гдѣ нѣтъ народа, тому, чего не хочетъ и не понимаетъ народъ? Да онъ въ сущности и не сочувствуетъ, онъ просто поглядываетъ сбоку, какъ, молъ, оно происходитъ. Дѣла своего вы не сдѣлаете—какъ бы говорить онъ Нежданову и Маркелову—и погибнете не только вы, но и десятые и двадцатые, но попытаться я вамъ не мѣшаю, потому что со стороны это любопытно: да притомъ вы мнѣ не нужны, а вотъ Маріанна мнѣ нужна, и я ее не пущу, и она мнѣ послѣ васъ достанется—(не тронутая), какъ выражается о ней передъ смертью Неждановъ. Страсти въ этомъ человѣкѣ нѣтъ никакой, а есть только самодовольный аппетитъ практическаго хищника; вотъ-молъ эта дѣвушка была-бы мнѣ на руку, славная такая да повадная, совсѣмъ мнѣ по вкусу! Къ увлеченію политической идеей онъ еще менѣе способенъ, да вѣроятно за это-то именно онъ такъ себя и любитъ, такъ и гордится собою. Увлечаться могутъ Неждановъ, Маркеловъ—но, вѣдь, за то онъ и считаетъ ихъ неизмѣримо ниже себя—и, можетъ-быть, онъ правъ, потому что они погибаютъ, пришибленные и разочарованные, а ему погибать не за что и разочароваться не въ чемъ. Одинъ Гамлетъ, другой—Донъ-Кихоть революціи, а онъ—просто двужилъная натура, наслаждающаяся увѣренностью, что переживетъ ихъ обоихъ. Одно, въ чемъ онъ несомнѣнно имъ сочувствуетъ—это ихъ ненависть къ Сипягинымъ, къ Калломѣйцеву, вообще ко всему, что, по ихъ мнѣнію, представляетъ старую барскую Русь.

В. Австыенко.

* * *

*) Въ противоположность Нежданову, не удавшемуся претенденту на «вожака» и направителя «внутренняго

*) В. Буренинъ. „Литературная дѣятельность Тургенева“. Спб. 1884 г.

хорового сложенія и разложенія народной жизни», Тургеневъ въ Соломинѣ, очевидно, хотѣлъ намѣтить типическій образъ «помощника» движенія этой жизни, «только полезнаго» и потому наиболѣе соответствующаго этому движенію человѣка. Соломинъ во всѣхъ отношеніяхъ антитеза Нежданова. Тамъ талантъ—тутъ характеръ; тамъ болѣзненная нервность, броженіе неустановившихся силъ, артистичность, романтическая закваска, невыдержанность; тутъ здоровая положительность, уравновѣшенность, дѣловитость, закваска вполнѣ реалистическая, твердая выдержка; тамъ ложное положеніе, оторванность отъ блестящей барской среды, съ которой сродство сказывается въ невольныхъ инстинктахъ изящнаго, въ брезгливости ко всему грубому, къ грязи, къ сѣрой безцвѣтности плебейства; тутъ положеніе самое устойчивое, близость къ народной средѣ уже по одному происхожденію (Соломинъ—сынъ дьячка), кровное, инстинктивное сочувствіе хотя жесткимъ и темнымъ, но тѣмъ не менѣе трудовымъ качествамъ «чернаго» народа. Ту же проницательность, какую обнаружилъ Тургеневъ въ основной мотивировкѣ противорѣчій натуры Нежданова его косвеннымъ барскимъ происхожденіемъ, онъ обнаруживаетъ и въ указаніи происхожденія Соломина изъ низшихъ слоевъ духовенства. Среда нашего сельскаго духовенства, особенно низшаго, очень близка къ народной средѣ, кровно соприкасается съ ея бытовымъ строемъ, и, какъ извѣстно, изъ этой среды выдвинулось не мало дѣятелей, отличавшихся именно положительностію, дѣловитостію, разсудочностію, практичностью, очень часто практичностью въ самомъ узкомъ, даже въ жестокомъ смыслѣ—въ смыслѣ кулачества, деспотической эксплуатаціи слабости ближняго. При всей честности и разсудительности своихъ стремленій, Соломинъ не лишень эксплуататорской сноровки, и не церемонясь пускаетъ ее въ ходъ, гдѣ нужно и когда это удобно. Вспомните, какъ онъ обработалъ Нежданова, въ сущности помогая ему, услуживая, какъ ловко онъ вырвалъ у него, что называется изъ-подъ носа, любовь красивой и умной Маріанны. Вспомните, какъ ловко онъ вывернулся изъ сѣтей агитаціи, съ которой былъ въ близ-

кихъ, но осторожныхъ сношеніяхъ, какъ ловко отдѣлался отъ бесполезныхъ и опасныхъ ея предпріятій, какъ ловко перенесъ свою полезную дѣятельность на положительную и вполне самостоятельную почву, переманивъ лучшихъ рабочихъ съ фабрики, гдѣ онъ служилъ механикомъ, на собственную фабрику, устроенную гдѣ-то въ Перми на «артельныхъ началахъ». Вспомните, какъ ловко, спокойно и хладнокровно онъ, почти еще у теплаго трупа своего сотоварища, приглашаетъ невѣсту этого сотоварища «исполнить его волю», то есть обвиняться съ нимъ, Соломинымъ, и черезъ два дня дѣйствительно обвинчался съ нею. Вспомните, наконецъ, еще одну маленькую детальную черточку, но черточку чрезвычайно характеризующую положительную и хитрую практичность Соломина, предусмотрительность въ жизненныхъ мелочахъ, свойственную такъ называемымъ «тертымъ» людямъ, предусмотрительность, посредствомъ которой такіе люди выигрываютъ всякаго рода житейскія ставки, начиная отъ денежныхъ и кончая любовными. Любопытная черточка, о которой я говорю, указана Тургеневымъ въ XXIX главѣ «Нови», гдѣ онъ описываетъ, какъ Соломинъ устроилъ у себя на фабрикѣ въ двухъ комнатахъ влюбленную парочку — Нежданова и Маріанну. Размѣстивъ молодыхъ людей, Соломинъ подходит къ двери, раздѣляющей комнату Нежданова отъ комнаты Маріанны, и осматриваетъ замокъ. — Что вы тамъ смотрите? спрашиваетъ Маріанна. — А запираетъ ли ключъ? отвѣчаетъ онъ, и при этомъ бросаетъ на нее взглядъ, который заставляетъ ее потупиться. Затѣмъ Соломинъ проникается веселостью, потому что изъ отвѣта Маріанны онъ догадывается, что ея отношенія къ Нежданову платоническія, и къ тому же убѣждается, что исправность замка очень хорошая предохранительная штука на будущее время. Не правда ли, это почти циническая предусмотрительность въ самыхъ, повидимому, мелкихъ мелочахъ, въ сущности же очень важныхъ, отгѣняетъ необыкновенно рельефно одно изъ коренныхъ свойствъ соломинской натуры: не плошать тамъ, гдѣ есть надежда самому ухватить что-либо. Да, Соломинъ типъ положительнаго «мо-

лодца», какъ выражается о немъ съ восторгомъ Паклинъ, прибавляющій, что клювъ у него тонкій, да крѣпкій за то: онъ продолбитъ».

Дѣйствительно—это типъ съ тонкимъ и крѣпкимъ клювомъ, т.-е. типъ отчасти хищный, и онъ со временемъ все продолбитъ въ нашей жизни, заберется во всѣ ея сфѣры, а главное, въ близкую ему сфѣру народную и, крѣпко опираясь на нее, начнетъ ту положительную дѣятельность, которая, быть можетъ, если не въ окончательномъ результатѣ, то въ ближайшихъ своихъ практическихъ стремленіяхъ будетъ разрушительнѣе пресловутаго отрицанія, пресловутаго нигилизма, такъ ужаснувшихъ почтеннѣйшую російскую публику въ базаровскомъ типѣ... Въ Соломинѣ невозможно отыскать ни одного малѣйшаго признака идеализма и эстетическаго начала. Соломинъ смотритъ и на жизнь, и на природу, и на любовь, и на народъ, и даже на политическую агитацію во имя свободы и пользы народа, какъ практикъ-дѣлецъ, смотритъ холодно, разсудочно, безъ всякихъ сомнѣній и отвлеченныхъ тревогъ объ общемъ значеніи всего этого. У него нѣтъ и не можетъ быть такихъ сомнѣній и тревогъ просто потому, что онъ и не заботится ни малѣйшимъ образомъ вникать въ общее значеніе вещей, а исключительно устремляется на ихъ ближайшее практическое отношеніе къ своей ближайшей дѣятельности. Его приуроченность къ агитаціонному движенію очень мало выяснена въ романѣ, да и самая его роль какая-то наблюдательная, сторонняя, хотя онъ и «рекомендованъ» таинственнымъ главнымъ воротилою всей агитаціи, «самимъ» Василиемъ Николаевичемъ. «Соломинъ—говоритъ авторъ объ этой роли своего героя—не вѣрилъ въ близость революціи въ Россіи; но, не желая навязывать свое мнѣніе другимъ, не мѣшалъ имъ попытаться, и посматривалъ на нихъ издали, сбоку. Онъ хорошо зналъ петербургскихъ революціонеровъ—и до нѣкоторой степени сочувствовалъ имъ—ибо самъ изъ народа; но онъ понималъ невольное отсутствіе этого самаго народа, безъ котораго «ничего не подѣлаешь». Увернувшись отъ опасныхъ послѣдствій сношеній съ агитаторами, Соломинъ осно-

Зелинскій. Критика о Тургеневѣ. 10

ывааетъ свою фабрику на «артельныхъ началахъ»), стало быть, онъ не чуждъ нѣкоторыхъ «идейныхъ» стремлений. Да, разумѣется, не чуждъ, но только стремлений чисто экономическаго характера, то-есть все-таки же практическихъ, такихъ, которыя онъ называетъ «правильными предприятиями». «Артельное начало» вовсе не какая-нибудь отвлеченная теорія: этимъ практическимъ началомъ могутъ пользоваться въ равной степени и самый узкій односторонній кулакъ, имѣющій въ виду только свою выгоду и не помышляющій о благѣ народа, и самый идеалистическій фантазеръ о будущемъ социальномъ устройствѣ массъ. О наукѣ, о самоотверженномъ служеніи ей, о базаровской вѣрѣ въ нее Соломинъ не проговаривается ни однимъ словомъ. Для него, кажется, не существуетъ науки, а только техника, у которой наука должна находиться въ услуженіи. Увлечение любовью въ Соломинѣ отсутствуетъ. Онъ, какъ положительный человѣкъ, подыскиваетъ себѣ умную и въ мѣру красивую подругу жизни, и, усмотрѣвъ такую подходящую подругу въ Маріаннѣ, очень спокойно и хладнокровно, съ замѣчательной выдержкою и даже ловкостью отманиваетъ ее отъ Нежданова къ себѣ, и достигаетъ своей, основательно задуманной цѣли...

В. Буренинъ.

* *

*) Соломинъ — совершенная противоположность Нежданова, хотя, какъ и онъ, не вѣритъ въ планы своихъ товарищей. Онъ — натура цѣльная, здоровая, спокойная, «уравновѣшенная». Онъ любитъ народъ, болитъ его болями, скорбитъ его скорбями; но, будучи увѣренъ, что увлечь народъ планами насильственнаго переворота невозможно, довольствуется «школами и прочимъ» на фабрикѣ, гдѣ служить, а, въ концѣ концовъ, «свой заводъ имѣетъ небольшой, гдѣ-то тамъ въ Перми, на какихъ-то артельныхъ началахъ». Въ общей картинѣ, этотъ человѣкъ, какъ

*) Н. Михайловскій. „Отечественныя Записки“ 1887 г., № 2. Статья, подъ названіемъ: „Записки Профана“.

частность, могъ бы занять подобающее ему мѣсто. Такие люди бываютъ. Ихъ душевная жизнь представляетъ значительный интересъ. Посмотрите же, что сдѣлалъ изъ Соломина г. Тургеневъ. Желая придать его дѣятельности, очень простой и очень скромной (какъ долженъ сознавать самъ Соломинъ, если онъ, дѣйствительно, «умень какъ день»), многозначительный и даже нѣсколько таинственный характеръ, онъ дѣлаетъ изъ него туманную фигуру, какой-то ходячій, олицетворенный совѣтъ. Соломинъ беретъ всѣмъ совѣтовать, и всѣ его совѣтовъ слушаются. Самъ авторъ устами Паклина совѣтуетъ слушаться совѣтовъ Соломина. Но, вѣдь, чтобы совѣтовать, надо знать дѣло, а г. Тургеневъ его не знаетъ, слѣдовательно, и подсказать Соломину можетъ только очень немного. Оттого и туманна фигура Соломина и даже совершенно неправдоподобна. Онъ, по рекомендаціи автора, человекъ честный, прямой, не виляющій, а между тѣмъ постоянно виляетъ, то-есть его заставляетъ вилять самъ же авторъ—стоящій въ фальшивомъ положеніи.

Н. Михайловскій.

* * *

*) Соломинъ, сынъ дьячка, благодаря своему трудолюбію и настойчивости вышедшій въ люди. Имѣя душу мелочно-злобную, неблагородную, невеликодушную, онъ, выйдя въ люди, сохранилъ ненависть ко всему, что выше его, по уму ли, по образованію ли, по общественному ли положенію. Онъ ненавидитъ дворянъ не за ихъ дурныя качества, а за то, что они дворяне; онъ хорошій специалистъ, но круглый невѣжда во всемъ остальномъ, и это остальное, ему неизвѣстное и недоступное, онъ считаетъ ненужнымъ и бесполезнымъ. Онъ революціонеръ, но революціонеръ потому, что русская жизнь оскорбляетъ его не только своими отрицательными сторонами, а всѣмъ своимъ духовнымъ складомъ, невыносимымъ и оскорбительнымъ для

*) Ю. Николаевъ. (Говоруха-Отрокъ). „Тургеневъ“. Москва 1894 г.

его мелкозлобной, черствой души. Но какъ всегда, такъ и въ дѣлѣ революціи онъ остается «себѣ на умѣ». Онъ удачно проплываетъ между Сциллой благонамѣренности и Харибдой революціи—и всегда выходитъ сухимъ изъ воды, когда другіе, болѣе экспансивные, идутъ въ тюрьму и на каторгу. Будучи революціонеромъ, онъ въ то же время и двуличный кулакъ. Онъ, какъ и Чичиковъ, «приобрѣтатель», «плутоватый человѣкъ», но уже новаго, современнаго склада. Ему нуженъ не только матеріальный комфортъ, но и комфортъ нравственный: ему нужно считать себя человѣкомъ убѣжденій—и вотъ для этого-то онъ исподтишка революціонеръ, и вотъ для этого-то онъ заводитъ фабрику на «артельныхъ началахъ». Эти «артельныя начала»—дешевая цѣна, которою онъ оплачиваетъ свой нравственный комфортъ и свои революціонныя убѣжденія. Какъ прирожденный двуличный кулакъ, онъ и здѣсь выгадалъ, и здѣсь ухитрился купить по грошевой цѣнѣ право на самоуваженіе. Онъ и въ интимныхъ дѣлахъ своихъ—тотъ же кулакъ: и Маріанну—дворянскую барышню—онъ приобретаетъ себѣ въ жены по дешевой цѣнѣ, и здѣсь, во всемъ этомъ любовномъ дѣлѣ, онъ маклеруетъ, какъ на биржѣ. Онъ не хочетъ «упустить своего», и принимаетъ весьма реальныя мѣры, клонящіяся къ тому, чтобы интимная близость между Маріанной и Неждановымъ не зашла слишкомъ далеко. Онъ образумливаетъ барышню—Маріанну, слишкомъ уже кокетничавшую съ «революціей»—и она, такъ же, какъ и онъ, не имѣя въ душѣ своей ни великодушія ни благородства, сразу усваиваетъ его точку зрѣнія, и остается «революціонеркой» про себя и для себя—такъ, чтобы начальство не догадалось. Соломинъ—это нѣкоторая разновидность Базарова—но въ немъ нѣтъ той грубой прямоты и грубаго самолюбія, которыя не позволяютъ Базарову хитрить и изворачиваться. Онъ умѣетъ уже совмѣстить самомнѣніе и самоудовольство со всякимъ плутовствомъ, съ лукавствомъ и изворотливостью пронирыливаго «идейнаго» кулака.

Таковъ Соломинъ—и все искусство Тургенева въ банальныхъ приемахъ идеализированія не могло придать ему

иного облика. Несмотря ни на что, онъ ясенъ, и никого не ввелъ въ заблужденіе,—и вотъ Соломина-то Тургеневъ хочетъ выставить «настоящимъ героемъ», въ противоположность своимъ прежнимъ героямъ, Лаврецкимъ, Рудинымъ, Гамлетамъ, «лишнимъ людямъ». Но, не говоря уже о Лаврецкомъ, не говоря даже о Рудинѣ — въ Чулкатуринѣ, и въ томъ больше великодушія, благородства, возвышенности чувства и мысли, чѣмъ въ Соломинѣ. Вѣдь, предъ Лаврецкимъ и Рудинымъ Соломинъ покажется *халомъ* и ничѣмъ больше, вѣдь, Лаврецкому и Рудину онъ годится въ расторопные управляющіе — и только, вѣдь, въ Левинѣ (*Анна Каренина*) онъ, вѣроятно, сразу бы возбудилъ то гадливое чувство, которое возбуждаетъ въ немъ кулакъ, пріѣзжающій покупать лѣсъ у Стивы Облонскаго. Такая фигура не могла плѣнить никого — и *Новь* не имѣла успѣха.

Очень понятно, какимъ процессомъ пришелъ Тургеневъ къ изображенію Соломина, какъ героя.

Въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности, онъ искалъ «героевъ» въ томъ броженіи, которое совершалось на поверхности русской жизни. Это западническое броженіе, совершавшееся еще подъ вліяніемъ высоконастроеннаго нѣмецкаго идеализма, сперва давало «лишнихъ людей» — Рудиныхъ, Шубиныхъ, Берсеневыхъ, но все мельчая и мельчая, оно, наконецъ, дало Неждановыхъ и Маріаннъ, Маркеловыхъ и Соломиныхъ. И Тургеневъ, продолжая искать своихъ «героевъ» въ этомъ броженіи, думая, что все-таки здѣсь бьется пульсъ русской жизни, по необходимости остановился на Соломинѣ. Онъ и самому ему не симпатиченъ, у него нѣтъ къ нему сердечнаго сочувствія, какое было къ Рудину, — но что дѣлать? — изъ своего окошка онъ увидѣлъ только Соломина, и, думая, что только и свѣту, чтó въ окошкѣ, произвелъ его въ «герои» и въ будущаго вершителя судебъ Россіи. Къ изображенію Соломина, какъ «героя», привелъ Тургенева весь роковой ходъ его литературной дѣятельности, — но изображая его, какъ и другихъ героев *Нови*, безъ сердечнаго сочувствія, онъ написалъ романъ холодный, разсудочный, составлен-

ный изъ мозаики банальныхъ пріемовъ—и очень понятно, что такой романъ, стоящій неизмѣримо ниже таланта автора, не могъ имѣть успѣха, не произвелъ никакого впечатлѣнія, совершенно заслоненный прежними *творческими* созданіями художника.

Ю. Николаевъ (Говоруха-Отрокъ).

* * *

*) Соломинъ вышелъ изъ народа. Писатель рассказываетъ намъ про него, что «онъ сынъ дьячка; у него было пять сестеръ—всѣ замужемъ за попами и дьяконами; съ согласія отца, степеннаго и трезваго человѣка, онъ бросилъ семинарію, сталъ заниматься математикой и особенно пристрастился къ механикѣ; попалъ на заводъ къ англичанину, который полюбилъ его какъ сына, и далъ ему средства съѣздить въ Англію, гдѣ онъ пробылъ два года и выучился англійскому языку. Возвратившись изъ-за границы, онъ поступилъ на бумагопрядильную фабрику одного купца».—«Да», — скажемъ мы: — «этотъ человѣкъ не изъ московской или берлинской студенческой говорильни вышелъ, не изъ однѣхъ отвлеченно-философскихъ книжекъ уму-разуму научился: онъ, во-первыхъ, спеціальную теоретическую подготовку получилъ, а во-вторыхъ, самъ цѣлыхъ два года на станкахъ работаль дѣло, на немъ самомъ, на самомъ живомъ дѣлѣ изучаль,—и, конечно, не только само дѣло изучилъ, но и тѣ живыя машины, въ рукахъ которыхъ кипить это дѣло, и съ которыми нужно умѣть жить и работать». И писатель по этому поводу прибавляетъ: «Хотя Соломинъ съ подчиненныхъ и взыскиваль, потому что въ Англіи на эти порядки насмотрѣлся, но пользовался ихъ расположеніемъ: свой, дескать, человѣкъ!» Они уважали его, какъ старшаго, и обходились съ нимъ какъ съ равнымъ, какъ съ своимъ. А это, конечно, значитъ: Соломинъ самъ можетъ стать наравнѣ съ каждымъ рабочимъ у станка и помочь еще ему осмыслить его трудъ.

*) К. Чернышевъ. „Лишніе люди и женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ Н. С. Тургенева“. Спб. 1896 г.

Когда посѣтившій Соломинскую фабрику англійскій ману-фактуристъ пришелъ въ восторгъ отъ знаній Соломина и на глазахъ рабочихъ восклицалъ: «Караша оу васъ эта! Оу! караша!»—рабочіе не безъ гордости говорили между собою про Соломина: «Вотъ нашъ-то каковъ! нашъ-то!»

Почти съ перваго же знакомства своего съ Соломинымъ еще у Сипягиныхъ, Неждановъ думаетъ про него: «Уравновѣшенный характеръ; обстоятельный, свѣжій, крупный человекъ; спокойная, крѣпкая сила; знаетъ, что ему нужно,— и себѣ довѣряетъ, и въ другихъ возбуждаетъ довѣріе». И дѣйствительно, Соломинъ знаетъ, что ему нужно,— онъ знаетъ дѣло. Припомнимъ, какъ Соломинъ, по просьбѣ Сипягина, осматривалъ его писчебумажную фабрику. Авторъ говоритъ намъ по этому поводу: «Не только Сипягинъ, даже Калломѣйцевъ чувствовалъ, что Соломинъ на фабрикѣ, какъ дома, что ему тутъ все извѣстно и знакомо, до послѣдней мелочи, что онъ тутъ хозяинъ. Онъ клалъ руку на машину, какъ ѣздокъ на шею лошади, тыкалъ пальцемъ колесо,—и оно останавливалось или начинало вертѣться; бралъ на ладонь изъ чана того мѣсива, изъ котораго выдѣлывается бумага,—и оно тотчасъ показывало всѣ свои недостатки». При этомъ мы должны сказать, что Соломинъ не узкій спеціалистъ механикъ-фабрикантъ, — нѣтъ: онъ заводитъ на фабрикѣ школы, больницы, онъ входитъ въ жизнь рабочаго.

Какъ все это насъ радуетъ!—«Вотъ»,—готовы мы сказать,—«настоящій, не самоломанный, не вывихнутый человекъ,—и человекъ, не фразы, а дѣла, не выдуманнаго какого-нибудь дѣла, а настоящаго, жизненнаго дѣла!»

Еще больше возбуждаетъ въ насъ къ себѣ сочувствіе Соломинъ, когда мы прислушиваемся къ его взгляду на Неждановское дѣло. Авторъ говоритъ: «Соломинъ не вѣрилъ въ близость революціи въ Россіи. Онъ хорошо зналъ петербургскихъ революціонеровъ и до нѣкоторой степени сочувствовалъ имъ, ибо былъ самъ изъ народа, но онъ понималъ, что еще долго надо готовить народъ,—да и не такъ и не тому, какъ тѣ», т. е. революціонеры. Когда Неждановъ и Маріанна заявили ему, что они хотятъ бѣ-

жать отъ Сипягиныхъ, чтобы скорѣе приняться за дѣло, Соломинъ говоритъ имъ: «Послушайте: если у васъ нѣтъ другой причины, то бѣжать вамъ отсюда еще не для чего. Дѣло это еще не такъ скоро начнется, какъ вы думаете. Тутъ нужно еще нѣкоторое благоразуміе. Нечего соваться впередъ зря. Повѣрьте мнѣ». Позднѣе, уже у себя на фабрикѣ, когда Неждановъ и Маріанна преобразились въ пригородныхъ мѣщанъ, Соломинъ посмотрѣлъ на нихъ, слегка прищурясь, и вдругъ захохоталъ. Изъ всего этого достаточно ясно, что Соломинъ, строго говоря, не сочувствуетъ Неждановымъ, не сочувствуетъ ихъ способу дѣйствій, и поэтому держится въ сторонѣ, — «не какъ хитрецъ и виляка», — говоритъ авторъ, — а какъ малый со смысломъ, который не хочетъ даромъ губить ни себя ни другихъ». Онъ хорошо понимаетъ, что Неждановы не знаютъ истинной сущности настоящаго дѣла, совершенно не подготовлены къ нему, не умѣютъ взяться за него. Его въ особенности возмущаетъ, что они «зря суются», вѣрнѣе: «рвутся» впередъ, наивно думая все передѣлать въ какіе-нибудь два-три года. Въ разговорѣ съ Маркеловымъ и Неждановымъ Соломинъ замѣтилъ между прочимъ, что «есть двѣ манеры выжидать: выжидать и ничего не дѣлать, — и выжидать, да подвигать дѣло впередъ». А когда Маркеловъ на это возразилъ: «Намъ не надо «постепеновцевъ», — Соломинъ прямо заявилъ о себѣ, что онъ именно постепеновецъ, — но «постепеновцы до сихъ поръ шли сверху», — прибавилъ онъ, — «а мы попробуемъ снизу». Въ самомъ концѣ романа авторъ, устами Паклина, самъ дѣлаетъ какъ бы общее заключеніе о характерѣ и личности Соломина слѣдующими словами: «Такіе какъ Соломинъ они то вотъ и есть настоящіе. Это не герои: это крѣпкіе, сѣрые, одноцвѣтные, народные люди. «Теперь только такихъ и нужно! Вы посмотрите на Соломина: уменъ какъ день, — и здоровъ какъ рыба. Какъ же не чудно! Вѣдь, у насъ до сихъ поръ на Руси какъ было: коли ты живой человекъ, съ чувствомъ, съ сознаниемъ, — такъ непременно больной! А у Соломина сердце то, пожалуй, тѣмъ же болѣетъ, чѣмъ и наше, — и ненавидитъ онъ то же, что мы ненавидимъ, —

да нервы у него молчать, и все тѣло повинуется, какъ слѣдуетъ... значить: молодець! Помилуйте: человекъ съ идеаломъ,—и безъ фразы; образованный,—и изъ народа; простой,—и себѣ на умѣ... Какого вамъ еще надо?..»

Не правда-ли, — лучшаго аттестата и выдать нельзя. Остается только запаковать его въ конвертъ и надписать: «Г. русскому Инсарову—Вас. Ѳедот. Соломину, —человѣку почвы и дѣла, безъ фразы и молодцу». Но мы еще не подписали этого аттестата; подписать же его по-Фамусовски у насъ рука не поднимается: мы непременно должны раз-смотримъ и сличить съ тѣмъ, кому онъ выдается.

Если мы сами подведемъ итогъ тому, что мы успѣли на протяженіи всего романа узнать о Соломинѣ, то окажется, что,—по увѣренію автора,—школа, больницы, нравственное сближеніе съ народомъ, черная работа культуры, въ родѣ расчесыванія волосъ шелудивому мальчику—вотъ практическія стремленія Соломина, а то, о чемъ мечтаютъ герои — народолюбцы, вызываетъ у Соломина одно лишь чувство состраданія. Авторъ говоритъ намъ, что Соломинъ просвѣщаетъ народъ, облегчаетъ ему условія труда, лѣчить его отъ нравственныхъ и физическихъ недуговъ. Онъ превосходно знаетъ крестьянъ, и въ то же время выученикъ европейской цивилизаціи. Однимъ словомъ,— «какого же еще вамъ надо?»—повторимъ мы восклицаніе Паклина.

— Конечно, конечно. Но слѣдуетъ обратить вниманіе вотъ на что: собирая на страницахъ романа характерныя черты Соломина, мы неоднократно употребляли выраженія: «по увѣренію автора»,—«какъ говоритъ намъ авторъ»,— и это очень важное обстоятельство. Въ романѣ мы не находимъ положительно ни одной сцены, въ которой мы могли бы видѣть почтеннѣйшаго Василя Ѳедотыча не говорящимъ только, а дѣйствительно дѣлающимъ то, что онъ самъ говоритъ о себѣ, а еще больше — что говоритъ о немъ самъ авторъ. Мы, искушенные горькимъ опытомъ судьбы нашихъ Рудиныхъ, окончательно, вѣдь, извѣрились въ слова, какъ бы они просто и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-мысленно ни были сказаны. Мы невольно готовы сказать

Соломину: «Василій Ѳедотычъ! мы не имѣемъ основанія вамъ не довѣрять, но все-таки позвольте взглянуть, какъ это у васъ выходитъ на дѣлѣ,—и прежде всего ради того, чтобы поучиться у васъ уму-разуму». Соломинъ же,—по крайней мѣрѣ, на страницахъ романа,—не въ состояніи удовлетворить наше вполне законное желаніе. За него какъ бы выступаетъ впередъ авторъ и говоритъ намъ: «Смѣю васъ увѣрить, господа, что мой Вас. Ѳедот. именно таковъ и именно все такъ и дѣлаетъ, какъ я вамъ докладываю». Но, вѣдь, этими авторскими увѣреніями мы удовлетвориться не можемъ и въ отвѣтъ на нихъ все же скажемъ: «Вы намъ на дѣлѣ все покажите, и тогда мы не только признаемъ вашего Соломина настоящимъ человекомъ, но и пойдемъ за нимъ». Еще больше укрѣпляется въ насъ сомнѣніе относительно художественной правдивости Соломина, какъ общественнаго типа, когда мы обратимъ вниманіе хотя бы на слѣдующіе два факта: во-первыхъ, какъ это Соломинъ,—такой, какимъ его старается отрекомендовать авторъ,—можетъ серьезно слушать, даже какъ бы съ уваженіемъ, по-истинѣ дѣтски-наивые разговоры Нежданова и Маріанны; во-вторыхъ, какъ это онъ не удерживаетъ Нежданова отъ рискованной, а главное—безцѣльной пропаганды въ народѣ?

Все это, конечно, происходитъ отъ того, что, подобно Нежданову, образъ Соломина не данъ въ своемъ цѣломъ самую жизнью, а созданъ,—если не сказать: сочиненъ,—писателемъ по заранѣе обдуманному плану. А замыселъ автора намъ уже извѣстенъ: Неждановъ своей печальной судьбой, во что бы то ни стало, долженъ посрамить молодыхъ мечтателей-народолюбцевъ, какъ защитниковъ извѣстнаго политическаго идеала; Соломинъ же, въ противоположность Нежданову, долженъ воплотить въ своей личности «положительныя стремленія сильнѣйшей и разумнѣйшей части русской молодежи». Съ такимъ именно заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и приступилъ нашъ писатель не «къ созданію»,—скажемъ мы,—а «къ искусственной формировкѣ»,—и не общественныхъ типовъ, а только героевъ своей заранѣе обдуманной, а не изъ жизни

выхваченной картины. И получилось то, что должно было въ подобномъ случаѣ получиться: въ Соломинѣ, какъ и въ Неждановѣ, мы не можемъ признать жизнью даннаго человѣка,—по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какъ напр., Рудина.

К. Чернышевъ.

* * *

*) Ни въ Соломинѣ ни въ Маріаннѣ нѣтъ ничего трагическаго потому, что это натуры ясныя, уравновѣшенныя, чистыя души, золотыя сердца,—что ни въ запросахъ ихъ ума, ни въ глубинѣ ихъ души нѣтъ внутренняго разлада, нѣтъ ничего «самоломаннаго». Цѣль жизни имъ ясна. Они знаютъ, чего хотятъ, что имъ нужно, и будутъ вполне счастливы, если имъ удастся устроить свою жизнь въ духѣ своихъ завѣтныхъ стремленій. Но они счастливы и въ самыхъ поискахъ, и если бы имъ пришлось среди этихъ исканій погибнуть, они бы умерли съ спокойной совѣстью, съ отраднымъ сознаніемъ, что хотѣли добра, стремились къ хорошему и—зла не дѣлали. Внутренній миръ—вотъ то, довольно рѣдкое для людей неограниченныхъ, счастье, которымъ, по самой натурѣ своей, обладаютъ и Соломинъ и Маріанна, и котораго лишень Базаровъ.

И вотъ почему въ «прохладной» и мужественной душѣ Соломина—нѣтъ трагедіи, какъ нѣтъ ея и въ страстной женственной душѣ Маріанны...

Созерцаніе этого художественнаго образа должно было доставлять Тургеневу большое душевное удовлетвореніе, все равно какъ если бы онъ въ самомъ дѣлѣ встрѣтилъ такого человѣка. Ибо это—тотъ самый человѣкъ, котораго Тургеневъ искалъ и для себя лично и для Россіи. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Тургеневъ въ самомъ дѣлѣ былъ убѣжденъ въ необходимости для Россіи дѣятелей соломинскаго типа... Соломина нашель, полюбиль и оцѣнилъ Тургеневъ-гражданинъ. Но и лично, какъ человѣкъ, Тургеневъ *нуждался* въ Соломинѣ; онъ находиль

*) Д. Овсянко-Куликовскій. „Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева“. Харьковъ. 1896 г.

въ немъ гармоническое восполненіе себя. Дворянинъ и баринъ, немножко баловень, немножко дилетантъ, Тургеневъ встрѣчалъ въ Соломинѣ лучшій образецъ «народнаго» человѣка, закаленнаго въ суровой школѣ трудовой жизни. Самъ умница, но умница—художникъ, теоретикъ, идеалистъ, Тургеневъ находилъ въ Соломинѣ умницу-практика, реалиста, представителя прикладнаго—въ обширномъ смыслѣ—труда. Самъ лишенный инициативы и неспособный къ дѣйствию, натура по преимуществу созерцательная, художникъ видѣлъ въ Соломинѣ отрадный примѣръ дѣятеля-нефантазера, который не только знаетъ, что можно и должно дѣлать, но и умѣетъ дѣлать это. Наконецъ, художникъ-мыслитель съ душою, столь доступною міровой скорби, съ умомъ, терзаемымъ противорѣчіями бытія, находилъ душевное успокоеніе въ общеніи съ натурою, которая, при своеобразной возвышенности и глубинѣ, чужда этимъ вопросамъ и скорбямъ, и беретъ жизнь, какъ она есть, не мудрствуя лукаво и сама ничуть не становясь отъ того пошлою. Пессимисту отрадно было отдохнуть отъ своихъ душевныхъ мукъ на созерцаніи,—на усвоеніи себѣ здороваго, свѣтлаго оптимизма, представляемаго Соломинымъ.

Не знаю, имѣлъ ли Тургеневъ для изображенія Соломина въ своемъ распоряженіи «натуру» (какъ для Базарова),—встрѣчалъ-ли онъ людей соломинскаго типа. Но несомнѣнно одно: отдѣльныя, разрозненныя черты этого типа хорошо были извѣстны ему: онъ ихъ неоднократно могъ наблюдать въ великорусскомъ народѣ. Такъ-называемая «сметка» и «себѣ на умѣ», характерная черта великорусса, немного идеализированная, расширенная, облагороженная образованіемъ, легко претворяется въ умъ Соломина. Способность и любовь ко всему прикладному, техническому, практическій смыслъ, наконецъ, своеобразный дѣловой идеализмъ—все это народныя великорусскія черты, и Соломинъ—вѣрный ихъ представитель.

Первыя впечатлѣнія и наблюденія, которыя впоследствии должны были дать матеріаль или отправныя точки для созданія Соломина, были собраны Тургеневымъ еще въ раннюю пору его творчества, когда онъ присматривался

къ народнымъ типамъ и старался уловить характерную складку великорусскаго народнаго ума. Нѣкоторыя изъ этихъ наблюденій и пригодились ему—когда онъ впервые обдумывалъ типъ Соломина. Такимъ образомъ, я склоненъ думать, что между «Записками Охотника», этой по преимуществу народной великорусской книгою, и созданиемъ фигуры Соломина есть нѣкоторая связь, хотя, быть можетъ, самъ художникъ и не сознавалъ ея. Если бы у Тургенева было такое пристрастiе къ генеалогiямъ, какъ у Золя, и онъ, подобно послѣднему, устанавливалъ бы родственныя связи между своими героями съ цѣлью показать передачу наслѣдственныхъ чертъ, то онъ могъ бы смѣло вывести Соломина изъ рода однодворца Овсянникова, сдѣлавъ его, напр., внукомъ его племянника—Мити.

Д. Овсяннико-Куликовскiй.

* * *

*) Великое значенiе, какое Тургеневъ придаетъ личности Соломина, ясно съ перваго же появленiя этого героя на сцену. Это впечатлѣнiе—силы и неотразимой привлекательности. Отъ насмѣшника и скептика Паклина до убогой Фимушки всѣ чувствуютъ, что предъ ними существо высшей породы. Фабричныя искренно любятъ его и глубоко уважаютъ и въ то же время считаютъ своимъ. Его личность до такой степени внушительна и могущественна, что даже сановникъ Сипягинъ и необыкновенно ловкая барыня—его супруга—теряются предъ «этимъ фабричнымъ», а язвительный и примѣрно нахальный Калломѣйцевъ рядомъ съ Соломинымъ напоминаетъ какого-то жалкаго, придавленнаго гада. Самый честный и сердечный человекъ въ романѣ—Марiанна—съ первой же минуты безсознательно подчиняется обаянiю нравственной мощи, душевной простоты и яснаго спокойнаго ума этого удивительнаго самородка. Нежданову, всегда въ душѣ искреннему и правдивому, ничего не остается, какъ самому же

*) И. Ивановъ. „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ“. Спб. 1896 г.

раздѣлять чувства Маріанны къ Соломину, указывать ей на него, какъ на достойнаго спутника ея жизни.

«Честь и мѣсто!» шепчетъ онъ про себя, когда Соломинъ проходитъ въ комнату Маріанны.

Эти слова относятся къ побѣдѣ Соломина надъ Неждановымъ не только въ *романѣ*, но, что гораздо важнѣе, и въ *революціи*. Неждановъ долженъ отступить «на всѣхъ пунктахъ» и дать мѣсто дѣйствительной нравственной силѣ и настоящему политическому уму.

Романическая роль Соломина не представляетъ психологическаго интереса. Доброе сердце, ясная энергическая мысль, непреодолимая сила воли, — все это основныя черты идеальнаго героя для тургеневской женщины, и Маріанна совершенно естественно идетъ за Соломинымъ, какъ Елена пошла за Инсаровымъ.

Гораздо сложнѣе вопросъ о Соломинѣ, какъ общественномъ дѣятелѣ, какъ о выразителѣ извѣстныхъ общественныхъ политическихъ взглядовъ. На этой сторонѣ прежде всего была сосредоточена творческая работа автора, потому что Соломинъ долженъ воплотить въ своей личности *положительныя стремленія* сильнѣйшей и разумнѣйшей части русской молодежи.

Что именно Соломину, по замыслу автора, предназначена эта роль, ясно изъ самыхъ краснорѣчивыхъ сопоставленій.

Мы знаемъ жестокія нападки Тургенева на геніальнѣйшихъ юношей, на самообожателей-фразеровъ и его напутствія подвижникамъ будничнаго труда. Въ концѣ «Нови» тѣ же рѣчи говорятся по поводу Соломина. Говорить ихъ Паклинъ, играющій въ романѣ роль шута въ старинномъ смыслѣ слова, т.-е. высказывающій многіе личные взгляды автора.

Машуринъ не понимаетъ натуры Соломина, чуждой всякаго внѣшняго эффекта и шума, и Паклинъ горячо протестуетъ. Рѣчь его достойна полнаго вниманія: каждое выраженіе въ ней соотвѣтствуетъ открытымъ личнымъ заявленіямъ самого автора.

«Вы вотъ о Соломинѣ отозвались сухо. А знаете ли, что я вамъ доложу? Такіе, какъ онъ—они-то вотъ и суть

настоящіе. Ихъ сразу не раскусишь, а они настоящіе, повѣрьте, и будущее имъ принадлежитъ. Это—не герои; это даже не тѣ «герои труда», о которыхъ какой-то чудакъ, американецъ или англичанинъ, написалъ книгу для назиданія насъ, убогихъ; это—крѣпкіе, сѣрые, одноцвѣтные, народные люди. Теперь только такихъ и нужно! Вы смотрите на Соломина: уменъ какъ день и здоровъ какъ рыба... Какъ же не чудно! Вѣдь, у насъ до сихъ поръ ни души не было: коли ты живой человѣкъ, съ чувствомъ, съ сознаниемъ, такъ непременно ты больной! А у Соломина сердце-то, пожалуй, тѣмъ же болѣетъ, чѣмъ и наше, и ненавидитъ онъ то же, что мы ненавидимъ, да нервы у него молчатъ, и все тѣло повинуется; какъ слѣдуетъ... значить: молодецъ! Помилуйте: человѣкъ съ идеаломъ—и безъ фразы; образованный—и изъ народа; простой—и себѣ на умѣ... какого вамъ еще надо»...

Слѣдовательно, Соломинъ идеальная противоположность излюбленныхъ тургеневскихъ отрицательныхъ типовъ изъ образованнаго класса—лишнихъ людей и краснобаевъ на идейныя темы, жертвъ среды и героевъ эффекта.

Практическія стремленія Соломина, дѣйствительно, совершенно другія, чѣмъ русскихъ Гамлетовъ и преобразователей. Мы слышали объ этихъ стремленіяхъ отъ автора задолго до появленія *Нови*: школа, больница, нравственное сближеніе съ народомъ, черная работа культуры, въ родѣ расчесыванья волосъ шелудивому мальчику... А то, о чемъ мечтаютъ герои, вызываетъ у Соломина одно лишь чувство состраданія, и здѣсь его рѣчь будто продолженіе рѣчей Потугина.

Соломинъ говоритъ о Маркеловѣ:

«Въ этомъ дѣлѣ, что *онъ* затѣялъ, не только первые и вторые погибнуть, но и десятыя... и двадцатыя»...

Потугинъ возводитъ эту мысль въ общій принципъ современной общественной дѣятельности.

«Въ томъ-то и штука,—говоритъ онъ,—что нынѣшняя молодежь ошиблась въ расчетѣ. Она вообразила, что время прежней темной подземной работы прошло, что хорошо было старичкамъ отцамъ рыться на подобіе кротовъ, а

для насъ-де эта роль унизительна, мы на открытомъ воздухѣ дѣйствовать будемъ... Голубчики! и ваши дѣтки еще дѣйствовать не будутъ; и вамъ не угодно ли въ норку, въ норку, опять по слѣдамъ старичковъ».

Старичками, конечно, Потугинъ называетъ людей своего поколѣнія, т.-е. дѣятелей, работавшихъ ради великихъ реформъ. Соломинъ идетъ по слѣдамъ этихъ дѣятелей: онъ просвѣщаетъ народъ, облегчаетъ ему условія труда, лечитъ его отъ нравственныхъ и физическихъ недуговъ. Онъ превосходно знаетъ крестьянъ и въ то же время самъ выученикъ европейской цивилизаціи, готовъ, гдѣ требуетъ практическая польза и нравственный долгъ, свое дурное замѣнить европейскимъ хорошимъ и разумнымъ.

И этотъ фактъ вполне соотвѣтствуетъ личному идеалу Тургенева. Для него опытъ европейской культуры—неизбѣжная школа русскаго просвѣщеннаго человѣка и всего общества. Народность и цивилизація—два краеугольныхъ тургеневскихъ понятія—въ совершенной гармоніи воплощаются Соломинымъ, и ему «честь и мѣсто».

Но всѣ наши указанія до сихъ поръ только черты извѣстнаго міросозерцанія, отдѣльные параграфы общественной программы. Для выясненія теоріи этого достаточно, но для героя художественнаго романа безусловно мало: помимо идей, требуется *личность*, плоть и кровь, облекающая отвлеченное содержаніе цѣльной реальной жизнью.

Когда вышла первая часть романа, Тургеневъ писалъ: «въ этой первой части Соломинъ—*главное* лицо, едва очерченъ» *). Слѣдовало ожидать, что во второй части будетъ восполненъ пробѣлъ. Но драма Нежданова занимаетъ всю сцену, на долю Соломина остается весьма мало «мѣста», хотя и много «чести»: его всѣ слушаютъ и всѣ предъ нимъ благоговѣютъ. Не за идеи, конечно: Павелъ, Татьяна въ идеяхъ неповинны, Маріанна ихъ пока не знаетъ вполне, Неждановъ съ ними не согласенъ. Слѣдовательно, *личность* Соломина производитъ такое волшебное дѣйствіе, но ея-то мы и не видимъ. Она нѣчто въ родѣ луннаго при-

*) Письма, 309.

тяженія. О силѣ его можно судить только по морскимъ приливамъ, т.-е. по *отраженному дѣйствию*, а собственно на луну сколько угодно можно смотрѣть и не подозрѣвать ея могущества у насъ на землѣ. То же самое и Соломинъ.

«Отчего ему люди такъ преданы?»—спрашиваетъ Марианна у Нежданова, и не получаетъ отвѣта. Не получаемъ и мы—не отъ Нежданова, а отъ самого автора, хотя для насъ дѣло не въ прямомъ, словесномъ отвѣтѣ, а въ *общемъ психологическомъ впечатлѣніи*.

Оно — тревожно, смутно и безжизненно. Соломина мы видимъ будто въ перспективѣ, по тѣни, которая падаетъ отъ его мощной личности. И происходитъ это отъ очень простой причины.

Мы не видимъ Соломина живущимъ и дѣйствующимъ, а только говорящимъ—и то крайне мало. Правда, такіе люди неразговорчивы, но отчего бы намъ, на примѣръ, не знать со всѣми подробностями сцены, описанной въ слѣдующихъ лаконическихъ словахъ?

Соломинъ у Маркелова «почти все молчалъ»—«разъ только разсердился не на шутку и такъ ударилъ своимъ могучимъ кулакомъ по столу, что все на немъ подпрыгнуло, не исключая пудовой гирьки, пріютившейся возлѣ чернильницы. Ему рассказали о какой-то несправедливости на судѣ, о притѣсненіи рабочей артели»...

Со стороны человѣка «прохладнаго» этотъ эпизодъ довольно неожиданенъ,— и врывается онъ въ рассказъ какъ-то странно, оставляетъ впечатлѣніе штриха, искусственно придуманнаго «для оживленія картины». И такое впечатлѣніе объясняется тѣмъ, что мы не знаемъ Соломина, авторъ не раскрылъ намъ его души настолько, чтобы мы могли сразу освоиваться съ его дѣйствіями и рѣчами. Въ теченіе всего романа мы только наблюдаемъ, *какъ* проявляется Соломинъ, но *что* именно проявляется въ Соломинѣ—мы не знаемъ до конца, и отзывъ Паклина о немъ читаемъ почти съ тѣмъ же впечатлѣніемъ новизны, съ какимъ встрѣтили впервые самого Соломина. Прошла по нашему горизонту какая-то громадная тѣнь, бросаетъ ее на насъ человѣкъ будущаго, представитель цѣлой общественной

Зелинскій. Критика о Тургеневѣ.

полосы, которой и конца не видно; такъ насъ увѣряетъ авторь... И могъ ли онъ послѣ этого отдать сцену своего романа другому, заранѣе осужденному на безпомощную гибель, т.-е. агоніи и смерти, и человѣка жизни и побѣды показать только въ видѣ контраста жалкому мещателю?

Это могло произойти отчасти по обстоятельствамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ намѣреніями и творческой силой автора, но, несомнѣнно, есть и другія причины.

Мы только-что указали на сцену, повергающую насъ въ нѣкоторое недоумѣніе. Такихъ сценъ въ романѣ не одна. Напримѣръ, какъ объяснить слѣдующее: Соломинъ—дѣятель съ прямыми и окончательно опредѣлившимися взглядами—можетъ слушать «даже съ уваженьемъ» разговоры такихъ глубокомысленныхъ революціонеровъ, какъ Неждановъ и Маркеловъ, и о чемъ же?—«какъ приступить, какъ привести планъ въ дѣйствиіе!..» Молчать еще возможно изъ вѣжливости, или—съ совершенно естественной соломинской точки зрѣнія—изъ сострадательнаго пренебреженія, но—чувствовать уваженіе! И это при умѣ Соломина, при его способности въ одно мгновеніе понимать людей и обстоятельства!..

Очевидно, авторъ грѣшитъ въ сторону излишняго добросердечія Соломина, доходя до предѣловъ комической наивности.

Дальше. Соломинъ съ перваго взгляда чувствуетъ «участіе, почти нѣжность» къ Нежданову, отлично знаетъ весь безумный и безцѣльный рискъ его пропаганды, не можетъ не видѣть и своего авторитета надъ нимъ, и все-таки, безъ малѣйшихъ возраженій, совѣтовъ—допускаетъ его продѣлывать водевильные, но по существу трагическіе опыты въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Положимъ, слѣдуетъ дать возможность молодому человѣку поучиться, «понюхать немножко воздуха», но за чѣмъ же изъ науки дѣлать своего рода крестный путь? Маріанну, вѣдь, убѣждаетъ Соломинъ и съ ней онъ очень «разговорчивъ»—не потому ли, что ее «очень любитъ», а къ Нежданову только чувствуетъ «участіе?» Относительно разговорчивости, впро-

чемъ, это подтверждаетъ и самъ Соломинъ. Слѣдовательно, выводъ ясенъ: у Соломина отнюдь не такая высокая душа, какъ это кажется большинству героевъ романа и самому автору. На такой выводъ авторъ, конечно, не считывалъ. Не погрѣшилъ ли онъ слишкомъ относительно соломинскаго «уравновѣшеннаго характера», «спокойной крѣпкой силы», доведя ее почти до предѣловъ безчувствія или очень тонкой политики?

Въ самомъ дѣлѣ,—если Тургенева обвиняли за карточныя неудачи Базарова, насколько же естественнѣе можно заподозрить Соломина въ расчетѣ путемъ невмѣшательства, или, по своему временному, «непротивленія злу»—отдѣлаться отъ Нежданова и приобрести себѣ невѣсту въ лицѣ дѣвушки, которую онъ «очень любитъ»?

При нѣкоторомъ желаніи доказать эту мысль, можно набрать не мало фактовъ. Прежде всего Неждановъ прямо говорить Маріаннѣ: «Я мѣшаю тебѣ... ему»... Потомъ Соломинъ, едва скончался Неждановъ, немедленно приглашаетъ Маріанну:

«Все готово, Маріанна; поѣдемъ. Надо исполнить его волю»...

И свадьба совершается.

А потомъ такія художественно отмѣченныя авторомъ мелочи какъ, на примѣръ, осмотръ Соломинымъ замка у двери Маріанны и вопросъ: «Запираетъ ли ключъ»,—вопросъ настолько многозначительный, что заставляетъ Маріанну прошептать отвѣтъ и долго не поднимать глазъ...

Все это при обычной сдержанности и джентльменствѣ Соломина выходитъ очень краснорѣчиво и даже эффектно, и искусному адвокату не стоило бы большого труда обвинить Соломина въ трагической участи Нежданова.

Мы отнюдь не имѣемъ въ виду этой цѣли, потому что твердо убѣждены въ идеальной роли Соломина, какъ героя романа, и какъ человѣка, по представленію автора. Мы только хотимъ указать, на какой шаткой почвѣ построена роль, какъ не опредѣленны и часто двусмысленны черты, составляющія замѣчательную личность «главнаго героя». Таковъ можетъ быть результатъ двухъ причинъ:

или авторъ, всегда творившій на основаніи наблюдений, не имѣлъ предъ глазами достаточно яркаго и совершеннаго прототипа, или не успѣлъ свои наблюдения и идеи слить въ цѣльный живой образъ.

И. Ивановъ.

М а р і а н н а .

*) Героиня «Нови» Маріанна «сдѣлана» Тургеневымъ и притомъ сдѣлана въ прикрашенномъ видѣ, кажется, не соответствующемъ той дѣйствительности и той средѣ, типическою представительницею которыхъ она, по замыслу автора, должна служить. Какъ и въ компановкѣ образа Елены, нашъ художникъ для созданія или, скорѣе сочиненія образа Маріанны, прихватилъ много красокъ у иностранныхъ беллетристовъ. Точно такъ же, какъ и героиня романа «Наканунѣ», Маріанна, если разсмотрѣть повнимательнѣе ея сущность, представляетъ собою очень сомнительную гражданку, тѣмъ болѣе революционерку. Всѣ ея циническіе замыслы сводятся на то, что она порываетъ связь съ барской средой, въ которой находилась въ зависимомъ и тяжеломъ положеніи, и уходитъ за агитаторомъ, къ которому почувствовала влеченіе. Всѣ ея стремленія къ «опрощенію» и всѣ ея агитаторскіе подвиги исчерпываются тѣмъ, что она переодѣвается въ простонародный костюмъ да, въ качествѣ мнимой «чумички», «моетъ горшки и щиплетъ куръ», какъ посовѣтоваль ей это дѣлать Соломинъ, въ видѣ подготовки къ «спасенію отечества». Все это, конечно, скорѣй забавно, чѣмъ героично.

В. Буренинъ.

* * *

**) Отецъ Маріанны былъ сосланъ за позаимствованіе изъ казеннаго сундука въ Сибирь. Дядя Сипягинъ приютилъ Маріанну у себя, но она всегда тяготилась этимъ

*) В. Буренинъ. „Литературная дѣятельность Тургенева“. Спб. 1884 г.

**) П. Михайловскій „Отечественныя записки“. 1877 г., № 2. Статя, подъ названіемъ: „Записки Профана“.

покровительствомъ, съ болью помнила, что она — «дочь обезпеченнаго отца», что она живетъ изъ милости, и что госпожа Сипягина есть ея «покровительница», хотя и «невольная». И вотъ эта гордая, оскорбленная, озлобленная дѣвушка, представляющая нѣчто въ родѣ кучи горячаго матеріала, которая ждетъ только искры со стороны, чтобы вспыхнуть — сталкивается съ Неждановымъ, тоже гордымъ, оскорбленнымъ и озлобленнымъ. Въ одну изъ своихъ свѣтлыхъ минутъ, Неждановъ, подмываемый любовью къ Маріаннѣ и вообще «взвинченный», какъ выражается объ немъ г. Тургеневъ, краснорѣчиво, съ жаромъ раскрываетъ свои революціонные тайны и планы... Съ этой минуты Маріанна становится ревностнымъ адептомъ ученій кружка Нежданова, доходя при этомъ даже до совершенной глупости, потому что впоследствии постоянно приста-етъ къ Соломину: когда же вы насъ пошлете? да скоро ли вы намъ прикажете идти? А тому и посылать некуда и приказывать нечего! Какъ бы то ни было, но вотъ единственное мѣсто во всемъ романѣ, гдѣ г. Тургеневъ пытается выяснитъ интересный моментъ пробужденія извѣстныхъ стремленій. Не много. Но и это немногое сводится, въ концѣ концовъ, къ случайнымъ обстоятельствамъ личной жизни Маріанны, къ ея несчастной семейной обстановкѣ.

Н. Михайловскій.

* * *

*) Въ «Нови» мы опять встрѣчаемъ излюбленный типъ Тургенева, — типъ русской женщины, рвущейся въ широкій и дальній кругъ дѣятельности, видимъ новую Елену, какъ будто бы отыскавшую себѣ русскаго Инсарова... Маріанна вмѣстѣ съ Неждановымъ надѣваетъ народное платье, чтобы въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ *опроститься*, а этотъ неблагодарный народъ видитъ въ нихъ только ряженыхъ! Остается только ожесточиться противъ этого низкаго народа вмѣстѣ съ «великимъ» Губаревымъ, вмѣстѣ съ нимъ

*) О. Миллеръ. „Женскіе образы у Тургенева“. „Русское Богатство“ 1883 г., № 12. Также „Русскіе писатели послѣ Гоголя“. Спб. 1890 г.

завопить: «мужицье поганое!.. бить ихъ надо!»—Да, надо бить, тузить—за то, что они не осмѣливаются итти за нами. Но на это, разумѣется, неспособна Маріанна, неспособенъ и ея бѣдный радикальный Гамлетъ. Напрасно онъ увѣряетъ ее, что «ложь была въ немъ (въ его, какъ выражается онъ, *эстетикѣ*), а не въ томъ, чему она вѣрится». Нѣтъ, ложь и въ томъ, во что вѣрится она, во что вѣрилъ, но пересталъ уже вѣрится и онъ—во всей постановкѣ ихъ отношеній къ народу. А вѣрится онъ пересталъ потому, что это ихъ *то*—не инсаровское. Оно не придаетъ крѣпости, почерпнутой Инсаровымъ лишь въ увѣренности, что «последній мужикъ, последний нищій въ Болгаріи и онъ—желалъ одного и того же».

Со смертью Нежданова Маріаннѣ остается Соломинъ—указавшій ей на «шелудиваго мальчика». Самъ же онъ—артельный дѣятель на фабрикѣ, т. е. своего рода, только съ русской фамиліей, Гончаровскій Штольць, въ то же время однако заигрывающій съ «пропагандою». Но если онъ все же Штольць,—т. е. въ немъ слишкомъ уже выдается практическая жилка, то не должна ли Маріанна оказаться новою, цѣлою головою его переросшею, Ольгою? Не даромъ же самъ Соломинъ говорилъ Маріаннѣ: «Все вы, русскія женщины, дѣльнѣе и выше насъ мужчинъ».

Въ этомъ случаѣ устами его говорить, конечно, самъ Тургеневъ. Но—странное дѣло—онъ постоянно заставляетъ русскую женщину искать себѣ опоры въ какомъ-нибудь Онѣгинѣ! Правда, Одинцова въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» слишкомъ горда, чтобы искать себѣ въ комъ-нибудь опоры, но за то, вѣдь, у нея, по ея словамъ, и «цѣли нѣтъ»; ей за то «и не хочется итти», въ ней «нѣтъ желанія, охоты жить», до того она «себя заморозила», по словамъ Базарова.

О. Миллеръ.

* * *

*) Такъ же, какъ Неждановъ, случайнымъ явленіемъ въ массѣ революціонной молодежи оказывается и Маріанна. На-

прасно Тургеневъ противопоставляетъ Маріанну ея теткѣ, Валентинѣ Михайловнѣ Сипягиной, — онѣ обѣ сдѣланы изъ одного тѣста, обѣ движутся пружинами мелочного самолюбія и тщеславія, обѣ болѣе всего дорожатъ всяческимъ комфортомъ. И если Маріанна увлекается новыми идеями и новыми людьми, то лишь потому, что ея эгоизмъ, тщеславіе и самолюбіе, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ ея жизни, получили направленіе въ эту сторону. Тургеневъ совершенно понималъ, что дѣвушку, воспитанную въ атмосферѣ Сипягинскаго дома, могли толкнуть въ революцію только особыя обстоятельства. Особыми обстоятельствами онъ и объясняетъ исторію Маріанны.

«Положеніе Сенецкой (фамилія Маріанны) въ домѣ Сипягиныхъ было довольно тяжелое», читаемъ мы въ романѣ. — «Ея отецъ, очень умный и бойкій человекъ польскаго происхожденія, дослужился до генеральскаго чина, но сорвался вдругъ, уличенный въ громадной казенной кражѣ; его судили... осудили, лишили чиновъ, дворянства, сослали въ Сибирь. Потомъ простили... вернули. Но онъ не умѣлъ выкарабкаться вновь, и умеръ въ крайней бѣдности. Его жена, родная сестра Сипягина, мать Маріанны (кромѣ нея у нея не было дѣтей) — не перенесла удара, разгромившаго все ея благосостояніе, и умерла вскорѣ послѣ мужа. Дядя Сипягинъ пріютилъ Маріанну у себя въ домѣ. Но жить въ зависимости было ей тошно; она рвалась на волю всѣми силами неподатливой души — и между ея теткою и ею кипѣла постоянная хотя скрытая борьба».

Маріанна — дѣвица недалекая, умственно-ограниченная, но себѣ на умѣ, натура бездарная, вся проѣденная насквозь тупымъ самолюбіемъ, тщеславная до болѣзненности, завистливая и мелочно-злобная: это нѣкоторая разновидность Елены изъ *Наканунъ* — но совершенно уже противная. Пококетничавъ съ революціей, она «пристраивается», выйдя замужъ за Соломина — такъ что въ картинѣ «хожденій въ народъ» не играетъ почти никакой роли.

Ю. Николаевъ (*Говоруха-Отрокъ*).

* * *

*) Въ Марианнѣ изъ «Нови» мы видимъ то же стремленіе къ широкой альтруистической дѣятельности, ту же жажду дѣятельнаго добра, передъ которой смолкаетъ все личное эгоистическое. Марианна смѣшна въ своемъ нарядѣ «опростѣлой» женщины, — она наивна въ своемъ незнаніи народа и во взглядѣ на тѣ средства, которыми она намѣрена пользоваться, идя на служеніе народу, — но она, несомнѣнно, возвышается надъ всѣми нашими російскими гамлетами, начиная съ Нежданова, той вѣрой, съ которой она отдается своему дѣлу, той цѣльностью стремленій, которая не знаетъ колебаній, той стойкостью убѣжденій и намѣреній, которая отражается въ каждомъ ея отдѣльномъ поступкѣ.

К. Чернышевъ.

Сипягинъ.

**) Какъ живой встаетъ передъ вами этотъ «важный сановникъ», съ виду такой благовоспитанный, приличный, такой гуманный и краснорѣчиво-либеральный, а въ сущности сухой и безсердечный эгоистъ, влюбленный въ себя Нарциссъ, вѣчно позирующій, — позирующій даже за семейными обѣдами съ глазу на глазъ съ своей Мадонной, свободный отъ всякихъ идей и убѣжденій, безъ всякаго внутренняго содержанія, заискивающій передъ «власть имѣющими», лицемѣрно-льстивый съ нужными людьми и нахально-грубый съ низшими или съ тѣми, кто пересталъ быть ему нужнымъ. Онъ воображаетъ себя образцовымъ хозяиномъ и въ то же время не имѣетъ о хозяйствѣ ни малѣйшаго понятія, и думаетъ только о томъ, какъ бы загрести жаръ чужими руками. Онъ считаетъ себя хорошимъ отцомъ, но въ сущности всѣ его отеческія отношенія сводятся къ пустозвоннымъ фразамъ о «пользѣ науки» и о

*) К. Чернышевъ. „Лишніе люди и женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ И. С. Тургенева“. Спб. 1896 г.

**) П. Никитинъ. (П. Ткачовъ). „Дѣло“ 1887 г., № 2.

необходимости служенія, «во-первыхъ, семьѣ, во-вторыхъ, — сословію, въ третьихъ, — народу, въ четвертыхъ, — правительству». Онъ твердо убѣжденъ въ своей политической и административной мудрости, но вся эта мудрость состоитъ въ умѣнны говорить чепуху, не запинаясь и съ апломбомъ. Изолгавшійся лицомъ, онъ, смотря по обстоятельствамъ, то разыгрываетъ изъ себя роль будирующаго либерала, то полицейскаго сыщика. Въ одно и то же время онъ кокетничаетъ съ Неждановымъ и пріятельски жметъ руку своему вѣрному другу Калломѣйцеву.

П. Никитинъ (П. Ткачевъ).

* * *

*) Г. Сипягинъ просто великолѣпенъ въ своемъ благонамѣренномъ либерализмѣ. Это олицетвореніе петербургскаго прогрессиста, у котораго барскія, аристократическія стремленія соединяются съ канцелярскимъ «просвѣщеніемъ». Онъ воображаетъ, что обладаетъ необыкновенной пронипательностью и сочувствіемъ прогрессивнымъ идеямъ времени, и между тѣмъ ничего не видитъ дальше своего носа, дальше канцелярскаго прогресса, и сочувствуетъ только звону умѣренно-либеральныхъ фразъ. Какъ хорошъ господинъ Сипягинъ, какъ онъ весь выливается въ своей рѣчи за обѣдомъ, когда желаетъ порисоваться передъ Соламинымъ, въ лучахъ своей прогрессивности, своего просвѣщеннаго либерализма и въ то же время желаетъ «положить предѣлъ» крайностямъ радикаловъ. «Съ одной стороны, онъ похвалилъ консерваторовъ, — а съ другой, одобрилъ либераловъ, отдавая симъ послѣднимъ преферансъ и причисляя себя къ ихъ разряду; превознесъ народъ, но указалъ на нѣкоторыя его слабыя стороны; выразилъ полное довѣріе къ правительству — но спросилъ себя: исполняютъ ли всѣ подчиненные его благія предначертанія? Призналъ пользу и важность литературы, но объявилъ, что безъ крайней осторожности она немислима! Взглянулъ

*) В. Буренинъ. „Литературная дѣятельность Тургенева“. Спб. 1884 г.

на Западъ: сперва порадовался—потомъ усомнился; взглянулъ на Востокъ: сперва отдохнулъ—потомъ воспрянулъ! И, наконецъ, предложилъ выпить тостъ за процвѣтаніе тройственнаго союза: религіи, земледѣлія и промышленности». И когда болѣе его укоренившійся въ фORMALЬНОЙ благонамѣренности г. Калломѣйцевъ считаетъ нужнымъ строго прибавить, что религія, земледѣліе и промышленность должны процвѣтать не иначе, какъ «подъ эгидой власти», прогрессивный г. Сипягинъ поправляетъ его такъ: «подъ эгидой мудрой и снисходительной власти», однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ представителей которой, онъ считаетъ самого себя. Въ этомъ затрапезномъ спичѣ передъ вами является если не превосходный типъ, то превосходный образчикъ тѣхъ «почти государственныхъ» фразеровъ, которыхъ развелось въ новѣйшія времена у насъ такъ много и которые, благодаря своему фразерству и главнымъ образомъ «чистотѣ своей совѣсти», выложенной и покрытой, по выраженію одного изъ радикаловъ «Нови», петербургскимъ лакомъ, столь увѣренно созидаютъ свои карьеры и столь безмятежно наслаждаются своимъ благонамѣреннымъ благополучіемъ... пока не попадутъ въ просакъ или не запутаются въ какомъ-нибудь хищеніи. «Чистая совѣсть» господъ Сипягиныхъ не препятствуетъ имъ эксплуатировать въ свою пользу и казну и народъ, въ познаніи котораго они такъ сильны, что петербургскія высокопоставленныя, вліятельныя дамы восклицаютъ про господъ сипягинскаго жанра: «Comme il connait bien les moeurs de notre peuple», а петербургскіе высокопоставленные, вліятельные чиновники прибавляютъ: «les moeurs et les besoins». Чистая совѣсть этихъ господъ не мѣшаетъ имъ, будучи слугами «власти», заигрывать «на всякій случай» съ радикалами, въ родѣ того, какъ у насъ разные доморощенные атеисты «на всякій случай» вѣрятъ въ будущую жизнь. Заигрываніе это, впрочемъ, остается «въ предѣлахъ», и когда радикализмъ слишкомъ уже компрометируетъ себя, Сипягины первые спѣшатъ распорядиться доставленіемъ «куда слѣдуетъ» скомпрометированныхъ радикаловъ, спѣшатъ это сдѣлать, конечно, столько же изъ

чувства долга, сколько ради того, чтобы ихъ «благородные поступки были доведены до свѣдѣнія министра», какъ говоритъ губернаторъ, которому Сипягинъ самолично доставляетъ одну изъ «вѣтвей» заговора, раскрытаго имъ, злосчастную и невинную «вѣтвь», въ лицѣ резонера романа Паклина.

В. Буренинъ.

* * *

*) Сипягинъ, по рѣзкому, но въ сущности справедливому слову Маріанны,—не человѣкъ, а чиновникъ; а по остроумному опредѣленію Нежданова въ письмѣ къ Силину, онъ—баринъ учтивый и либеральный: «все снисходить, все снисходить—а то вдругъ возьметъ и воспаритъ: преобразованный мужчина!»—Сипягинъ играетъ въ либерализмъ, и на этомъ, а также на псевдо-народности своихъ стремленій и вкусовъ строить свою карьеру. — Зная о взглядахъ Нежданова, онъ пригласилъ его, однако, въ учителя къ своему сыну, и въ спорѣ Нежданова съ Калломѣйцевымъ, также какъ и послѣдняго съ Соломинымъ, старается показать себя стоящимъ выше крайностей, воображаетъ себя примиряющимъ непримиримое и пугающимъ противниковъ силою своего авторитета:

«Онъ зналъ латинскій языкъ (говоритъ поэтъ), и Виргилиевское: Quos ego! (я васъ!) не было ему чуждымъ. Сознательно онъ не сравнивалъ себя съ Нептуномъ; но какъ-то сочувственно вспоминалъ о немъ».

Когда пренія Калломѣйцева и Соломина приняли рѣзкій характеръ,—Сипягинъ

(понялъ (разсказываетъ Тургеневъ), что наступила минута положить, такъ-сказать, предѣлъ... остановить! И онъ положилъ предѣлъ; онъ остановилъ! Помахивая кистью правой руки, локоть которой оставался опертымъ о столъ, онъ произнесъ длинную, обстоятельную рѣчь...

Сипягинъ вообще охотникъ произносить «списчи» и претендуетъ на краснорѣчіе.

*) А. Незеленовъ. „Тургеневъ въ его произведеніяхъ“. Спб. 1885 г.

Поддѣлываясь къ духу времени, Сипягинъ любилъ «щегольнуть нѣкоторыми изреченіями, долженствовавшими доказать, что и онъ самъ — не только русскій человѣкъ, но «русакъ», и близко знакомъ съ самой сутью народной жизни! Такъ, на примѣръ, на замѣчаніе Калломѣйцева, что дождь можетъ помѣшать уборкѣ сѣна, онъ немедленно отвѣчалъ, что «пусть будетъ сѣно черно — за то греча бѣла»; употребилъ также поговорки, въ родѣ: «товаръ безъ хозяина сирота», «десять разъ примѣръ, одинъ разъ отрѣжь»; «когда хлѣбъ, тогда и мѣра»... Правда, иногда съ нимъ случалось, что онъ вдругъ промахнется и скажетъ, на примѣръ: «знай куликъ свой шестокъ!» или «красна изба углами!» Но общество, въ средѣ котораго эти бѣды съ нимъ случались, большею частью и не подозрѣвало, что тутъ «*notre bon rusakъ*» далъ промахъ...

А. Незеленовъ.

* * *

*) Сипягины, Калломѣйцевъ... что о нихъ сказать? Несмотря на огромное мѣсто, занимаемое ими въ романѣ, они лишь на половину живые люди, а на половину фикція, изображающая старую барскую Русь, ненавистникомъ которой авторъ непременно желаетъ заявить себя. Какъ типы, они удачно схвачены съ внѣшней стороны; какъ фикція—они, такъ сказать, памфлетны и въ общемъ довольно ничтожны, чтобы служить вмѣстительствомъ столь необъятной антипатіи, какую обнаруживаютъ къ нимъ остальные дѣйствующія лица романа. Во всякомъ случаѣ они очень не новы, они уже фигурировали въ сотняхъ повѣстей и въ тысячахъ петербургскихъ фельетоновъ, начиная съ фельетоновъ покойнаго «Новаго Поэта».

Едва ли, впрочемъ, они и могли быть другими, при той странной обстановкѣ, въ которой они являются въ «Нови». Они живутъ въ совершенной, въ невѣроятной пустотѣ. Масса провинціального люда, которая въ дѣйствительности

*) Статя А. (В. Г. Авсѣенко). „Русскій Вѣстникъ“. 1877 г., № 2.

должна бы была окружать ихъ, куда-то совсѣмъ исчезла. Читая романъ, можно подумать, что нынѣшнее провинціальное общество наше состоитъ только изъ «гранжанровъ» петербургской бюрократіи, наѣзжающихъ туда лѣтомъ, изъ губернатора съ адъютантомъ (?) и членовъ тайнаго революціоннаго общества. Затѣмъ, ни между этими двумя враждебными лагерями, изъ которыхъ въ воображеніи г. Тургенева состоитъ нынѣшняя Россія, ни вокругъ нихъ—нѣтъ ровно ничего. Ни одна изъ живыхъ, дѣйствующихъ силъ современнаго русскаго общества не присутствуетъ въ романѣ. Авторъ какъ будто намѣренно избѣгаетъ имѣть дѣло съ живыми людьми.

В. Австенко.

К а л л о м ѣ й ц е в ъ .

*) Господинъ Калломѣйцевъ тоже въ своемъ родѣ не менѣе Сипягина интересный представитель новыхъ вѣяній въ сферѣ російской благонамѣренности. Это по-просту одинъ изъ прилизанныхъ и приглаженныхъ, трусливыхъ въ душѣ, но не лишенныхъ наглости хлыщей, которые, по его собственному игривому выраженію, признаютъ единственные два принципа «кнутъ и редереръ», и имѣютъ одно несомнѣнное стремленіе «пугнуть и поприжать». Какъ живая выходитъ у Тургенева эта гладенькая фигурка «великосвѣтскаго чиновника» и «высокообразованнаго дворянина» новѣйшаго покроя, считающаго Наполеона III «молдцомъ», гордящагося подлымъ «патріотизмомъ» бонапартистскаго закала и громко изъявляющаго желаніе «раздробить, превратить въ прахъ всѣхъ тѣхъ, которые сопротивляются чему бы и кому бы то ни было», а главное сопротивляются негодяйству, хищенію, жадной эксплуатаціи, подлости и пошлости господъ Калломѣйцевыхъ. Подобнаго рода «призванные», безцеремонные ретрограды изъ юныхъ администраторовъ, гордящіеся ретроградствомъ, ста-

*) В. Буренинъ. „Литературная дѣятельность Тургенева“. Слб. 1884 г.

вящіе его себѣ въ честь, народились у насъ лѣтъ пятнадцать назадъ. Въ періодъ конца шестидесятыхъ годовъ, когда происходитъ дѣйствіе тургеневскаго романа, они еще были въ зачаточномъ состояніи, мелькали довольно рѣдко и не проявляли себя съ надлежащею искренностью и безшабашностью. Но уже и въ то время опытный и проницательный глазъ художника прозрѣлъ эту новую тлю русской жизни, намѣтилъ всѣ основные признаки ея вида и присоединилъ ее къ своей превосходной и разнообразной коллекціи для изученія будущимъ поколѣніямъ. Теперь господа Калломѣйцевы разродились во множествѣ и, право, въ нашей интеллигентной средѣ едва ли отыщется типъ противнѣе этихъ молодыхъ лакеевъ ретроградства, плотоядныхъ, наглыхъ, проникнутыхъ ненавистью и злостью ко всему, что носитъ въ себѣ стремленія честнаго демократизма, въ чемъ сказывается возрождающая сила жизни. Теперь они, по извѣстной поговоркѣ, до того разваливаются ногами на столъ, что завели даже себѣ въ журналистикѣ весьма характерный органъ самаго прямолинейнаго ретроградства, органъ немножко юродивый, однако, не лишенный усердія, если не въ политическомъ, то въ полицейскомъ смыслѣ...

В. Буренинъ.

* * *

*) Въ качествѣ чистокровнаго аристократа, а больше, впрочемъ, по другимъ причинамъ, Калломѣйцевъ считалъ себя призваннымъ безсмѣнно стоять якобы на стражѣ всѣхъ великихъ принциповъ, охранять и защищать ихъ даже въ томъ случаѣ, когда никто не просилъ его объ этомъ,—однимъ словомъ, ежеминутно устремляться на спасеніе отечества отъ какихъ-то «внутреннихъ враговъ». Разумѣется, онъ пользовался репутаціею «надѣжнаго и преданнаго», хотя, какъ выражалось о немъ одно изъ свѣтилъ петербургскаго чиновничьяго міра, («un peu trop... féodal dans ses opinions»)... Къ земству онъ относился весьма неодобрительно.

*) П. Никитинъ (П. Ткачовъ). „Дѣло“ 1877 г., № 2.

«Это земство, восклицалъ онъ, — къ чему оно? Только ослабляетъ администрацію и возбуждаетъ... лишнія мысли и несбыточныя надежды»... Когда же ему замѣчали, что, высказывая подобныя идеи, онъ становится въ оппозицію съ начальствомъ, онъ говорилъ: «Я? Въ оппозицію? Никогда! Ни за что! «*Mais j'ai mon franc parler.* Я иногда критикую, но покоряюсь всегда!» Для разрѣшенія женскаго вопроса предлагалъ назначить при министерствѣ особую комиссію, но говорить о немъ, и въ особенности говорить печатно, по его мнѣнію, слѣдовало бы «воспретить, безусловно воспретить». Вполнѣ сочувствовалъ онъ тосту, произнесенному однимъ его пріятелемъ за имениннымъ банкетомъ: «Пью за единственные принципы, которые признаю: за кнутъ и за редегеръ!» И дѣйствительно, на практикѣ онъ никакихъ другихъ принциповъ и не признавалъ.

II. Никитинъ (П. Ткачевъ).

* * *

*) Безподобно обрисована въ романѣ комическая фигура Калломъйцева. Какъ Сипягинъ рисуется своимъ либерализмомъ, такъ этотъ своимъ мнимымъ консерватизмомъ, за которымъ кроется простое себялюбіе, тщеславіе и боязнь убытковъ.

Стоило (разсказываетъ поэтъ) кому-нибудь чѣмъ-нибудь задѣть Семена Петровича, задѣть его консерваторскіе, патріотическіе и религіозные принципы, — о! тогда онъ дѣлался безжалостнымъ! Все его изящество испарялось мгновенно; нѣжныя глазки зажигались недобрымъ огнемъ; красивый ротикъ выпускалъ некрасивые слова — и взывалъ, съ пискомъ взывалъ къ начальству».

Калломъйцевъ очень недоволенъ, какъ и генералы «Дыма», реформами императора Александра.

«Это земство! Къ чему оно? (разсуждаетъ онъ съ Валентиной Михайловной). Только ослабляетъ администрацію

*) А. Незеленовъ. „Тургеневъ въ его произведеніяхъ“. Спб. 1885 г.

и возбуждаетъ... лишнія мысли... (Калломѣйцевъ поболталъ въ воздухѣ обнаженной лѣвой рукой, освобожденной отъ давленія перчатки)... и несбыточные надежды (Калломѣйцевъ подулъ себѣ на руку). Я говорилъ объ этомъ въ Петербургѣ... mais, bah! Вѣтеръ не туда тянетъ».

Калломѣйцевъ—и противъ народнаго образованія, народныхъ школъ. Онъ разсказалъ за обѣдомъ у Сипягиныхъ, «какъ, посѣтивъ однажды народную школу, онъ поставилъ ученикамъ вопросъ: Что есть строфокамилъ? И такъ какъ никто не умѣлъ отвѣтить, ни даже самъ учитель, то онъ, Калломѣйцевъ, поставилъ другой вопросъ: Что есть пиѳикъ?—при чемъ привелъ стихъ Хемницера: «И Пиѳикъ слабоумъ, писатель звѣрскихъ лицъ!» И на это ему никто не отвѣтилъ.—Вотъ вамъ и народная школа!» побѣдоносно заключилъ онъ.

Ретроградство Калломѣйцева доходитъ до цинизма: «онъ договорился, наконецъ, до того (разсказываетъ поэтъ), что привелъ—правда въ видѣ шутки—тостъ одного знакомаго ему барина, за нѣкоторымъ имениннымъ банкетомъ: «Пью за единственные принципы, которые признаю—воскликнулъ этотъ разгоряченный помѣщикъ—за кнутъ и за Редереръ!»

Въ другой разъ Калломѣйцевъ, за обѣдомъ, «обхвативъ, по-модному, большой бѣлый хлѣбъ обѣими руками и переламывая его пополамъ надъ тарелкой супа, какъ это дѣлаютъ завзятые парижане въ Café Riche», изъявилъ желаніе

«раздробить, превратить въ прахъ всѣхъ тѣхъ, которые сопротивляются—чему-бы и кому-бы то ни было!»

Калломѣйцевъ хвалится своимъ чуткимъ носомъ:

«Я еще въ бытность мою чиновникомъ по особымъ порученіямъ у московскаго генераль-губернатора—avec Ladislas — наострился на этихъ господъ—на красныхъ, да вотъ еще на раскольниковъ. Чутьемъ, бывало, беру верхнимъ. Тутъ Калломѣйцевъ «кстати» разсказалъ, какъ онъ однажды, въ окрестностяхъ Москвы, поймалъ за клобукъ старика-раскольника, на котораго нагрязнулъ съ полиціей и

«который едва было не выскочилъ изъ окна избы... И такъ до той минуты смирно сидѣлъ на лавкѣ, бездѣльникъ!»

Калломъйцевъ забылъ прибавить (говорить поэтъ), что этотъ самый старикъ, посаженный въ тюрьму, отказался отъ всякой пищи—и уморилъ себя голодомъ».

Неспособный уважать чужія религіозныя убѣжденія, Калломъйцевъ считаетъ нужнымъ, однако, для виду, и конечно не искренно, для манифестаціи передъ Соломинымъ, смутить встрѣтившагося сельскаго священника, звучно поцѣловавъ (послѣ благословенія) его потную, красную руку.

Ladislav, упомянутый Калломъйцевымъ, какъ его товарищъ по службѣ, не сходитъ у него съ языка. Этотъ пресловутый Ladislav, по его словамъ,

«собирается написать романъ изъ большого свѣта... Это будетъ прелесть!

говоритъ великосвѣтскій чиновникъ:

«Nous aurons enfin le grand monde russe peint par lui même».

Не одна смерть раскольника лежитъ на душѣ Калломъйцева: когда онъ пріѣхалъ къ губернатору съ Сипягинымъ, по дѣлу арестованнаго Маркелова, и сталъ не въ мѣру и не кстати усердствовать, такъ что вызвалъ ядовитый вопросъ Маркелова:

«что это у васъ, ваше превосходительство, чиновникъ по тайной полиціи, что-ли? такой усердный?»

тогда и самъ губернаторъ почелъ нужнымъ остановить расходившагося франта:

«Кстати, мнѣ нужно переговорить съ вами, Семень Петровичъ (сказалъ онъ).

— А что?

— Да такъ; нехорошо.

— А именно?

— Да, знаете, вашъ должникъ-то, мужикъ этотъ, что ко мнѣ жаловаться приходилъ...

— Ну?

— Вѣдь, онъ повѣсилъ.

— Когда?

— Это все равно—когда; а только нехорошо.

Калломѣйцевъ пожалъ плечами и отошелъ, щегольски покачиваясь, къ окну».

А. Незеленовъ.

Маркеловъ.

*) Маркеловъ (фигура едва ли не самая яркая и законченная) воспитывался въ артиллерійскомъ училищѣ, откуда вышелъ офицеромъ; но уже въ чинѣ поручика онъ подалъ въ отставку, по непріятности съ командиромъ-нѣмцемъ. *Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ нѣмцевъ, особенно русскихъ нѣмцевъ.* Отставка разстроила его съ отцомъ, съ которымъ онъ такъ и не видѣлся до самой его смерти, а, унаслѣдовавъ отъ него деревню, поселился въ ней. *Въ Петербургѣ онъ часто сходился съ разными умными, передовыми людьми, передъ которыми благоговѣлъ; они окончательно опредѣлили его образъ мыслей.* Читалъ Маркеловъ немного и больше все книги, идущія къ дѣлу: Герцена въ особенности. Онъ сохранилъ военную выправку, жилъ спартанцемъ и монахомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ страстно влюбился въ одну дѣвушку, но та измѣнила ему самымъ безцеремоннымъ манеромъ, и вышла за адъютанта—тоже изъ нѣмцевъ. Маркеловъ возненавидѣлъ также и адъютантовъ. Онъ пробовалъ писать спеціальныя статьи о недостаткахъ нашей артиллеріи, но у него не было никакого таланта изложенія: ни одной статьи онъ не могъ даже довести до конца... *Ему вообще не везло—никогда и ни въ чемъ, въ корпусѣ онъ носилъ названіе „неудачника“.* Ясно, что Маркелова толкнули на дорогу революціи личныя неудачи. Не поссорясь онъ съ командиромъ-нѣмцемъ, онъ продолжалъ бы себѣ служить, какъ слѣдуетъ; не отбей у него невѣсту адъютанта—онъ былъ бы, можетъ быть, прекраснымъ семьяниномъ и заботился бы о созданіи себѣ уютнаго гнѣздышка; имѣй онъ лите-

*) Н. Михайловскій. „Отечественныя Записки“ 1877 г., № 2. Статья, подъ названіемъ: „Записки Профана“.

ратурный талантъ, онъ писалъ бы спеціальныя статьи для военныхъ изданій и, можетъ быть, оказалъ бы существенныя услуги отечественной артиллеріи. Но такъ какъ онъ былъ «неудачникъ», то изъ него вышелъ революціонеръ. На отвратительномъ пиршествѣ у отвратительнаго Голушкина, Маркеловъ «забарабанилъ глухимъ, злобнымъ голосомъ, настойчиво, однообразно («ни дать ни взять — капусту рубить»), замѣтилъ Паклинь»). О чемъ собственно онъ говорилъ, не совсѣмъ было понятно; слово «артиллерія» послышалось изъ его устъ въ моментъ затишья... онъ, вѣроятно, вспомнилъ тѣ недостатки, которые открылъ въ ея устройствѣ. Досталось также нѣмцамъ и адъютантамъ».

Н. Михайловскій.

* * *

*) Живѣе и правдоподобнѣе другихъ вышелъ Маркеловъ, этотъ, какъ мы сказали, Донъ-Кихоть революціи. Желчевикъ по натурѣ, онъ вѣритъ въ революцію, потому что эта вѣра необходима для накипѣвшаго въ немъ озлобленія; притомъ онъ явно глупъ и неспособенъ ни къ какой другой дѣятельности. Выданный тѣми самыми мужиками, которыхъ онъ такъ рекомендовалъ Нежданову и Соломину, онъ все-таки не теряетъ вѣры и приписываетъ неудачу только собственной своей неумѣлости. «Больше всего его грызло и мучило то, что выдалъ его—кто же? Голоплѣцкій Еремѣй! Тотъ Еремѣй, въ котораго онъ такъ слѣпо вѣрилъ! Что Менделѣй Дутикъ не пошелъ за нимъ, это его въ сущности не удивляло: Менделѣй былъ пьянь и потому струсилъ. Но Еремѣй!! «Для Маркелова Еремѣй былъ какъ бы олицетвореніемъ русскаго народа. И онъ ему измѣнилъ! Стало-быть, все, о чемъ хлопоталъ Маркеловъ, все было не то, не такъ? И Кисляковъ вралъ, а Василій Николаевичъ приказывалъ пустяки — и всѣ эти статьи, книги, сочиненія социалистовъ, мыслителей, ка-

*) Изъ статьи А. (В. Г. Авсеенко). „Русскій Вѣстникъ“ 1877 г., № 2.

ждая буква которыхъ являлась ему чѣмъ-то несомнѣннымъ и несокрушимымъ, все это—пуфъ? Неужели? И это прекрасное сравненіе назрѣвшаго вереда, ожидавшаго удара ланцета—тоже фраза? Нѣтъ, нѣтъ! шепталъ онъ про себя, и на его бронзовыя щеки набѣгала слабая краска кирпичнаго цвѣта;—нѣтъ; то все правда, все..., а это я виновать, я не сумѣлъ; не то я сказалъ, не такъ принялся!— Вотъ что собственно его грызло и мучило; а что онъ самъ попалъ подъ колесо, это была его личная бѣда: она не касалась общаго дѣла — ее бы можно было перенести... но Еремѣй! Еремѣй!» Эти люди неисправимы и убѣждены, что они «съ народомъ», даже въ то время, когда народъ крутитъ имъ руки, чтобы сдать ихъ въ полицію.

В. Австыенко.

* * *

*) Фигура Маркелова обрисована Тургеневымъ съ большимъ стараніемъ и принадлежитъ къ числу наиболѣе выработанныхъ фигуръ романа. Такихъ раздражительныхъ неудачниковъ, бросившихся въ агитаціонную дѣятельность вслѣдствіе жизненныхъ обидъ, ударовъ ихъ болѣзненному самолюбію, а также вслѣдствіе ограниченнаго и упрямаго фанатизма, на Руси всегда встрѣчалось и встрѣчается до сихъ поръ много. Ихъ судьба трагична только на половину: они возбуждаютъ одно состраданіе. Впечатлѣнія силы, впечатлѣнія героизма имъ не дано возбуждать, потому что по своему нравственному складу даже наиболѣе честные и высокіе ихъ подвиги, наиболѣе фанатическія убѣжденія исходятъ изъ безхарактерности и личнаго раздраженія. Маркеловы, несмотря на свой фанатизмъ, вовсе не представители идеи; они идутъ не за ней и гибнутъ не для нея: «они идутъ, куда ихъ поведетъ случайность», какъ говоритъ поэтъ.

В. Буренинъ.

*) В. Буренинъ. „Литературная дѣятельность Тургенева“. Спб. 1884 г.

* * *

*) Маркеловъ — угрюмый тупица, неудачникъ всегда и во всемъ, неудачникъ даже и въ революціи. Какъ и откуда онъ напитался революціонными идеями?

«Въ Петербургѣ онъ часто сходилъ съ разными умными передовыми людьми», читаемъ мы въ романѣ, — «предъ которыми благоговѣлъ; они окончательно опредѣлили его образъ мыслей. Читалъ Маркеловъ немного и больше все книги идущія къ дѣлу». «Маркеловъ», продолжаетъ авторъ далѣе, — «былъ человѣкъ упрямый, неустрашимый до отчаянности, не умѣющій ни прощать ни забывать, постоянно оскорбляемый за себя, за всѣхъ угнетенныхъ — и на все готовый. Его ограниченный умъ билъ въ одну и ту же точку: чего онъ не понималъ, то для него не существовало: но презиралъ онъ и ненавидѣлъ фальшь и ложь».

Такова эта жалкая фигура. Тургеневъ забылъ только прибавить, что, презирая и ненавидя фальшь и ложь, Маркеловъ, по своей умственной и нравственной ограниченности, граничащей съ тупоуміемъ, не способенъ былъ даже различить фальши и лжи въ явленіяхъ жизни, какъ не способенъ былъ увидѣть ту ложь, которая свила гнѣздо въ его собственной душѣ — ложь личныхъ чувствъ раздраженія, зависти и злобы ко всему и ко всѣмъ, которыя онъ принималъ чуть только не за «міровую скорбь».

Ю. Николаевъ (*Говоруха-Отрокъ*).

* * *

**) Разница между Маркеловымъ съ одной стороны и Остроумовымъ и Машуриной съ другой въ томъ, что послѣдніе, хотя и носятъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, но не сознаютъ его, и потому нѣтъ никакой «драмы» въ ихъ душѣ; Маркеловъ же несомнѣнно мучится сознаниемъ,

*) Ю. Николаевъ (*Говоруха-Отрокъ*). „Тургеневъ“. Москва, 1894 г.

**) Д. Овсянко-Куликовскій. „Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева“. Харьковъ, 1896 г.

что онъ неудачникъ, что счастье ему недоступно, вообще это фигура мрачная, почти зловѣщая, натура озлобленная и по-своему сильная. Но въ немъ, еще въ большей степени, чѣмъ у Нежданова, эта внутренняя драма развѣнчана и убита ироніей художника. Чтобы лицо вышло истинно-трагическимъ, художникъ, рисуя его, отнюдь не долженъ смотрѣть на него сверху внизъ.

Д. Овсянико-Куликовскій.

П а к л и н ъ.

*) Какъ въ нѣкоторыхъ прежнихъ романахъ Тургенева, въ «Нови» есть также лицо, представляющее нѣчто въ родѣ резонера комедій добраго стараго времени. Такого резонера представляетъ Паклинъ. Но резонеръ «Нови» имѣетъ, однакоже, нѣкоторое отличіе отъ резонеровъ прочихъ тургеневскихъ романовъ: онъ исполняетъ какъ бы стороннюю роль, приклеенъ къ фабулѣ романа искусственно, такъ сказать, съ боку. Роль Паклина даже жалка, и въ своихъ резонерныхъ репликахъ онъ является далеко не такимъ идейнымъ гоголемъ, какимъ, напримѣръ, выступаетъ въ «Дымѣ» пресловутый Потугинъ; самая его личность далеко не такъ симпатична, какъ, напримѣръ, личность Лежнева, резонирующаго въ «Рудинѣ». Наконецъ, въ резонерствѣ Паклина очень часто недостаетъ тѣхъ мѣткихъ, рѣзко опредѣляющихъ, отмѣчающихъ какъ бы клеймомъ, словечекъ и приговоровъ, какими блестятъ прежніе тургеневскіе резонеры. Словомъ, фигура этого комментатора главныхъ героевъ, объяснителя смысла тѣхъ сложныхъ жизненныхъ явленій, которыя проходятъ въ романѣ передъ читателями, недостаточно жизненна, недостаточно типична и недостаточно выполняетъ свое назначеніе.

В. Буренинъ.

*) В. Буренинъ. „Литературная дѣятельность Тургенева“. Спб. 1884 г.

* * *

*) Паклинъ лицо, которое больше всѣхъ другихъ имѣло бы права на трагизмъ: онъ уменъ и крѣпокъ мыслью, но слабъ духомъ; онъ все отлично понимаетъ, и ничего не можетъ; въ немъ много интереса къ жизни — и никакой жизнеспособности. Строго говоря, то, что происходитъ въ душѣ Силы Самсоныча Паклина, — по существу трагично, но всѣ мы такъ уже устроены, что никакъ не можемъ признать это «трагедіей», и съ жестокостью, свойственной всему живущему и пользующемуся жизнью, относимъ маленькаго, хроменькаго, слабенькаго Паклина, вмѣстѣ, напр., со старой дѣвой, — къ области комическаго.

Д. Овсянико-Куликовскій.

С и п я г и н а.

**) Валентина Михайловна Сипягина, супруга почтеннаго сановника, вполнѣ его стоила. Она съ успѣхомъ могла бы состязаться съ нимъ по части безсердечія, эгоизма и самаго возмутительнаго лицемѣрія. Лицомъ она напоминала Мадонну сикстинскую; вся ея наружность, ея манеры, походка, обращеніе — отличались какою-то неуловимою граціею, мягкостью, прелестью. Но подъ этою очаровательною внѣшностью скрывалось самое мизерное содержаніе. «Она вся ложь, говоритъ о ней Маріанна, — она комедіантка, она позерка, она хочетъ, чтобы всѣ ее обожали, какъ красавицу, и благоговѣли передъ нею, какъ передъ святой! Она придумаетъ задушевное слово, скажетъ его одному, а потомъ повторяетъ это слово и другому, и третьему, и все съ такимъ видомъ, какъ будто она сейчасъ это слово придумала, и тутъ же кстати играетъ своими чудесными позами. Она никого не любитъ.

*) Д. Н. Овсянико-Куликовскій. „Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева“. Харьковъ. 1896 г.

**) П. Никитинъ (П. Ткачовъ). „Дѣло“ 1877 г., № 2.

Притворяется, что все возится съ Колею (своимъ сыномъ), а только всего и дѣлаетъ, что говорить о немъ съ умными людьми. Сама она никому зла не желаетъ. Она вся благоволеніе! Но пускай вамъ въ ея присутствіи всѣ кости пореломають — ей ничего! Она пальцемъ не пошевельнетъ, чтобы васъ избавить». Подобно своему мужу, она одарена способностью, совершая самые неблагоприятные поступки (подслушивая, напр., у дверей, шпионничая), сохранять въ то же время видъ величаваго достоинства и неприступной добродѣтели. Вообще характеръ этой сикстинской Мадонны, въ рангѣ тайной совѣтницы, очерченъ Тургеневымъ съ неподражаемымъ мастерствомъ тонкаго знатока женской природы. По нашему мнѣнію, это одна изъ самыхъ живыхъ, самыхъ реальныхъ личностей въ цѣломъ романѣ. Ея внутренній міръ или, лучше сказать, внутренняя пустота, ея отношенія къ мужу, брату и въ особенности къ яко бы «облагодѣтельствованной» ею женщиной племянницѣ — проанализированы авторомъ такъ всесторонне и съ такою художественною объективностью, что, конечно, никому и на умъ не придетъ упрекнуть его въ пристрастіи или утрировкѣ. Но, именно благодаря этой — то объективности, образъ госпожи Сипягиной производитъ на васъ тяжелое впечатлѣніе, какъ по своему нравственному убожеству, такъ и по своей типичной конкретности.

II. Никитинъ (П. Ткачовъ)

Г о л у ш к и н ъ .

*) Отрицателямъ изъ высшаго свѣта совершенно соотвѣтствуютъ въ романѣ отрицатели-революціонеры: Кисляковъ, Маркеловъ, купецъ Голушкинъ и другіе. — Эти лица раздѣляются на пошляковъ, говорящихъ съ чужого голоса, и на искренно увлеченныхъ революціей, заговоромъ. Но и тѣ и другіе вызываютъ въ душѣ поэта и читателя главнымъ образомъ — смѣхъ и сожалѣніе.

*) А. Незеленовъ. „Тургеневъ въ его произведеніяхъ“. Спб. 1885 г.

Представителемъ первыхъ служить купецъ Голушкинъ, человѣкъ лѣтъ сорока, «сынъ разбогатѣвшаго торговца москательнымъ товаромъ изъ старовѣровъ-еодосѣвцевъ».

«Самъ онъ (разсказываетъ поэтъ) не увеличилъ отцовскаго состоянія, ибо былъ, какъ говорится, жуиръ, эпикуреецъ на русскій ладъ — и никакой въ торговыхъ дѣлахъ сообразительности не имѣлъ». Онъ вообще производилъ впечатлѣніе парня дурковатаго, избалованнаго и крайне самолюбиваго. Самъ онъ почиталъ себя человѣкомъ образованнымъ, потому что одѣвался по-нѣмецки и жилъ хотя грязненько, да открыто, знался съ людьми богатыми и въ театрѣ ѣздилъ, и протежировалъ каскадныхъ актрисъ... Жажда популярности была его главною страстью: греми молъ, Голушкинъ, по всему свѣту! То Суворовъ или Потемкинъ — а то Капитонъ Голушкинъ! — Эта же самая страсть, побѣдившая въ немъ прирожденную скупость, бросила его, какъ онъ не безъ самодовольства выражался, въ оппозицію (прежде онъ говорилъ просто «въ позицію», но потомъ его научили), свела его съ нигилистами: онъ высказывалъ самыя крайнія мнѣнія, трунилъ надъ собственнымъ старовѣрствомъ, ѣлъ въ постъ скоромное, игралъ въ карты — а шампанское пилъ какъ воду. И все сходило ему съ рукъ; потому, — говорилъ онъ, — у меня всякое, гдѣ слѣдуетъ, начальство закуплено, всякая прорѣха зашита, всѣ рты заткнуты, всѣ уши завѣшены».

Очень живыми чертами нарисованъ обѣдъ у этого Голушкина, гдѣ онъ и его приказчикъ Васька, преданный, по его словамъ, революціи, высказываются во всей красѣ. Этотъ Васька, «прилизанный, чахоточный человѣчекъ съ кувшиннымъ рыльцемъ», съ такимъ видомъ «скалил зубы», что нельзя было понять —

«что онъ такое: пошлый ли дурачокъ, или, напротивъ, всесовершеннѣйшій выжига и плутъ».

На пресловутомъ обѣдѣ шель дѣловой разговоръ въ такомъ родѣ:

«Намъ не нужно постепенцевъ, сумрачно проговорилъ Маркеловъ.

— Постепеновцы до сихъ поръ шли сверху, замѣтилъ Соломинъ,—а мы попробуемъ снизу.

— Не нужно, къ черту! не нужно, рьяно подхватилъ Голушкинъ: надо разомъ, разомъ!

— То-есть, вы хотите въ окно прыгнуть!

— И прыгну! завопилъ Голушкинъ.— Прыгну! и Васька прыгнетъ! Прикажу — прыгнетъ! А? Васька? Вѣдь, прыгнешь?

Приказчикъ допилъ стаканъ шампанскаго.

— Куда вы, Капитонъ Андреичъ, туда и мы. Развѣ мы разсуждать смѣемъ?

— А! то-то! Въ бараній рогъ согну!

А. Незеленовъ.

Машурина и Остроумовъ.

*) Машурина доброе, ограниченное и честное существо, грубое и невзрачное по наружности, таящее въ душѣ нераздѣленное чувство любви къ Нежданову и размыкивающее свое сердечное горе преданностью тому призраку революціонной дѣятельности, за которымъ она слѣдуетъ, покорно и скромно исполняя всякую, не только «черную», но и опасную работу, возлагаемую на нее вожаками. Машурина одна изъ самыхъ обыкновенныхъ и самыхъ живыхъ и правдивыхъ лицъ русской недавней дѣятельности, одна изъ невзрачныхъ, но не лишенныхъ внутренняго трагизма жертвъ нашей кружковщины.

В. Буренинъ.

* * *

***) Машурина—самое симпатичное изъ всѣхъ лицъ романа. Она тупа, ограничена, но у нея есть преданное сердце. Ея любовь къ Нежданову—трогательна, ибо это любовь, переходящая въ преданность. Она вѣрна его памяти—у нея

*) В. Буренинъ. „Литературная дѣятельность Тургенева“. Спб. 1884 г.

**) Ю. Николаевъ (Говоруха-Отрокъ). „Тургеневъ“. Москва. 1894 г.

есть «память сердца»). Какъ ни страннымъ это покажется, но если мы забудемъ грубую оболочку Машуриной, ея некрасивое лицо, ея вульгарную рѣчь и ухватки, ея красныя руки, то ея отношеніе къ Нежданову можетъ быть охарактеризовано этими стихами Пушкина:

Но Эдмонда не забудеть
Дженни—даже въ небесахъ...

Вотъ это-то преданное сердце ея подкупаетъ въ ея пользу, и становится безконечно жаль эту простую, нехитрую, простодушную дѣвушку, захваченную нигилизмомъ, которая такъ же простодушно повѣрила въ революцію, какъ бы, можетъ-быть, прежде и съ тѣмъ же простодушіемъ вѣрила, что земля на трехъ китахъ стоитъ. И разъ предавшись революціи, она уже покорно, какъ вѣрная собака, идетъ, куда пошлетъ ее господинъ, и ляжетъ у его порога, и умретъ, если понадобится, за этого господина, будь то Василій Николаевичъ или какой-нибудь «безымянный» — умретъ, сама не зная за что, повинуваясь лишь своему сердцу, жаждущему кому-нибудь предаться.

Ю. Николаевъ (Говоруха-Отрокъ).

* * *

*) Остродумовъ и Машурина являютъ собою типичный образчикъ сочетанія ограниченности ума съ несомнѣнной честностью души, безкорыстіемъ побужденій, самоотверженіемъ, сочетанія, которое нерѣдко наблюдается въ дѣйствительности, проявляется и на исторической аренѣ, и въ искусствѣ со временъ Сервантеса совершенно правильно квалифицировано, какъ «комическое». Въ дѣйствительности участь такихъ людей бываетъ часто трагична. Они нерѣдко страдаютъ и гибнутъ. Но если художникъ вздумаетъ изобразить ихъ, какъ героевъ трагическихъ, то выйдетъ мелодрама. По той же причинѣ не трагиченъ и Маркеловъ.

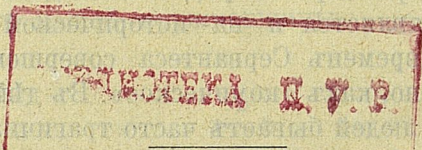
Д. Овсяннико-Куликовскій.

*) Д. Овсяннико-Куликовскій. „Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева“. Харьковъ. 1896 г.

Фимушка и Фомушка.

*) О Фомушкѣ и Фимушкѣ можно сказать опредѣленно, что авторъ шутилъ надъ ними неудачную шутку. По всѣмъ признакамъ, глава, гдѣ выступаютъ эти старички, вставлена въ романъ изъ тетрадки долго залежавшейся въ бумагахъ автора: и по манерѣ, и по слогу, и по тщательной обработкѣ нѣкоторыхъ подробностей отрывокъ этотъ, вѣроятно, принадлежитъ къ той эпохѣ, когда написаны «Бригадиръ» и «Живыя Мощи». Но дѣло въ томъ, что въ сороковыхъ годахъ этотъ этюдъ, пожалуй, имѣлъ бы смыслъ, потому что въ тѣ времена въ иныхъ захолустьяхъ не въ диковину было встрѣтить подобныхъ антиковъ. Представьте же себѣ, что этимъ вымирающимъ послѣдкамъ XVIII вѣка авторъ продлилъ жизнь на цѣлыхъ тридцать лѣтъ, искусственно, но не искусно приладивъ ихъ къ современному роману! Швы, которыми онъ вставилъ эту тетрадку въ рукопись «Нови», такъ плохо замаскированы, что ихъ различитъ мало-мальски опытный глазъ. И между тѣмъ правдоподобность все-таки не достигнута, хотя авторъ рѣшается даже на такую смѣлую реставрацію, что заставляетъ дворецкаго въ 1868 году отвѣчать на вопросъ, не слыхалъ ли онъ, что для всѣхъ крѣпостныхъ вышла воля — такимъ образомъ: «мало ли кто какія мелеть враки; это, молъ, у Турковъ бываетъ воля, а его, слава Богу, она миновала».

В. Австенко.

11. **Хрестоматія** для объяснительнаго чтенія. Дополненіе къ книгѣ: „Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію.“ Ц. 25 к.

12. **Объяснительный словарь** болѣе употребительныхъ въ русскои литературѣ и рѣчи иностранныхъ словъ. Составленъ примѣнительно къ правописанію. Ц. 50 к. (Содержаніе этой книги то же, что и 4-го выпуска „Справочника по русскому правописанію“).

13. **Краткій алфавитный справочникъ** по русскому правописанію. Опытъ группировки орфографическихъ правилъ въ порядкѣ русскаго алфавита. Ц. 25 к.

II. Руководства по преподаванію русскаго языка:

(Методическая хрестоматія для обученія русскому языку).

14. а) **Обученіе грамотѣ по звуковому способу.** Сборникъ методическихъ разъясненій, указаній, приемовъ и примѣрныхъ уроковъ по обученію грамотѣ, разработанныхъ извѣстными педагогами. Изданіе 5-е. Цѣна 1 р.

15. б) **Методическія указанія и примѣрные уроки** по объяснительному чтенію. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 5-е. Цѣна 1 р. (Печатается шестымъ изданіемъ).

16. в) **Методическія указанія и образцовые уроки** по преподаванію русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 5-е. Ц. 1 р.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія всѣ три предыдущія книги допущены въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

III. Пособія по исторіи русской литературы:

17. **Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева.** Три выпуска. Первый и второй выпуски вышли 5-мъ изданіемъ, а третій—4-мъ. Цѣна каждому выпуску 2 р. (Третій выпускъ печатается 5-мъ изданіемъ).

18. **Критическій комментарий къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго.** Сборникъ критическихъ статей. Четыре части. Первые три части изданіе 4-е, а четвертая часть изданіе 3-е. Цѣна каждой части 2 р.

19. **Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ.** Три части. Первая часть изд. 3-е, а 2-я и 3-я—изд. 2-е. Ц. по 1 р. за часть.

20. **Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина.** Хронологическій сборникъ критико-бібліографическихъ статей. Семь частей. Ц. по 1 р. за часть (1-я, 2-я и 3-я части вышли 3-мъ изданіемъ, а всѣ прочія части—2-мъ изданіемъ).

21. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Стого. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Восемь частей. Ц. по 1 р. за часть. (1-я, 2-я и 3-я части въ 3-мъ изданіемъ, а 4-я, 5-я, 6-я и 7-я части вышли 2-мъ изданіемъ).

22. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гогаля. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Три части. Изд. 3-е. Цѣна по 1 р. за часть.

23. Критическіе разборы романа Тургенева: „Отцы и Дѣти“. Ц. 50 к.

24. Критическіе разборы романа Л. Н. Толстого: „Война и Миръ“. Ц. 3 р. (Оттискъ изъ „Русской критической литературы о произведеніяхъ Л. Н. Толстого“).

25. Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Пять частей. 1-я часть изд. 3-е, а остальн. части—2-е. Ц. по 1 р. за часть.

26. Критическіе разборы „Дворянскаго Гнѣзда“ и „Наканунѣ“—Тургенева. Перепечатано безъ измѣненій изъ „Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева“. Изд. 3-е. Ц. 80 к.

27. Сборникъ критическихъ статей о сочиненіяхъ М. Ю. Лермонтова. 2 части. Изд. 2-е. Каждая часть по 1 р.

28. А. С. Пушкинъ въ разборѣ В. Г. Бѣлинскаго. Отдѣльный оттискъ изъ „Русской критической литературы о произведеніяхъ А. С. Пушкина“. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

29. Критическіе разборы „Записокъ Охотника“—Тургенева. Ц. 40 к.

30. Критическіе разборы романа „Новъ“—Тургенева. Ц. 70 к.

31. Критическіе разборы повѣсти „Рудинъ“—Тургенева. Ц. 40 к.

32. Критическіе разборы романа Тургенева „Дымъ“. Ц. 40 к.

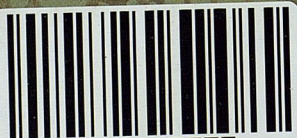
33. Критическіе разборы романа Ф. М. Достоевскаго „Преступленіе и Наказаніе“. Ц. 1 р.

34. Критическіе разборы „Записокъ изъ Мертваго Дома“—Достоевскаго. Ц. 40 к.

Складъ изданій В. ЗЕЛИНСКАГО: Москва, Патриаршіе пруды,
д. Михайлова.

Цѣны книгамъ показаны безъ пересылки. Пересылка по дѣйствительной почтовой стоимости. Небольшія суммы можно посылать почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ.

2010515777